

Владимир Высоцкий

130 ПЕСЕН ДЛЯ КИНО

Владимир Высоцкий

130 ПЕСЕН ДЛЯ КИНО

СОЮЗ КИНЕМАТОГРАФИСТОВ СССР
Всесоюзное творческо-производственное
объединение "Киноцентр"
Москва, 1991

Составление, текстологическая подготовка и примечания *А. Крылова*

Запись рассказов Высоцкого о кино — *И. Роговoго и А. Крылова*

В работе над сборником принимали участие *Ю. Тырин и Л. Ушаков*

Художник *А. Юркевич*

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящий сборник составили песни Высоцкого, написанные для кино или же сочиненные раньше — не по заказу, — но предложенные впоследствии автором для той или иной картины. Далеко не все из них вошли в фильмы, но большинство их известно любителям творчества поэта и певца по магнитным лентам.

Рассказ о работе Высоцкого в кино, предваряющий песенные циклы, тоже фрагментарно знаком его поклонникам по концертным фонограммам. Он не был написан самим автором, не было все это и произнесено им в качестве единого монолога. Мы взяли на себя смелость обобщить и свести воедино по возможности все сказанное Высоцким о кино на сотнях публичных выступлений и в интервью, известных нам сегодня в магнитофонной записи и хранящихся в собрании Комиссии по творческому наследию В.С.Высоцкого при Всесоюзном совете клубов самодеятельной (авторской) песни. То есть каждый факт, каждая мысль этой главы подтверждены живым словом Владимира Высоцкого. Мы старались не интерпретировать отдельные — не совсем ясно сформулированные — положения, не хотели сглаживать некоторые противоречия в высказываниях, а они есть: ведь записи делались в разные годы, в различных аудиториях, в различном настроении. Мы хотели, чтобы читатель сам постарался разобраться и понять, что именно имел в виду автор, услышал бы за строками текста его разговорную интонацию.

О РАБОТЕ В КИНО

Профессия актера, может быть, больше, чем другие, привлекает внимание: к человеку на экране или на сцене всегда возникает какой-то повышенный интерес.

Многие считают, что у актеров легкая жизнь — только цветы, поцелуи, поклонницы, аплодисменты, — это неправда. Это серьезная трудная работа. Я считаю, не существует легких профессий, денег задаром никому не платят, — кстати, правильно делают. (Бывают моменты, когда платят деньги ни за что, но хорошо бы это изживать.) Мы тоже очень много работаем, чтобы в конце выйти перед вами с улыбкой, но зрители видят только результат и не замечают нашей закулисной работы, наши огонь, воду и медные трубы. Кстати, очень многие не выдерживают испытания медными трубами: огонь выдерживают, и воду все проходят, а вот медные трубы — немногие.

Единственное, чем наша профессия отличается от других, — в ней есть немедленная отдача. Ведь для чего в идеале человек работает? Чтобы какой-то след оставить, что-то принести людям, государству, человечеству. Я уже не говорю, что каждый это ощущает, но и результат любого труда, гуманизм работы, философия ее — в этом. Конечно, цель каждой работы — принести людям какую-то радость: неважно — сейчас, завтра, через много лет... В науке, очевидно, эта отдача происходит позже, чем у актеров: мы работаем и тут же видим — на сцене или на экране, — доставили мы удовольствие зрителям, пробудили у них добрые чувства или нет, — это ведь и призвано делать искусство... Так что все мы, в общем, работаем на равных.

Теперь я постараюсь очень коротко рассказать о своей работе в кино. И не только — о своей, а вообще о работе в кино. Я не буду, конечно, рассказывать никаких фактов своей биографии — когда учился, когда поступил, когда женился, когда родились дети, — это никому не интересно. Меня, например, абсолютно не интересует, кто из сидящих здесь в зале сколько раз был женат, — это личное дело каждого.

Хотя за границей есть даже журналы, — они очень много разговаривают об интимной жизни артистов... Закулисные всякие истории, и с напечатанием фотографий — но все это плохо кончается. Вы знаете, что американская актриса Мэ-

рилин Монро из-за этого покончила с собой; пыталась наложить на себя руки другая актриса, французская, Брижит Бардо, которая говорила, что ей так и кажется, что за каждой шторой — фотокорреспондент. У нас, к счастью, этого нет, а интерес к актерам все равно большой.

В кино я работаю с окончания студии. Сначала мне, честно говоря, очень не повезло: режиссеры почему-то думали, что я артист комедийный, и давали мне какие-то странные роли. В театре как-то сразу пошло легче, сразу было понятно, что я буду делать. А в кино — там же нужны типажи, внешность у меня не героическая всегда была и поэтому самыми первыми ролями в кинематографе были характерные роли. Я играл людей несерьезных, смешливых, молодых, которые не очень-то задумываются про эту жизнь. Даже несколько отрицательных — нагловатых таких парней, которым море по колено. Это были люди разных профессий — шоферы, такелажники, солдаты, матросики, — но не больше. По ходу дела они приставали к чужим девушкам, и за это их били: амплуа у меня было такое. Сейчас я не согласился бы эти роли играть, а тогда играл с удовольствием: был молодой, неопытный, жадный до славы и хватал все что плохо лежит, — я имею в виду кино, конечно. Все-таки в двадцать лет соглашаешься на любую ерунду, лишь бы сняться, лишь бы мелькнуть на экране, посветить лицом. Сейчас-то уже, конечно, смотришь, что за роль, что в ней можно сказать людям, а тогда брались за все, что ни попадется.

Впервые мне предложили сниматься в картине “Карьера Димы Горина”. Я играл роль монтажника-высотника Софрона, и он же — шофер по совместительству. Натуру мы снимали в Карпатах, места прекрасные, все очень красиво. Ноябрь месяц, погода великолепная: в Москве холода, а тут купаться можно.

По ходу дела мы тянули высоковольтную линию передач. Жили вместе с монтажниками ЛЭП, учились у них каким-то навыкам, чтобы хоть что-то уметь делать по профессии, которую играли, иначе зритель не поверит, — на экране все видно как на ладони. И еще я там научился водить самосвал, ЗИЛ-стотридцатый, так что кусок хлеба под старость есть.

Должен был я сниматься на сорокаметровой опоре ЛЭП — там гористая местность, опоры громадные. Залез я туда, закрепился страховочным поясом. Ветер, страшно. Отсняли, зуб на зуб не попадает, надо слезать. А как спускаться? — вверх лезть всегда легче. Посмотрел вниз, понял,

что отсюда никогда не слезу, и говорю монтажникам: "Толь-ко летом слезу. Теперь меня только с аварийной машиной можно отсюда снять". Если бы не они, я бы там до сих пор сидел...

А монтажники бегают по этим планкам и перекладинам, как обезьяны — без страховки. Чтобы долго не спускаться, у них есть такой прием: прямо с поперечины ЛЭП, с сорока метров, они бросают вниз провод, надевают очень плотные варежки, чтобы не сжечь руки, — и просто падают по этому канату, а метрах в трех от земли резко тормозят руками и останавливаются. Жутко смотреть, просто дух захватывает. Потом я научился это делать, вошел во вкус и меня просто тянуло наверх, как на палубу корабля.

Был в этой картине такой эпизод. К одному из монтажников, которых мы играли, приехала жена с ребенком, и мы должны были перебегать против течения через горную речку. Вода холодная — ноябрь месяц, в полной одежде, — не очень приятно. Первый дубль пробежали, второй — тоже как-то, третий — уже труднее. Потом уже и сил никаких нет, я пристроился в кильватер за Лешей Ваниным, чтобы он рассекал волны: он борец, играл в фильме "Чемпион мира". Тут уже, в общем, кто как мог. Мы обессилели, замерзли безумно. Принесли спирт — растираться, — после этого мы сразу же сказали, что еще хотим в воду... И такие приятные минуты бывают во время съемок.

Первый мой съемочный день врезался в память на всю дальнейшую жизнь. Предстояло сниматься в таком эпизоде: я ехал в кабине машины с Таней Конюховой, очень известной уже в то время актрисой, и должен был по ходу сюжета к ней приставать — обнимать и всячески добиваться ее благосклонности. Не к самой актрисе, конечно, а к персонажу, которого она играла. А я был тогда человек молодой, только что закончил студию. Еще скромный, неопытный... (Это не значит, что я сейчас нескромный, просто тогда я тоже был скромным.) И режиссеру говорю:

— Мне неудобно: она известная актриса, а у меня первый день, первый фильм, — не могу позволить себе такое. Я ее так уважаю!.. Неловко как-то.

— Да брось ты ваньку валять! Ты же взрослый человек, читал сценарий! Что ты в конце концов!..

— Ну серьезно, не могу я. Не лежит душа. Может, я ей лучше что-то скажу или что-нибудь другое сделаю?

Таня меня подбадривает:

— Смелей, Володя! Ну что ты? Это ж ненадолго. Надо — значит надо! Ну, давай!

А режиссер — он у нас армянин был — кричит:

— Ты мужчина в конце концов или нет?!

Долго я отнекивался, наконец согласился. И это было очень приятно, как уже потом выяснилось.

А Дима Горин, которого играл Саша Демьяненко, ехал в кузове и в заднее окошко за всем этим наблюдал. И потом — мы снимали все это в один день — наступало возмездие: я спускаюсь из кабины, стучу по скатам ногами, оборачиваюсь — стоит Дима Горин, наматывает для надежности кепку на кулак и собирается бить меня в челюсть.

И вот здесь началось самое страшное... Кино — это же самый реалистический, самый натуральный вид искусства, и поэтому там все должно делаться по-настоящему. Экран — большой, лицо — громадное, метра три величиной, поэтому, если не донесешь кулак до лица, зритель сразу увидит и скажет: "Э-э, это вранье. Он его не ударил, там вон какой просвет!.." Так что манера исполнения должна быть очень правдивой, чтобы зритель в это поверил. Все делается по-настоящему и по многу дублей подряд. А если ты к тому же в ссоре с оператором, он смотрит в свою дырку и говорит, что не видно удара, — надо бить посильнее, чтобы лицо на экране исказилось.

Мы отсняли девять дублей: режиссеры были молодые, не уверенные в себе, к тому же шел дождь и у оператора все время получался брак. Было довольно больно. В середине этого мордобоя Саша — а он боксер — подошел ко мне и сказал: "Слушай, ты меня прости, что-то у них там опять не получается, просят еще. Что я могу для тебя сделать? Давай хоть я тебя буду по другой щеке, если эта..."

И я был вынужден действовать по евангелию: ударили по одной щеке — подставляй другую. Не из-за того, что человек верующий, а для симметрии, чтобы не так распухала одна половина. Вот так кончилось, вернее, началось мое знакомство с кинематографом — с такого несправедливого, в общем, мордобития. Ни за что ни про что я стал жертвой искусства, потому что оно всегда требует жертв.

После этого я решил, что больше играть таких ролей не буду. Но не тут-то было. Следующий фильм — "713-й просит посадку". Играл я там американского солдата морской пехоты и тут уж обязательно должен был вести себя неприлично: раз я американский моряк. Там по сюжету усыпили команду летчиков, я с криком врывался в кабину, где они лежали, и пытался посадить самолет на воду... И тоже должен был приставать к девушке. В этот раз я не отказывался — у меня уже была практика, я вошел во вкус и со знанием дела все делал.

А бить меня за это должен был Отар Коберидзе. Он грузин, человек здоровый, восточного темперамента, у него сразу глаз загорелся нехорошим огнем. Ну, думаю, убьет. И режиссеру говорю: "Если будет два дубля — я дам дуба".

Сняли мы все-таки эту сцену за один раз, так что он меня не успел убить, каким-то образом я остался жив, и эта картина тоже кончилась благополучно. Но после этих фильмов я стал смотреть в сценариях, кто кого бьет, чтобы не попадать в дурацкое положение, когда тебя бьют, а ты не можешь ответить — не положено по сюжету.

Потом я сыграл еще несколько ролей в фильмах, которые не хочется вспоминать — я их не люблю: "Увольнение на берег", "Штрафной удар", "Стряпуха". Честно говоря, это было сделано из-за интереса к кинематографу, из-за тщеславия, из-за денег — я не считаю это серьезной работой.

В фильме "Увольнение на берег" я сыграл парнишку-моряка. Он тоже не очень положительный человек, — провинился, его не пустили на берег, заставили драить палубу, и он просит своего друга передать любимой девушке на берегу, что он не придет.

Мы снимали этот фильм в Севастополе на крейсере "Кутузов", флагмане Черноморского флота. Я там месяц жил, ходил в матросской форме с надписью "БЧ-5" — это мотористы-радисты, — спал в кубрике и питался вместе с моряками. Они меня уже за своего держали, потому что много новичков проходило по первому году службы. Учился драить палубу и еще кое-что погрязнее — мы должны были это снимать.

Однажды был такой эпизод. Вся команда выстроилась — ждали контрадмирала, а мы в это время снимали пробеги по кораблю. Я разбежался — в робе, грязный, со шваброй в руке — и ударил этого контрадмирала головой в живот. Выпрямился и испугался.

Контрадмирал позеленел:

— Как фамилия?!

Я говорю:

— Высо...

— Тьфу, опять это ты, Володь! Ну что же ты делаешь! — он тоже принял меня за своего, настолько ко мне на судне привыкли.

Однажды мне там очень повезло. Когда Юрий Гагарин — он тогда только что слетал в космос — приехал на "Кутузов", всех киношников прогнали с корабля, а меня оставили: я же был в форме. И я видел встречу Гагарина с моряками.

Картину "Штрафной удар" я запомнил вот из-за чего. Это была комедия студии Горького — довольно смешной фильм. Мы — Пушкарев, Трещалов, Янковский и я — играли спортсменов, которые из города за деньги едут выступать под чужими фамилиями на сельскую спартакиаду. Я играл роль гимнаста, его специальность — конь и перекладина. А наш руководитель, которого играл Пуговкин, так здорово разбирался в спорте, что перепутал все и говорит фотокорреспонденту: "А он, понимаете, так насобачился, что через перекладину на коне сигает". И в газете это напечатали.

И вот я вынужден был — по фильму — первый раз в жизни сесть на лошадь. Это был очень смешной эпизод — ноги болтаются, лошадь побежала в другую сторону, обегает препятствие... Но для этого, чтобы сделать вид, что ты не умеешь ездить, нужно было очень долго тренироваться. Я полгода на манеже, в Москве, под руководством тренера тренировался на лошадях и с удовольствием вспоминаю то время, потому что конный спорт стал моим любимым видом спорта: я очень люблю лошадей.

Ну а тогда я научился стоя скакать на лошадях, всякие делать номера — и делал впервые сам довольно сложные трюки, а именно: когда лошадь шла на препятствие, я делал сальто назад и должен был попадать в седло другой лошади со словами: "Извините, я ошибся лошадью". Но это, конечно, невозможно было сделать — это только в страшном сне может быть и в кинематографе, поэтому уж как-то там это монтировали. А вот выпрыгивание из седла — это я выполнял сам: я незаметно убирал ноги из стремян и, отталкиваясь от седла, делал сальто назад. Там уже, внизу, ловили.

Трюк очень опасный, потому что лошадь может ударить ногами — мне даже циркачи об этом говорили. Тем более что снимали это весной, когда все лошади нервные.

Сейчас актерам не разрешается самим выполнять трюки после смерти Жени Урбанского: он погиб в пустыне при выполнении трюковой съемки "прыжок с бархана на бархан". Это очень сложная съемка, и ему не давали ее делать. Он прыгал с бархана на грузовой машине, а в это время немножко снесло песок — он не рассчитал и разбился. Поэтому сейчас это делают профессионалы, трюкачи, — специальные люди, которые делают подсечки лошадям, переворачивают машины и так далее. Но мы всегда рвемся в бой и сами тоже делаем кое-что — все равно все хочется сделать самому.

В картине "Служили два товарища" был такой эпизод: я стрелял себе в рот и с палубы корабля падал в воду в полном обмундировании. Там невысоко — метра два с лишним, но

мы снимали в самом начале марта, и вода была всего три градуса, только что сошел лед — хоть это и Черное море, но в том году бухта в Одессе замерзла. Я долго просил, чтобы мне разрешили это самому сделать. Режиссер сначала говорил: "Нет, Володя, нельзя, Мне попадет..." А потом согласился...

После "Штрафного удара" был небольшой перелом — фортуна как-то повернулась ко мне другой стороной: мне вдруг стали давать положительные роли, но такие положительные, что не хочется об этом вспоминать. Видно, кто-то решил: "Почему это он все плохих играет, дайте ему хорошего", — и в фильме "На завтрашней улице" я сыграл одного типа (называю его так потому, что очень эту роль не люблю) — ну такого хорошего, каких и не бывает.

Сам-то фильм очень интересный — об ударной комсомольской стройке. Снимали мы его на Плявинской ГЭС под Ригой там были лучшие работники с других строек. Впервые в жизни я видел, как люди создают своими руками эту махину, которая потом на фотографиях выглядит так красиво и безобидно. Я видел, как перекрывают реку, как прорвало перемычку, видел ночной аврал.

Жили мы в лесу, в палатках, недалеко от места съемок. Кипела работа, все было замечательно и интересно. Но играл я такого "голубого героя", что даже сейчас мне смешно, как я при своем характере мог сыграть такого до противности хорошего человека. Он — бригадир земснаряда, его все любят: начальство, друзья, жена, дети. — все кругом. Живет он в палатке, она протекает, мебель полированная гниет, а он даже квартиру не просит — такой сознательный:

— Мне квартира не нужна.

Жена чихает, кашляет, ребенки — их у него двое — плачут, а он:

— Нет, не поеду. Другим нужнее!

Я не хотел это играть, просил сценариста переменить роль — таких людей не бывает. Я старался сделать так, чтобы это был живой человек, но было очень трудно: слишком уж все у него было прекрасно. И через это я тоже прошел... Вообще неинтересно играть людей, покрашенных одной — белой или черной — краской: у каждого человека есть черты и такие и такие. И зрителя не обманешь — он сразу понимает, где правда, а где неправда. Он избалован хорошими картинами, хорошими образами, настоящими людьми.

В "Стряпухе" я играл роль тракториста Пчелки. Там я впервые в кино пел, но с пением вышла неудача. Пришел

смотреть фильм. Вдруг — батюшки мои! — разговариваю я своим нормальным голосом — хриплым, грубым, — а потом выхожу с гармошкой и каким-то высоким тенором пою: “Две подружки, две...” Аж народ в зале передергивается: ясно, что поет другой человек. Я говорю режиссеру:

— Что же ты наделал, Эдик?!

— Да тебя не было, понимаешь, мы взяли — переозвучили.

— Не могли, что ли, взять с хоть немножко более низким голосом?!

Долго я возмущался, потом махнул рукой.

И еще в “Стряпухе” меня красили. В кино вообще: придешь черным — покрасят в белого. И наоборот. Я всегда думал — зачем это делается, а потом понял: есть гримерный цех, им тоже надо работать — вот они и красят.

Ну а потом моя киношная судьба очень резко повернулась. Я стал играть людей взрослых, серьезных, за спиной которых есть биография, интересная жизнь. Мне очень повезло: меня пригласили сниматься в картину “Я родом из детства”. Сценарий фильма написал Гена Шпаликов, ныне покойный, трагически погибший — он повесился, — а снимал его замечательный советский режиссер Виктор Туров, мой большой друг — тогда еще довольно-таки молодой режиссер с “Беларусьфильма”. Это фильм об окончании войны, о первых днях после Победы.

Туров — человек очень интересной судьбы. У него было тяжелое и жестокое детство, прямо целая одиссея. В семь лет почти на его глазах немцы расстреляли отца: он был командиром партизанского отряда — пришел навестить семью, и кто-то его выдал. Вошли полицаи, вывели отца из дому и прямо здесь же, во дворе, расстреляли. Потом его с матерью угнали в Германию. Когда американцы их освободили, они пешком пошли домой. Он потерял в дороге мать, полгода скитался по Европе, добираясь до России, и девятилетним пацаном пришел к себе на родину, в Могилев.

То есть он на самом деле “родом из детства”, он очень очень эти времена запомнил. Ежесекундно. У него сохранилось удивительное восприятие военных лет, конца войны — он сохранил детский, удивительно очищенный, свежий взгляд на это время. Он и фильм этот снимал так, как тогда видел все детскими глазами. Я думаю, что он снимал фильм и про себя: он, наверное, один из тех пацанов, что там действуют.

В этом фильме я играл капитана-танкиста — это моя первая серьезная, по-настоящему положительная роль. Правда,

здесь я тоже пытаюсь приставать к чужой девушке, но уже не так нахально. В общем, играю хорошего человека. Он горел в танке, полгода лежал в госпитале: ему восстанавливали лицо, делали пластические операции. А он боялся попросить зеркало у медсестры: вдруг у него что-то страшное с лицом. Лежал и сочинял песни. Как и меня, его звали Володей.

Эта картина для меня памятна еще и тем, что мне впервые заказали песни для фильма. И получилось, что два образа — образ, который я играю, и кто я есть на самом деле — слились вместе. И каким-то странным образом сомкнулось то, что было 25—30 лет назад, с тем, что я делаю сегодня. Я действительно написал много песен для этой картины — и музыку и текст. Вы представляете себе?! Я, никогда не воевавший человек, писал песни в картину, где не было ни одного грамма лжи!..

На съемках я ходил в форме капитана военного времени, с нашивками о ранениях — мы ведь обнашиваем одежду, когда снимаемся. А шрамы делаются в кино варварским способом: стягивают кожу и заливают коллодием — это ужасно неприятная, пахучая жидкость, — и когда часов через двенадцать все это снимаешь, лицо сразу не расправляется, шрам остается и очень долго держится. Однажды в столовой, где я ел, одна старушка мне сказала: "Ой, милок, как же тебя война-то покалечила!" — а этому милку всего было двадцать пять лет от роду, да и война кончилась двадцать лет назад.

Но в Белоруссии, где погиб каждый четвертый, очень свежа память о войне. Для них война — как будто год назад. Один наш сценарист, который раньше был партизаном, просто поразительно это мне доказал — нехорошо так пошутил. В деревне он постучал в дом и спросил у вышедшей на крыльцо старухи: "Бабка, немцы е?" — у бабки ужас был на лице, потому что так спрашивали партизаны, когда приходили в дом. Она не сразу сообразила, что происходит.

Потом я много работал с Виктором Туровым: писал песни в его фильмы "Война под крышами" и "Сыновья уходят в бой" и пел их под оркестр, а в "Войне под крышами" даже сыграл полицая на свадьбе. И так с тех пор, как только он снимает картину, я обязательно пишу песни. Так что если вы узнаете, что его картина, знайте, что я туда писал — по традиции. Я считаю, что лучшие белорусские партизанские картины снял он, и ничего похожего даже близко нету. Должен вам сказать, что не нужно никаких гидов и переводчиков, если хотите посмотреть на Белоруссию — надо, чтобы Витя показал. Никто так не расскажет и не покажет свою Родину, как он. Поразительный человек.

Я с ним был во многих-многих местах — и во время съемок и просто приезжал к нему на натуру, даже когда сам не сни-

мался. У меня были замечательные моменты. Вы не поверите, что несколько вещей из фильма "Сыновья уходят в бой" были написаны за одну ночь. Просто от впечатлений. Мы жили в партизанском лагере — такая была деревня в лесу, — и несколько песен появилось буквально за одну ночь. Как выплеснулось. Бывает — как будто перекипело и начало выплескиваться. Так и у меня было со многими вещами, написанными для его картин.

Скоро выйдет его новая работа, которая называется "Белый вальс", где снова будут звучать мои песни. Лет пять-шесть тому назад я записал два диска в Москве и до сих пор борюсь, чтобы они вышли. А Витя Туров взял из этих дисков несколько песен (причем две из них на русском языке исполняет моя жена, Марина Влади), и они будут звучать в этой картине. То есть, по закону сохранения энергии, ничего не исчезает. Все возможно, оказывается.

Я вам очень рекомендую ее поглядеть — и не из-за того, что там звучат мои песни, — просто эта картина о современных десантниках и очень удачно сделана, по-моему. Сценарий писал тоже мой близкий друг, с которым я даже в школе учился. Я вообще предпочитаю работать со своими друзьями — это всегда легче, и ты можешь надеяться на то, что песни выйдут в том виде, в каком они были написаны.

Я вообще многим обязан Белорусской киностудии и особенно Турову, который в те времена, когда к авторской песне было отношение, скажем, совсем плевое, впервые рискнул вставить в свою картину много-много моих вещей.

А потом начался мой "одесский период": я почти четыре года безвылазно сидел в Одессе и снимался в нескольких картинах — и мосфильмовских, и ленфильмовских, и одесских. Наверное, поэтому многие считают меня одесситом. Вернее, это было время, когда я одновременно играл три роли, и почти четыре года провел в поездах и самолетах. Потому что ты играешь спектакль — в поезд, — там съемка. Вечером — в поезд, в Москву, репетиция, спектакль, — в поезд... И так далее и так далее. После этого никак не мог спать в спокойной обстановке: чтобы уснуть, нужно было меня трясти.

Началось с двух картин Одесской студии: "Вертикаль" и "Короткие встречи", — я снимался в них почти одновременно. В обоих фильмах я играл в бороде, и было очень хорошо, потому что на улице никто не узнавал — такой "бородатый период". Все считали, что я на самом деле был с бородой — нет, борода была наклеена, причем очень плохо. А отрастить свою

было невозможно: из-за театра я никогда не имел права отпускать растительность.

Фильм "Вертикаль" я запомнил на всю жизнь, потому что с этого момента многие зрители узнали мои песни. Это фильм об альпинистах, я могу о нем рассказывать часами. Когда мне предложили сниматься, я не хотел ехать, потому что страшно в гору лезть. Да и зачем это нужно? Как у всех людей, которые в первый раз туда едут, у меня было ощущение, что есть правильная пословица: "Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет". И совсем не предполагал, что буду лазить куда-то, думал, что отживу свое в гостинице, отпишу — и все.

Но когда мы приехали в горы, выяснилось, что там очень много умных людей разных профессий, возрастов и положений. Горам все возрасты покорны — я бы так сказал. Как раз умный-то и идет в горы, туда с удовольствием едут люди науки, искусства. Даже академики есть, но они туда ездят тайно: им не разрешают — у всех академиков больные сердца. И едут не только оттого, что там красивая природа, что полезно для легких и организма — совсем нет, — а оттого что люди ведут себя в горах и раскрываются совсем по-другому. И я понял, что пословица "Умный в гору не пойдет..." больше похожа на другую: "Мы в лесочек не пойдем — нам в лесочке страшно".

В фильме я должен был играть роль радиста. О песнях не было речи, никто мне их не заказывал. Я их и не думал писать, потому что не знал — о чем. Слава Говорухин, режиссер фильма, сказал: "Если очень захочется, тогда напишешь". Он-то знал, что захочется: он сам занимался горным туризмом и обожает горы. Когда человек впервые попадает в горы, он не может не писать, если хоть немного владеет инструментом, который называется "перо", и может хоть как-то излагать свои мысли. А если уж он может писать песни, то обязательно их напишет. И я писал песни просто так, без расчета на то, что они войдут в картину. Потому что хотел. В общем, я все так пишу: потому что хочу, а не потому что надо. Просто она как-то само случилось: вылезло, выскочило изнутри. Ребята-альпинисты послушали и сказали: "Хорошо бы эти песни были в кино". И вот так они появились в фильме.

Я два с лишним месяца безвыездно провел в горах. Недели три мы тренировались, лазали по скалам, ходили на ледовые занятия: нас учили ходить в связках, пользоваться ледорубом, выбираться из ледовых трещин, — чтобы мы приобрели хоть какие-то альпинистские навыки, чтобы кино было более-менее правдоподобным. Много снимали на леднике Шхельда под Ушбой — это три с лишним тысячи метров над уровнем

моря. Жили в палатках прямо на леднике. Совершали довольно сложные многочасовые восхождения. В некоторых местах меня ребята просто как рюкзак поднимали, но до конца мы Ушбу так и не прошли, так что на вершинах я ни на каких не был, к сожалению, кроме, может быть, некоторых творческих, о которых знаю только я сам.

И невозможно было не написать про то, что я там увидел. Столько интересных людей и эпизодов, что руки сами тянутся к перу, перо — к бумаге... "минута — и стихи свободно потекут".

Об альпинизме пишут много и почти всегда неудачно — рассказать об этом почти невозможно. Мы весь фильм пытались это сделать. Когда мы начинали работу над картиной, у нас был сценарий о том, как пять человек поднимаются к вершине, и вот как лавина — так нет одного, как вторая — так другого, как камнепад — так третьего нет, — и все погибли, один остался жив случайно. В общем, был очень страшный сценарий, все запротестовали, актеры в том числе: никому не хочется в середине фильма погибнуть. Потом и федерация альпинизма тоже стала возражать: бывают в горах трагедии, но не так часто, чтобы обобщать в фильме. Одним словом, мы этот сценарий переписывали и все время задавались вопросом: зачем люди ходят в горы, что им там делать?

Почему фильм называется "Вертикаль"? Горы — они же отвесные, они расположены по вертикали, а не по горизонтали, а в фильме идет большой спор — и пытались объяснить, что альпинизм — это еще и "вертикальный" образ жизни.

Я не знаю, для чего люди занимаются альпинизмом. Наверное, как сказал мне наш инструктор мастер спорта Елисеев, чтобы проверить себя, посмотреть, что ты есть за человек, можно с тобой идти в разведку или нет; чтобы лучше понять людей, которые рядом с тобой. Потому что в горах нет милиции, нет "скорой помощи", которые могли бы тебя спасти, — одним словом, человек там может надеяться только на себя, на свои руки и на своих друзей. Ты, твой друг и судьба — только на это можно надеяться. Это какая-то очень чистая тема для песен. И моя первая песня в горах — "Песня о друге" — появилась после этого разговора, буквально через несколько дней после того, как мы полазили по скалам, походили по льду. Она посвящена ребятам, которые помогали нам делать картину — у нас работало пятнадцать мастеров спорта по альпинизму, — и я им очень благодарен за то, что узнал их.

Горы — один из самых прекрасных уголков природы в мире. Лучше, чем море. Там очень красиво, там есть риск, — а доля

риска всегда хороша, — и там грандиозные люди. Самое прекрасное в горах — это альпинисты.

Есть слово "дружба", мы его как-то затрепали, этим словом называют сейчас и кафе, и клубы, и журналы. А в горах оно сохранилось в чистом, первозданном виде: дружба между людьми. В альпинизме это просто манера поведения, иначе там себя люди не ведут, иначе невозможно: ты идешь с ним в одной связке, у него все зависит от тебя, у тебя — от него. Я увидел там настоящую мужскую дружбу, которая может быть только у Ремарка в "Трех товарищах" и в горах у альпинистов, — больше нигде. И действительно таких людей на равнине нет. Может быть, они сами внизу не такие, не так себя ведут — тому много причин, — но в горах они ведут себя очень достойно, просто поразительно. Как в бою. Дело в том, что обстановка на восхождении приближена к боевой, — такая взаимовыручка, такая надежда друг на друга. Я такого не видел, — говорят, на фронте было так же.

Я знаю случай, который сам рассказывал Славе Говорухину и который имел место на самом деле. Тройка альпинистов шла по вертикальной стене, пользовались старыми крючьями, и когда проходили отрицательный угол, у нижнего альпиниста выдернулся крюк — получился маятник, и он никак не мог прибиться: каждый раз подходил к скале и не успевал ударить — вбить крюк, для того чтобы задержаться, — и начал выдергиваться крюк у второго. Он понял, что увлечет за собой тех двоих верхних, и взял просто себя отрезал — и ушел вниз. Причем без всякой истерики, просто чтобы спасти своих друзей... Вот мне кажется, что дух гор — это... Впечатление — как будто люди идут в атаку, на высшей сосредоточенности.

В горах люди чище себя ведут, нет других наслоений. Если нужно идти и спасать человека, то ничего не существует другого, никаких других проблем — только это. Есть неписаный закон: когда какая-то группа терпит бедствие, все снимаются с занятий, маршрутов и идут на спасение, на помощь. Как-то меня пригласили к себе альпинисты, они давно хотели меня послушать. Я приехал, но тут внезапно выяснилось, что потерпела аварию какая-то группа, и всех как одного сдуло ветром. Они все ушли — ночью, в непогоду, — ушли на маршрут спасать людей...

Там существует какая-то отрешенность от других проблем, какая-то иная целенаправленность. Во-первых, нет никаких забот о работе: обычно все едут в отпуск; во-вторых, существует свобода выбора пути — куда и как идти, свобода выбора людей, с которыми идти в одной связке: жены не возражают.

родители не запрещают молодым. В общем, совсем другой вид освобождения — дышишь полной грудью.

Когда идешь на восхождение, не так уж важно, на сколько тысяч метров ты поднялся, но сознание того, что ты прошел, преодолел все препятствия — что ты смог! — это прекрасно.

На трудных восхождениях бывает период, который называется "горная болезнь" — это может с любым человеком случиться, даже с самым сильным. Человек сядет, опустит голову в руки — и все: можно бить, поливать водой, толкать ногами, — невозможно вывести из шока. Сидит как сомнамбула. И если потом он сможет превозмочь этот страх, панический страх перед громадной горой, тогда он может быть уверен, что и в других условиях не подведет...

Я думаю, что на равнине тоже есть возможности создавать препятствия. Ну, например, одни споры с начальством... Сколько нужно иметь мужества и терпения! Я к чему этот пример привел, насчет начальства, — это такая глупая история была. В Краснодаре в одной газете, довольно солидной, один человек разбирал "Песню о друге", которая к тому времени еще не была широко известна. Он назвал статью так: "Самая вредная песня". Он не знал, что ее запоют, и написал: почему это, интересно, нужно от трудностей идти в горы? что, их мало у нас на производстве, в цеху, например? И потом, что это за сверхчеловек, который говорит: "Если шел он с тобой, а не ты с ним?" — что это такое, мол, за хвастовство? И так далее...

Мне еще рассказали такую историю. Кого-то из певцов спрашивают:

— Что вы будете петь?

Он отвечает:

— Вот, "Песню о друге" Высоцкого.

— А, — говорят, — где он пьяный на вершине стоял, что ли?

Ну что же тут делать?! Так ведь может кому-нибудь бог знает что показаться...

Песни появлялись сами собой, причем появлялись они страшно быстро. Песню "Здесь вам не равнина" я написал после того, как почти на наших глазах потерпела бедствие группа альпинистов: мы были очень близко от места, где это случилось. На меня это произвело большое впечатление, както очень коснулось: смерть прошла рядом...

Пятерка альпинистов ЦСКА во главе с майором Живлюком, очень известным альпинистом, шла на штурм Пика Вольной Испании. Они хотели сделать это восхождение быстрее, чем другие группы, и вышли с привала в три часа дня — в

это время обычно подтаивает снег и начинают сходить камни. Их накрыло камнями — Живлюка насмерть, остальных ранило. Двое пошли вниз за помощью, а двое остались стоять на маленьком карнизике в тридцать сантиметров шириной, чтобы помочь спустить своего погибшего друга.

Мы в это время занимались на леднике Кашкаташ, рядом с которым начинается подъем на Пик Вольной Испании. Сверху бежит какой-то запыхавшийся человек: "Ребята, снимайтесь с занятий! Потерпела бедствие группа, нужно помочь спустить раненых". Мы побежали вверх, хотя сами еще еле ходили и нас самих в случае чего надо бы спасать, — но мы были ближе всех к подножию пика, где все это произошло, и больше никого там под рукой не было. Помогали этим двум раненым спускаться по морене. У одного из них было что-то с позвоночником, у другого, как потом выяснилось, — трещина бедра. Они узнали, что мы новички, ничего нам не сказали и весь трудный участок пути шли сами, шутили и только чуть-чуть опирались на нас. Только потом, когда вышли на ровный участок, силы их покинули, и они разрешили нам их нести. Я разговаривал с этими ребятами...

А двое оставшихся на карнизе простояли там двое суток, пока не кончилась непогода и не прилетел вертолет, но друга своего погибшего не бросили. И это не подвиг никакой, это нормальная манера поведения в горах.

Мне довелось видеть такое впервые в жизни...

Недели через две-три я написал песню, посвященную погибшему альпинисту. Именно про тот камень, что "покой тебе подарил". Но не напрямую по этому поводу, хотя все считают, что она посвящена этому погибшему парню. Мне хотелось написать очень твердую, маршевую песню, похожую на киплинговские зонги. Жесткую, как и сам альпинизм.

Альпинизм — трудное, опасное дело. Это жестокая профессия для сильных людей. Я не считаю альпинизм спортом. А если это и спорт, то в нем совершенно ни к чему устраивать соревнования — можно и шею сломать, если поторопиться. На любом восхождении есть риск, и у альпиниста должна быть какая-то высшая сосредоточенность, а не "кто быстрее залезет". В альпинизме не надо устанавливать рекорды — это занятие совсем для другого: для того, наверное, чтобы утверждать себя. Там скорее есть соревнование самого с собой, чем друг с другом.

В горах бывают трагические случаи и, как говорят, всегда погибают лучшие. Я это рассказываю совсем не для того, чтобы отпугивать людей от гор: будто такие уж страсти в альпинизме, что там каждый третий погибает, — это неправда. Это все

случайность, неподготовленность или желание устроить соревнование. А случайности бывают повсюду: на улице машина может наехать или балкон на голову упасть — только об этом меньше говорят.

В горах прекрасно, туда надо ехать. Горы никому не мстят, они всех принимают. Просто бывают ошибки — и все.

На Кавказе была очень необычная война. Дело в том, что там воевала немецкая дивизия "Эдельвейс", которая состояла из альпинистов. Эти альпийские стрелки перед войной прошли прекрасную подготовку в горах — и у себя, и на Кавказе. Война была страшно трудная: немцы, в общем-то, держали все перевалы. И только в сорок третьем году, когда у нас дали приказ, чтобы собрать на Кавказе альпинистов со всех фронтов, война пошла уже на равных.

Очень долго их оттуда выбивали: немцы хорошо знали Кавказ, у них были свои подробные карты. Наши инструктора перед войной работали с ними, и были случаи, когда люди, которые раньше ходили вместе на восхождение, встречались здесь во время боя как противники. Раньше их жизнь зависела друг от друга и теперь тоже, но только — наоборот.

Меня поразил случай, который мне рассказали. Один наш инструктор в сороковом году спас немецкого альпиниста, а в сорок третьем был бой, после которого крикнули с немецкой стороны: "А у вас такой — фамилия ему Васильев — есть? Вчера ефрейтора у нас убили, он с ним вместе на Эльбрус ходил — привет ему передавал".

И я там написал даже военную песню, потому что эпизоды подталкивали. Однажды в гостинице "Иткол" мы встретили группу немцев. Был среди них спортивный такой человек, лет пятидесяти с лишним. Загорелый, в шортах. Я спросил его: "Кто вы?" Оказалось, что в сорок втором году он воевал здесь в дивизии "Эдельвейс" и даже ходил вместе с капитаном Громом, который еще в сороковом году, обнаглев, поставил немецкий флаг на Эльбрусе, на что Гитлер сказал: "Сейчас не время для рекордов". Я разговаривал с этим немцем, он привез с собой двадцатилетнего сына — посмотреть на горы, где он воевал. Это было очень неприятно. Так что все это настроение в "Итколе" присутствовало, я его как-то ощутил и поэтому написал эту песню.

В горах я много писал. В фильме у нас вместе с альпинистами в горы приезжает врач — писать диссертацию о перегрузках спортсменов на больших высотах. Она тоже не понимает, зачем идти в горы, куда-то лезть и что-то покорять. Ее играет актриса Лужина. Когда все ушли на восхождение, мы остались вдвоем: природа, романтика, горы, и я по сценарию

должен был к ней приставать. Я уже забыл, как это — приставать, и опять было очень неудобно, но режиссер очень настаивал и пришлось тряхнуть стариной. Снимали много дублей подряд — ничего не получалось. Наконец получилось, но все это было бесполезно, потому что ее мысли были с другим, который ушел к вершине.

Этот эпизод, к сожалению, в фильм не вошел, потому что изобразительно он был очень плохо снят. Мы там только ходим по камушкам, я очень скромно себя веду, и текста почти никакого нет. Я только говорю: "Посмотри, как красиво", — и звучит музыка, а в конце этой сцены я предлагаю: "Ну, тогда я тебе спою песню", — она отвечает: "Ну, спой...". Но все равно это не помогало ничему, и песня в фильм тоже не вошла. Песня называется "Скалолазка" и посвящена она одной альпинистке.

Все, что я думаю о горах, я написал. Мне показалось, что я почувствовал дух: зачем люди ходят в горы, чего им не хватает, зачем искусственно создавать препятствия и так далее. Все это я попытался рассказать в своих песнях. Альпинизм на меня оказывал колоссальное воздействие в свое время. И стал, как все люди, которые там побывали, поклонником, фанатиком и самым ярым популяризатором гор. Надолго, наверное, на всю жизнь. Я не мог жить без гор. И я находил малейшую возможность, хоть два-три дня в году, которые у меня выдавались свободными, чтобы обязательно туда поехать — без всяких восхождений, без походов, просто чтобы хоть немножечко подышать тем горным воздухом, который помог мне написать эти песни.

В картине Киры Муратовой "Короткие встречи" я играл геолога Максима — такого свободного, вольного человека. Это одна из моих любимых ролей. У него почти такая же бродячая жизнь, как у нас, киноактеров.

Во всех нас сидит страсть к перемене мест, тяга к незнакомым людям — с детства еще, с детских сказок и книжек, в которых люди путешествуют по далеким странам. Кино в этом смысле дает очень большие возможности, можно попасть куда угодно: оно снимается на натуре, чтобы все было похоже на то место, где происходит действие. И сам я люблю очень много ездить. Я за эти годы изъездил почти всю Россию — Магадан, Дальний Восток, Певек, Архангельск; Кишинев, Чоп, Юг, Прибалтика, Средняя Азия, — везде был.

С одной стороны, это хорошо, с другой — довольно сложно, потому что в театре возражают, ребенки плачут, жена говорит: "Ты все время ездишь... Что ты там делаешь... Сиди дома". Но как-то удается все-таки это совмещать.

И у этого геолога тоже такая судьба: он бросил тепленькое местечко, которое занимал в городе, ушел из Управления и пошел заниматься своим прямым делом. Они втроем ищут серебро, находят его. Он человек с очень сложной судьбой, тоже по полгода дома не бывает. Дома неприятности, — жена ему говорит:

— Ну что ты все уезжаешь? Оставайся здесь, работай в Управлении, ты же работал...

— Зачем? Я не хочу. Поедем со мной.

— А что я там буду делать?

— Будешь хоть поваром.

— Я не хочу поваром. У меня здесь работа хорошая...

В общем они поссорились. Он встречает девушку где-то там, во время своих геологических скитаний... Такая вот сложная ситуация. И чем-то это мне напомнило нашу актерскую судьбу, но не потому, что у нас где-то девушки там, а просто — по настроению.

Я там с удовольствием играл: это было совсем другое — не то, что приходилось мне играть по самому началу. В этой картине была предельная органика — она была как хроника. Мне не раз потом хотелось вернуть свои ощущения, которые были у меня, когда мы снимали эту картину — когда все были на площадке, даже ненужные актеры.

И еще я писал в этот фильм песни...

Должен вам сказать, я когда прихожу работать в кино, на каждую роль смотрю так, что это будет моя лучшая роль. Я считаю, что "Короткие встречи" — одна из лучших моих работ. Это сложная психологическая картина. К сожалению, она мало тиражирована — было сделано всего тридцать копий — и прошла очень незаметно. Кстати, и из-за этого наступают моменты разочарования очень часто... Вот, и поэтому я никогда теперь не могу сказать о том, что было моей лучшей ролью, что было моей лучшей работой, о чем бы я мечтал. Вообще-то надо стараться, чтобы каждая следующая была лучшей, к этому стремиться. Но сие не все зависит от нас с вами: есть много обстоятельств, причин различных...

Вообще я, честно говоря, предпочитаю, чтобы артисты не разговаривали, а работали. А то иногда бывает такое саморазоблачение! Ты смотришь — он на экране загадочный такой, странный... Потом его взяли, вывели в "Кинопанораму" и говорят: "Скажите, пожалуйста, что вы думаете?.." И вдруг начинается!.. Думаешь — неужели это он? Так жалко его становится...

Вот я все время поругиваю телевидение: ну правда, иногда невозможно глядеть — просто какой-то бред сивой кобылы.

Сейчас даже “Кинопанорама”, которую мы так любили, когда ее вел Каплер, и та уже стала... Смотрите, как снизился уровень. Просто жаль, что людям, которые так любили эту передачу и ждали ее каждый раз, теперь в таком виде ее предъявляют. Мне, например, досадно. Может быть, кто-то не замечает разницы между тем, как было раньше, и теперь, но мне она очень заметна. Когда передачу вел Каплер, она была и серьезна, и подбор материала в ней был намного интересней.

И потом — вы же понимаете — некоторые артисты могут хорошо играть, но это совсем не значит, что они могут хорошо разговаривать или вести такие передачи. И почему-то все люди, выступая по телевидению, стараются казаться умнее, чем они есть на самом деле. Всегда есть “котурны” во время этих передач, и даже самые уважаемые мной поэты, писатели или актеры, которых я жутко люблю, когда они играют на экране, в таких передачах почему-то — не умнее, но чуть-чуть другие, чем они есть. А ведь самое интересное — узнать, какие они на самом деле.

Потом я работал сразу в двух картинах и играл там двух совершенно противоположных людей. Действие обоих фильмов происходит в Одессе в один и тот же период времени, оба героя с сильными характерами, и им абсолютно одинаковое количество лет, оба они погибают, так что пришлось за полгода дважды умереть. Играл я их в одном гриме, даже усы были одни и те же, — но стояли они по разные стороны баррикад.

В фильме “Служили два товарища” я играл поручика Брусенцова, белогвардейского офицера. Это сильный, смелый, талантливый человек, умеющий воевать и любить. Но он запутался, не понял, куда идет Россия, и преданно до самого конца служит белому делу, как он его называет. Если бы он воевал по эту сторону баррикад, это было бы хорошо и для него и для всех — он наверняка принес бы много пользы. А там он стал жестоким, злым. Он чувствует, что Россия идет совсем не тем путем, что он воюет за фетиш: за то, что не стоит выеденного яйца. Он разочаровался в белом деле и поэтому так себя ведет — устраивает истерику со свадьбой, — как пир во время чумы.

В конце фильма, на уходящем за границу пароходе, он вдруг понимает, что ему нельзя больше жить: у него уже нет идеи и он теряет Родину. В толчее на палубе, когда уже никто ничего не знает, в минуту просветления и полной апатии, он пускает себе пулю в рот и падает за борт. Никто

этого не заметил, сомкнулись волны — был человек и нет человека...

Иногда меня зрители спрашивают: "Ты что, из-за лошади застрелился?" Конечно, нет. Лошадь тоже жалко: она остается на берегу — но застрелился он из-за полной опустошенности и отчаяния.

А некоторые почему-то думают, что я в лошадь стрелял. Например, я получал письма, в которых было написано: "Зачем ты застрелил лошадь?.." Так что некоторые не очень поняли, что происходит.

И здесь я надеялся, что это будет лучшая роль, которую мне вообще удастся когда-нибудь сыграть в кино. И так оно, возможно, и было бы, если бы в картину вошло все, что было снято, но мы были вынуждены из моей роли очень много убрать. Помню, Арнштам тогда сказал: "Посмотрите, что у вас получается! Один из ваших положительных героев все время молчит. Другой болтает и все время пытается нас потешать, а в будущем — в 37-м году, он будет одним из тех следователей, которые будут приговаривать и стрелять не задумываясь. Единственный человек, который у вас ведет себя прилично — и как мужчина, и как воин, и как интеллектуал, — это белый офицер. Вы хотите, чтобы ваша картина вышла на экран?.." Они посмотрели и сказали, что очень проигрывают Быков и Янковский — не они как артисты, а их персонажи рядом с моим.

Что делать? Ведь мы — люди подневольные, повторяю, и права голоса у нас нет. Ножницы есть, произошла экзекуция — в общем, там была полная вивисекция, иссечение членов. Почти ничего не осталось от роли: у меня есть ролик на тридцать минут из того, что не вошло в картину. И получилось, что вроде бы она и главная в фильме, но — уже без той смысловой нагрузки, которую имела в сценарии. Прочитайте сценарий — и вы увидите, он опубликован как книжка, — это просто изумительный сценарий. Его написали прекрасные сценаристы и люди — Фрид и Дунский. Я считаю, что это вообще лучшее из того, что они написали. Впервые на экране был образ такого белого офицера. Даже по этой третьей части что осталась, вы можете судить, кто видел, о том, что был очень интересный образ. Хотя после всех этих срезок и вырезок из фильма в одной статеечке появилась фраза, что это шаблонный, банальный образ белого офицера. Это меня так поразило!..

Фрид и Дунский — мои близкие друзья. После "Служили два товарища" они хотели, чтобы я обязательно играл в фильме "Красная площадь" и... Почти во всех своих сценариях

они пишут роли для меня. Играют их потом другие, — но это иной вопрос...

Часто спрашивают, какие у меня надежды и планы в кинематографе. Наша актерская профессия, к сожалению, такова, что не мы выбираем, а нас выбирают. И очень редко актеры добиваются такого уровня, когда могут распределять... Все равно их куда-то пробуют, выясняют между собой — стоит или не стоит его брать. Это довольно унизительная у нас процедура. Поэтому нельзя говорить о моих планах: надо спросить, какие у них планы в отношении меня, а не какие у меня к ним.

И потом кино — тоже лотерея. Иногда не получается: много людей принимает участие в конкурсе на главную роль.

Одновременно с Бруссенцовым я играл большевика-подпольщика в фильме “Интервенция”. В фильме он носит фамилию Бродский, а прообразом его был Ласточкин, именем которого названа улица в Одессе. Когда интервенты в девятнадцатом году пришли в Одессу, он вместе с группой товарищей — Жанна Лябурб и еще несколько человек — проводили агитацию в войсках интервентов. Они до такой степени в этом преуспели, что интервенция окончилась полным провалом: французские солдаты отказались стрелять по нашим войскам и по восставшей Одессе.

Это был удивительный человек — вездесущий, неуловимый Янус. По тем временам, можно считать, он был разведчиком. Не профессионал, — а просто этот человек очень любил свое дело. Его все знали, белая разведка предлагала бешеные деньги за его голову. Он был арестован, его пытали и потом расстреляли. Но он прекрасно понимает, что главное дело в своей жизни он сделал, и поэтому идет на смерть спокойно, без истерики, с сознанием выполненного долга.

Я там пел и писал туда песни. Для Бродского я написал “Песню о деревянных костюмах”, он поет ее в тюрьме перед казнью. У него есть монолог, в котором он говорит, что через час мы наденем деревянные костюмы и сойдем в землю; что на допросе с нами будут ласковы, будут предлагать все что угодно, но мы вынуждены будем отказаться и одеть деревянные костюмы. Из этого длинного текста я сделал песню.

Фильм этот не вышел до сих пор, но я надеюсь, что когда-то он все-таки выйдет.

Ну а потом я тряхнул стариной — сыграл отрицательную роль бригадира сплавщиков в фильме “Хозяин тайги”. Это довольно сильный, нечистый на руку человек, который живет по законам тайги и считает, что он здесь хозяин. Это крепкий

мужик, ироничный по отношению к себе и к окружающим, и его трудно с первого взгляда раскусить. Не совсем уж плохой, хотя и докатывается до преступления: он, например, искренне любит девушку. Я пытался показать и то и другое в его характере.

Снимали этот фильм в Сибири, на реке Мане, в селе Высэжий Лог в трехстах километрах от Красноярска. Были также съемки и в Дивногорске, на Красноярской ГЭС. Два с половиной месяца жили в тайге, в палатках, вместе со сплавщиками. Это было замечательное время. Сплавщики учили меня работать, бегать по молю, по движущемуся лесу: лес там сплавляют не плотами, а молем, то есть отдельными бревнами. Учили растаскивать заломы — если образовался залом, нужно бежать по этим бревнам и разбирать его багром. Пока добежишь, можно несколько раз упасть в воду, а это неприятно: река холодная, бурная. В фильме-то я бегаю — насобачился, но вообще все это довольно сложно. Так что продолжаю приобретать профессии на будущее — мало ли что случится в жизни.

Бригадиром у этих сплавщиков был человек с рябым лицом. Я очень много взял из его характера, взял его манеру разговаривать с людьми — не глядя, с чувством собственного достоинства. Так что если роль получилась, то пятьдесят процентов — на его совести. Моего героя по сценарию звали Николаев, а я попросил нашего режиссера назвать его "Иван Рябой" — в честь того бригадира, чтоб ему было приятно. Только бригадир был хороший мужик, а мой — подмоченный, даже магазин ограбил.

Снимались мы в паре с моим другом Валерием Золотухиным, с которым я работаю в Театре на Таганке, он там играл милиционера Сережкина. Мне очень жаль, что я не снимаюсь во второй серии этой картины — "Пропажа свидетеля", — потому что меня в первой серии посадили, а ко второй еще не выпустили. Очень жаль, потому что Золотухин — прекрасный партнер, замечательный артист и, кроме всего, он очень здорово поет русские песни. Он разносторонний человек, писатель прекрасный: он надавал авансов, как он сам говорит, в этих своих повестях, рассказах, но, возможно, он действительно — может быть, даже очень скоро — неожиданно для всех станет крупным писателем. То, что он пока написал, — очень интересно. Он человек мудрый. И вообще Валерий располагает: он очень открыт, очень умеет слушать, всегда проявляет любопытство к людям, к тому, что ему говорят. Мы с ним вместе много работали в кино, ну и, конечно, в театре все время продолжаем работать.

Играть было интересно. Хоть роль и отрицательная, но все

нужно играть, — ведь во всех людях можно найти то, за что их стоит играть, зачем их надо показывать: или для того чтобы таких не было в нашей жизни, или, наоборот, чтобы они были. Все зависит от тебя, от режиссера и от Господа Бога.

Хотя, честно вам скажу, хорошо играть роли положительные, потому что у нас зрители привыкли отождествлять личность актера с персонажем, которого он сыграл: каких героев ты играешь, такой ты и есть на самом деле. Если с кривым лицом — значит, негодяй. Это обманчивое впечатление. Жаров, например, во всех семидесяти фильмах, в которых он принимал участие, пьет, а он человек абсолютно непьющий. Или актер Масоха, к сожалению недавно умерший, — тридцать лет он играл негодяев и подлецов, даже докатился однажды до Гитлера, и до такой степени его лицо примелькалось зрителям, что к нему уж такое отношение: "как же он может так хорошо играть негодяев, если он сам ..." А на самом деле он очень хороший, добрейший был человек.

Ну и так далее, я мог бы много вам привести примеров. После показа картины "Место встречи изменить нельзя" стали приходить письма: "МВД, капитану Жеглову". То есть некоторые люди думают, что существует такой персонаж, с которого артист Высоцкий сыграл этого самого капитана Жеглова — подсмотрел за ним и сыграл; он на самом деле существует и до сих пор работает в МУРе. Теперь он, конечно, немножечко постарел, но...

Или, например, меня очень много моих зрителей и поклонников просили больше не играть в таких фильмах, как "Единственная", где я сыграл роль Бориса Ильича. Они хотели меня видеть обязательно в героических ролях, — даже если негодяев, но только сильных людей, а вот слабых — не надо. Дескать, мы очень просим: не снимайся, пожалуйста, в таких картинах, где у тебя, значит, оторванная подметка, пуговица не пришита... Не хотят меня видеть в этом качестве, потому что опять они отождествляют человека, которого ты играешь на экране, с тобой лично. (Но в эту ошибку многие впадают.)

Поэтому все актеры обязательно хотят играть положительные роли: людей, которые хорошо работают, красиво любят — и их все любят — и всем приятно на них смотреть. Ну как же! — аудитория колоссальная, несколько десятков миллионов человек смотрят. Артисты люди тщеславные, если даже это и глубоко спрятано, хотят славы, известности. Хотя, должен сказать, ничего такого особенного в этой славе нет — просто узнают на улице, и в номере гостиницы не спрячешься. А больше никакой разницы...

Фильм "Опасные гастроли" дорог мне из-за того, что я сыграл в нем человека своей профессии, своего брата-артиста: актера Бенгальского, который помогает переправлять нелегальную литературу для нашей партии из-за границы.

Фильм начинался так. Приехали в Москву сценарист и режиссер Одесской киностудии и привезли сценарий без названия — странное какое-то произведение, ни на что не похожее. Сценарий ужасный — выполнено все было на не очень высоком уровне, но фабула очень интересная. Случай такой был на самом деле: Литвинов, профессиональный революционер и очень известный деятель нашей партии, был очень рискованным человеком и, живя за границей, через одесский порт передавал в Россию литературу для большевиков; это был один из очень многих путей.

Персонажи фильма не совсем исторические — они, конечно, переработаны, и происходило все немного по-другому, но группа актеров в Одессе действительно существовала, и через них позже передавали даже оружие.

Мне предложили играть в этом фильме, и у нас еще до начала картины началась совместная работа. Этот парень, которого я должен был играть, был очень схематично написан — он все время там переносил ящики, таскал какие-то мешки, и весь смысл сценария заключался в том, что отвлекали полицейских, а в это время уносили ящики. Потом полицейских отвлекали с другой стороны — тогда ящики спускались сверху. В общем, фильм был про тару, а хотелось, чтобы он был про людей.

И так как мой герой — актер, то совершенно естественно, что я предложил, чтобы он действовал такими способами, которые доступны актерам: много переодевался, перевоплощался в разных людей и обманывал, так сказать, загримировавшись, — раз он хороший актер. И еще мне очень хотелось, чтобы было добавлено несколько эпизодов, когда он быстро принимает решение — неожиданное решение в самой трудной ситуации. Это азартный человек, немножечко даже игрок. Он много работал с революционерами — и в Петербурге и в других местах, — поэтому, наверное, ему и доверяют такие трудные задания. И весь наш фильм — это один из эпизодов его жизни.

Ну, и в результате вот таких общих разговоров появилось много новых эпизодов, новых сцен.

Начали снимать мы эту картину в Одессе, снимали ее очень быстро. Причем съемки были в жутких условиях: зима, павильоны холодные... Одесса — город летний, и летом туда все рвутся: море, приятно купаться, — а зимой в Одессу никого не заманишь.

Работали мы в основном ночью — потому что днем сложнее было вызывать оркестрантов: они все заняты. Я летал туда из Москвы, а у меня перед этим была еще другая картина — "Хозяин тайги", так что тоже приходилось разрываться на куски. Нам очень помогали девушки из Ансамбля танцевальных миниатюр под управлением Головановой, — они тоже репетировали полтора месяца...

Я не считаю, что это ах какой шедевр и, вероятно, мы не смогли до конца использовать весь материал, но — нас жутко поджимали сроки.

Мне этот фильм дорог еще и потому, что я написал туда несколько песен: это песни, конечно, не м о и — они на меня мало похожи, — это песни-стилизации, песни, которые пелись в начале века. Там, например, есть одна смешная шансонетка, которую я пою, когда танцуют канкан. Я никогда не писал романсов, а здесь впервые в жизни написал "Романс при свечах". В сценарии была единственная фраза о том, что "ты даже старинный романс поешь, как похоронный марш буржуазии...". Эта фраза натолкнула меня на мысль — и я написал такой декадентский романс: "Вам вечным холодом и льдом сковало кровь...".

И так как фильм снимался в Одессе, совершенно естественно, что нужна была песня об Одессе. Это город веселый, интересный, город талантов, оттуда вышло очень много сатириков, юмористов и серьезных писателей (вернее — они все серьезные), и поэтов масса оттуда. Ну, нужно было об этом еще раз сказать, потому что как-то захирела Одесса — даже не сама она, а разговоры о ней. Говорят: неужели в Одессе перевелись таланты? Это неправда — когда приезжаешь в Одессу и долго там живешь, на каждом шагу можно услышать такое, что ну никогда в жизни нигде больше не услышишь. Очень сочные люди там. Например, я однажды пришел в магазин — хотел пить — и говорю продавщице:

— У вас есть нарзан?

— Нарзана у меня нет, но я вас где-то видела, — сразу, без перехода.

Вообще было очень много всяких интересных вещей, смешных эпизодов. Ну, например, такой рассказ. Спрашиваешь в трамвае:

— Скажите, пожалуйста, я правильно еду к вокзалу?

— Нет, вы едете совсем в другую сторону — сядьте хоть туда лицом!

После того как мы сняли "Опасные гастроли", у нас с режиссером этой картины появилась мысль сделать музыкальный фильм (я даже думаю — мюзикл, музыкальное обозре-

ние) на одесском материале — именно из произведений, которые родились в Одессе. И мы даже написали заявку. Там очень интересная натура — там есть прекрасный порт, в котором работает очень много молодых людей. Они все, конечно, люди веселые. Мы придумали, что все происходит в порту, и несколько номеров у нас будет проходить во время обеденного перерыва. Там "горит" столовая, директор столовой в ужасе: почему никто не идет? Оказывается, стоит громадная толпа под большим портовым краном, на этом кране — такая плита бетонная, и на этой плите выступает ансамбль: поют, девушки танцуют и так далее.

В общем, всякие мысли есть. Про Одессу можно снять очень много интересного: она всегда была такой — и в начале века, во время, о котором снят наш фильм, там тоже было много интересного. Там всегда было много искусства и так далее. Вот и оттуда я написал песню об Одессе.

Еще там была песня, которую поют Рада и Коля Волшаниновы. Я написал ее для них — такая она получилась действительно цыганская. Так что, в общем, все песни, которые я туда написал, мне не свойственны. Первый раз я попробовал себя в жанре стилизации, легкости какой-то... Как мог, так и сделал. Писал, так сказать, без знания дела, но кое-что, говорят, получилось.

А роль сама — интересная. Правда, мне говорят, что там немножечко пристегнут конец. Но дело в том, что персонаж, о котором идет речь, действительно погиб. Правда, он погиб не так, как в фильме. В сценарии последние минуты фильма были такие. Начальник полиции едет докладывать о том, что в городе находится опасный преступник Коваленко. И когда он остановился на каком-то перекрестке, открылась дверца кареты, туда вошел Бенгальский, сказал: "Добрый день, Ванно", — и ударил его по физиономии. У них началась драка, на Бенгальского надели наручники, и когда карета шла рядом с парапетом, Бенгальский схватил этого полицейского, оттолкнулся от кареты — и они вывалились в Неву. Я не знаю, так ли это было на самом деле, но они оба погибли.

Этот эпизод нам снимать не пришлось, вместо этого мы сделали пожар... В общем, это не имеет значения, — важно, что этот человек действительно погиб за дело, за которое он боролся.

Не буду рассказывать вам содержание картины. Обычно всегда на встречах со зрителем актеры рассказывают, как нам трудно сниматься... Вот, например, на этой картине один раз я, а дважды Юматов праздновали свой день рождения второй раз.

Один раз — когда в маленьком одесском переулке, где нет

никакого движения, снимали проезд лошади. Впереди шла машина с оператором, а мы гнали лошадь, — Юматов за кучера, я сидел сзади... Ну, сняли один дубль, второй... А этот переулок выходил как раз на улицу, где — одностороннее движение, машины несутся на больших скоростях и никогда не тормозят у этого переулка, потому что никто из него никогда не выезжает. И вот надо же было — наше цыганское счастье, — что лошадь понесла, закусила удила, в почве была какая-то неровность, Юматова выкинуло из этой коляски, и он упал буквально в двух сантиметрах от заднего бампера машины и сломал себе ногу. Он лишь случайно не ударился лицом о машину, потому что шофер почувствовал — дал в это время газ и уехал.

А у меня еще смешнее был эпизод. Я вспомнил фильм "Дилижанс", где индейцы убивают возниц, — там один из героев фильма пролезает по оглобле и хватает повод лошади. И я тоже так же полез за этим самым поводом. Я туда долез, достал, тянул-тянул — все было бесполезно: лошадь как-то крепко все это закусила. В это время лошадь вынесла нас на улицу. К счастью, вожжа намоталась на колесо, и лошадь остановилась прямо на трамвайных путях. Но на мое счастье не было ни машины, ни трамвая... Вот такие всякие "смешные" истории у нас были.

Снимали мы настоящих биндюжников, которые до сих пор есть в Одессе: если кто помнит бабелевские рассказы — помнит много рассказов и о биндюжниках. Действительно — есть, — это очень смешные люди, очень. Но необыкновенно способные: они лучше, чем артисты, работали. Когда они со своими этими самыми биндюжными палатками приезжали к нам на студию, работа кипела — мы то, что положено снять за восемь часов, снимали за четыре, иногда — меньше. Они прекрасно работали — куда встать, чего сказать, — замечательно!

Фильм вызвал много и критики и похвал. Есть справедливая критика — в том, что касается художественных достоинств: вероятно, многовато мы показали всяких танцев и так далее. А многое несправедливо — я считаю, что это не совсем обоснованные претензии: "А! Вот они взяли такие серьезные события, да в таком ключе!.." Я считаю, что это неверно, — мы не решали революционную тему, это развлекательное кино на материале 1907 года, и о нем нельзя говорить как, скажем, о какой-то эпопее о революции. Почему же тогда не ругают "Красные дьяволята"? И почему это актеры варьете не могут помогать подпольщикам! Обязательно МХАТ должен или Малый театр? Тогда было много театров варьете, и факт такой действительно был.

Это первая картина в таком жанре; мы пытались сделать так, чтобы зрителю было интересно смотреть. Ведь если о необыкновенно интересных вещах — о подпольной борьбе, о гражданской войне — говорится скучно, то само дело проигрывает от этого.

В общем, не тот подход был у критиков к картине. Мне кажется, нельзя так судить: если перед тобой стоит паровоз, нельзя говорить: "А почему не телега?" Я к критике этой картины отношусь довольно спокойно. Критиковать надо с добрым глазом, чтобы люди поняли, что они сделали плохо, и в следующий раз сделали бы хорошо. А у нас, вы знаете, как бывает иногда: кто-то скажет, что "нельзя так, товарищи, такие картины..." — и пошло. Потом везде перепечатают и так далее. Актеров, правда, не ругали, ругали сценарий.

Я все равно тепло отношусь к этой картине, вижу сам много недостатков, но смотреть интересно. Как только в прокате плохи дела, пускают "Опасные гастроли" и собирают зрителя. Мне кажется, что обязательно должны быть музыкальные фильмы на такую серьезную тему.

Лекции, если так можно назвать мои выступления по популяризации поэзии и музыки в театре и кино, — дело для меня новое. Название вроде бы громкое, а на самом деле все просто: всегда хорошо, когда песня звучит со сцены и с экрана, когда в фильме много музыки и поэзии. Тема эта мне очень близкая и знакомая, потому что я действительно очень много пишу для театра и кино и могу об этом разговаривать часами. Поэтому я ее немножечко сужу: пройдусь только по фильмам, в которых работал. Обычно лекции читаются с показом диапозитивов, таблиц, диаграмм — у меня ничего этого нет. Только гитара.

Я никогда не работаю с роликами и, честно говоря, очень этого не люблю. Это было сделано давно, не тобой одним, а большим коллективом людей, и нельзя это все присваивать себе. Кино все-таки — искусство режиссерское: режиссер там творец, а мы исполнители. И зачем работать с какими-то старыми делами? Сначала показывать, потом рассказывать, как снимался, какие с тобой были смешные эпизоды, — и умиляться вместе с публикой. Представьте, что вы приехали на завод посмотреть, как здорово работает человек, а вам вместо этого показали что-то, сделанное им два года назад... Артист на сцене должен показывать то, что он сам умеет: читать стихи, петь, танцевать. Хотя можно, наверное, найти подходящую форму и иллюстрировать свои выступления кадрами из кино, но я предпочитаю работать живьем: показывать вам то,

что я сделал сам, — свои песни, свои стихи, свою музыку!

Песня в фильме — ценное дело, я ее очень люблю. Но она должна быть необходима в фильме, она не только не должна мешать действию, а должна ему помогать. И даже, может быть, изменять его и улучшать.

Вставить песню в фильм — большое дело и большая работа. У режиссера должна быть любовь к тому, что делает автор песни. Должно быть полное единство между ними.

А использовать песню в кино можно по-разному. Но к ней нужно относиться бережно. Я всегда очень бережно относился к песням — не только к своим, а ко всем.

Раньше режиссеры, приглашая меня сниматься, очень часто предлагали, чтобы я в фильме что-нибудь пел: с самого начала как только узнали, что я сам пишу и что эти песни слушаются людьми. С молодости я немножко бренчал на гитаре, поэтому с удовольствием соглашался. Пел и чужие песенки, и сам себе писал, но в основном это были вставные номера такого типа: “А вот тут, кстати, случайно гитара — ну-ка, дай чего-нибудь я спою”. Беру, значит, играю, напеваю какие-то куплеты и так далее.

Я в общем шел на это охотно — а почему бы и нет? Но всегда очень странно, если вдруг в кустах оказался рояль — взял и сыграл. Или гитара на стене: “Можно я попробую?” Стал играть — “а оказывается, он еще и поэт!..” Нужно делать так, как это происходит в жизни. Допустим, приходят ко мне гости: “Володя, спой что-нибудь, мы хотим послушать”,— и я пою. Можно и так сделать — это будет нормальный органичный номер. Песня никогда еще ничего не ухудшала. Всегда, когда что-нибудь на экране не в порядке, говорят: “Вставьте-ка сюда песню — она немножечко подукрасит”.

Но все-таким нельзя относиться к песне как к вставному номеру — чтобы она только украшала роль и развлекала публику, — я не поклонник этого, это меня совсем не интересует. Всегда ведь странно, когда люди говорят-говорят-говорят, а потом вдруг: “А-а-а!” — и запели. Как черт из бутылки. Почему, зачем? — непонятно.

Песня в фильме обязательно должна органично выйти из того, что происходит на экране. Человек должен запеть — если он играет в нормальной речевой сцене — только тогда, когда ему уже невмоготу говорить, когда прозаическим текстом он уже ничего не может сделать, когда самая высокая степень нервного напряжения у актера. А если человек может говорить — продолжай говорить, совсем не надо петь!

В последнее время у нас в моде слово “мюзикл”. Вроде у них это есть, теперь и нам надо. Мне часто предлагают

писать какие-то “мюзиклы”. Это делается так. Приносят пьесу и говорят: “Давай-ка напиши сюда несколько песен, дуэтов, куплетов — будем делать мюзикл”. Никакой это не мюзикл! Нельзя взять обычную прозаическую пьесу, написать для нее музыкальные номера и сказать: “Это мюзикл”. Нет, это какая-то оперетта, только хуже, — потому что в оперетте заранее говорят, что это оперетта. Люди заранее знают, что актеры там разговаривают поставленными голосами, чтобы легче было войти в певческий кусок, а потом поют. Тоже непонятно — почему, но это такой жанр: для этого написана музыка, есть специальные арии — это уже существует.

Обычно песни пишутся на темы, которые разрабатываются в пьесе, и получается, что пьеса существует отдельно, а все эти песенные номера призваны только развлекать публику. Скажем, публика устала, и в это время появляется песня — все хорошо, все немножко отдохнули. Но если бы этих песен не было, ничего бы не изменилось, точно так же осталась бы пьеса пьесой, а песни — песнями. Если их отдельно споешь, непонятно — зачем они, к чему? И вот это почему-то у нас принято называть мюзиклом.

Это неправда. Во-первых, мюзикл — не наше слово, это впервые было сделано в Англии и в Штатах. И нужна была целая история и целая музыкальная культура, чтобы их написать. Это *их* национальное искусство, которое *там* очень органично получилось. И для того, чтобы снять такой мюзикл, как “Вестсайдская история” или “Иисус Христос — суперстар”, нужно, я думаю, пуд соли съесть. Мы не можем этого сделать, потому что мы к этому не подготовлены, — это совсем не в нашей музыкальной традиции. Это *не наше*, мы так *не умеем*. Это гениальные произведения именно по совпадению музыки, стихов, песен, сюжета — всего вместе. Такой сплав, который неразделим.

Американцы, которые работают в мюзиклах, танцуют как балетные, поют как оперные и играют как драматические актеры, еще и лучше. Блистательно двигаются, а если надо, занимаются акробатикой, танцуют и чечетку и классику — все что хочешь. У нас пока таких актеров нет.

Поэтому и называть мюзиклами наши музыкальные фильмы и спектакли так же глупо, как называть оперетту оперой: это самые обычные, натуральные драматические вещи, в которых есть песенные номера. Самое высокое, что у нас было в смысле музыкальных фильмов, не поднималось выше оперетты — все эти “Волги-Волги” и так далее, — но все это отошло.

Правда, сейчас у нас появилось много музыкальных фильмов, где актеры разговаривают нормальными голосами и сами

2 Зак. 157

поют — и иногда поют хорошо и даже содержательно, потому что на это стали работать хорошие поэты и композиторы. Например, Окуджава написал для “Соломенной шляпки” — это водевиль Лабиша по-моему, его поставили на “Ленфильме” — замечательные песни. Очень красивые, с юмором. Или спектакль “Тиль” в Театре Ленинского комсомола. Это немножечко поближе, но все равно подражание. И это случается довольно редко, а в остальном песни — это все какие-то вставные номера у не очень высокой и добротной драматургии.

Нам, наверное, нужно делать что-то свое. Что — я пока не могу сказать.

В последнее время у нас расплодилось очень много и так называемых “вокально-инструментальных” ансамблей — “Витязи”, “Молодцы”, не знаю какие еще, — они по-разному называются, в общем-то одинаковые. За исключением двух-трех, из которых я, например, очень люблю “Песняров”. Они давно вместе работают, живут кланом, музыкально очень чувствуют друг друга. Имеют свою личность, свою индивидуальность. И когда это так — ради бога, как угодно называйтесь. Лишь бы было хорошо. У н и х это называется “группа”, у нас — “ансамбль”, но я больше насчитаю хороших групп на Западе, чем хороших ансамблей у нас, и не потому, что у нас музыканты хуже, а просто — это н и м и было изобретено, им принадлежит, и они делают это лучше. А повторять не стоит и не надо. Так же и с мюзиклами.

Потом я стал писать песни специально для своего героя, для персонажа, которого играю. По простым соображениям: роли часто были плохие, а споешь песню — глядишь, добавишь в роль какую-то грань, и на персонаж приятней смотреть, и зрители получше запомнят. У меня не так уж много было больших аудиторий — все больше театральные, а мне хотелось, чтобы как можно больше людей услышали мои песни с экрана.

Эти песни почти никогда не запоминались, но я уже тогда старался писать так, чтобы они имели еще какую-нибудь нагрузку: чтоб эта песня каким-то образом — третьим, четвертым боком воздействовала на ситуацию, усиливала ее или давала ей другой смысл. Чтобы какой-то подтекст в ней был. Либо прошу авторов убрать ту или иную сцену, а вместо нее пишу песню. Просто так, к слову я обычно уже не пою.

Иногда вы слышите песню и прекрасно понимаете, что в этой сцене речь идет совсем не о том, о чем говорится в песне. Например, в фильме “Хозяин тайги” есть сцена, где милиционер — Золотухин — выведывает у меня, где я был прошлой

ночью. То есть происходит нечто вроде допроса, я ему отвечаю и между словами пою песню "На реке ль, на озере..." Но песня эта поется с явным намерением сказать что-то еще помимо текста песни, хотя тексты я всегда теперь пишу для себя сам и никогда не пою ничего чужого. Если петь ее отдельно — просто поет человек, который вольно гуляет по тайге. А в этой сцене она имеет скрытый смысл: я даю ему понять, что меня голыми руками не возьмешь, что "с нами не так просто". И Золотухин понимает, что я причастен к грабежу магазина. То есть я старался здесь дать песне много задач.

Потом я и это дело бросил: ну вставил песню, спел ты ее с экрана, — но если песня не звучит как самостоятельная единица, так ли уж она нужна ?! И сейчас я стараюсь не писать таких служебных песенок и куплетов. Теперь я стараюсь писать песни в картину так, чтобы потом сам смог спеть ее в любом выступлении, чтобы это была песня-новелла, чтобы у нее был свой сюжет или какая-то своя идея, даже отстраненная от фильма. Чтобы она шла в параллель с кинематографическим действием, а не принадлежала только тому зрелищу, в которое она вставлена.

Таким образом, я работал, например, в фильме "Вертикаль". Эта картина, на мой взгляд, не может существовать без песен, которые я туда написал. Мне иногда говорят, что "фильм — иллюстрация к твоим песням". Я думаю, что в "Вертикали" нельзя разобраться, что было иллюстрацией к чему: песни к кино или кино к песням.

По-моему, это один из самых удачных моих опытов работы с песней в кино. И один из наиболее рентабельных способов использования песни в фильме. Все сделано аккуратно, очень тактично. Песни звучат как бы отдельно от действия фильма, они имеют самостоятельную ценность, но работают на фильм, а не п р о т и в. И я за это благодарен режиссеру Говорухину — он нашел нужный ход: они действительно звучат так, как будто режиссер специально подбирал изображение, чтобы оно ложилось на эти песни. Ни в одном случае изображение не мешает слушать песню и воспринимать содержание. Там песня работает, мне кажется, идеально. И даже монтировали картину под эти песни.

Иногда она сокращает продолжительность действия, и вам не скучно смотреть фильм. Вот я начинаю петь "Песню о друге" — на экране альпинисты выходят на восхождение, а заканчиваю — они уже на вершине. То есть прошло десять часов, а песня шла всего две минуты: вы получили какую-то информацию — совсем постороннюю, казалось бы, — но это не ме-

шало песне, и действие шло своим чередом. А когда изображение идет вместе с песней и одно подкрепляет, поддерживает другое, тогда и смотреть интересней.

Или звучит песня "Здесь вам не равнина", а вы в это время любуетесь замечательными видами гор, которые без этой песни выглядели бы спокойными, а так как в ней поется о гибели, о риске, то они беспокойные, эти горы: именно из-за того, что рядом с изображением звучит песня. Когда песня так работает, — это замечательно.

Когда главный герой спускается с вершины — самый трудный участок осталось ему пройти: надо быстрее, начинается непогода, он падает и не может подняться, — ему вспоминается бой (он воевал в этих местах). В это время идет кинохроника настоящего боя с дивизией "Эдельвейс" и звучит песня "Мерцал закат, как сталь клинка..."

И даже в песне "Прощание с горами", которая звучит в последнем эпизоде фильма, когда альпинисты — эти ребята, которые только что были в горах, — возвращаются в город после всех своих горных романтических приключений, прощаются без всяких сентиментальностей до следующего лета и растворяются в толпе, — нет ничего, что могло бы помешать ее слушать. И она вносит даже какой-то философский смысл в картину, когда звучит: "И спускаемся мы с покоренных вершин, — что же делать — и боги спускались на землю..." — совсем по-другому воспринимается фильм.

Песни прозвучали в фильме так, что потом стали возвращаться ко мне. Причем как-то странно. Например, жизнь песни "Здесь вам не равнина" продлилась в смерти, если так можно выразиться. Когда я через год снова приехал в горы, я увидел, что слова этой песни высечены на могиле трех ребят, которые погибли на спасательных работах. Слова из этой песни альпинисты пишут на камнях, на могилах своих погибших товарищей: "Нет алых роз и траурных лент и не похож на монумент тот камень ..." или "Другие придут, сменив уют на риск и непомерный труд...". Мне присылают фотографии этих камней с надписями — значит, правда: это им пришлось, легло на души этим ребятам. Недаром работаешь, если слова твои ставятся на камень, — для меня это многого стоит, выше всяких похвал. Поэтому я продолжал писать альпинистские песни и не только альпинистские — горные. Там ведь очень много жизненных ситуаций бывает.

Песни из "Вертикали" до сих пор исполняются во всех альплагерях. Если вы были, вы знаете, что утром там просыпаются с песней "Здесь вам не равнина", а засыпают под "Лучше гор могут быть только горы".

А иногда песни совершенно не нужны в кино — звучат где-то на фоне или на титрах, и никто не замечает, чего они там поют. Просто звучит ч т о - т о. Я противник этого: я сижу всю ночь, до семи утра работаю — в поту, в муках творчества, как говорится, подбираю слова, чтобы в песне была какая-то внятная, четкая мысль, какие-то острые проблемы, — а ничего не слышно. Ее пускают на титрах, да еще тихо — и зритель читает, кто там гример и кто ассистент режиссера или директор картины... Это тоже важно, но при чем здесь песня? Против этого я всегда возражаю, не даю свои песни портить или вообще не даю их в фильм. Я не очень-то даю их обижать. Меня — пожалуйста, песни — нет. С самого начала своей работы в кино я поставил условие, что мои песни будут иметь такую же цену в фильме — не денежную, а творческую цену, — как и изображение и все остальное.

Я много борюсь с режиссерами и сценаристами. У меня идет с ними война: они все время хотят запихнуть песню куда-нибудь, где есть провал в действии. Когда станет скучно на экране, они тут же — бах! — и песню запузырят. Да еще хорошенько ее оркеструют и что-нибудь сделают, чтобы она была развлекательнее. Я считаю, что песня, если она хорошо сделана, имеет такую же ценность, повторяю, как и кинематограф, к ней надо относиться намного серьезнее, чем относятся те люди, которые занимаются только украшательством.

Я всегда спрашиваю режиссера: "Скажите мне, когда она будет идти?" — потому что от песни очень много зависит в картине. И даже не от песни, а от смысла всей этой авторской истории, куда все это поворачивается. Я считаю, что кино — это искусство режиссера-автора. Если режиссер — автор, тогда есть кино, а если он просто ремесленник, тогда кино нету. Так же и в авторской песне и везде.

В картине "Я родом из детства" песни использованы совсем по-другому. Я думаю, что Виктор Туров — один из немногих режиссеров, которые так умело и удивительно используют песни в своих картинах. Мы с ним долго ломали голову, каким образом я, человек невоевавший, буду исполнять эти песни, чтобы они передавали настроение фильма, помогали действию, чтобы они не были вставным номером, а органично входили в фильм. Мне кажется, мы нашли для них довольно любопытное воплощение, и песни прекрасно вошли в канву картины.

Например, мой герой возвращается домой, в комнату, в которой не был четыре года. Пришел, открыл дверь — мебели нет: всю сожгли в печке во время войны. И только гитара

висит на стене — кто-то ее пожалел, — и запыленное зеркало. Он протирает зеркало и впервые видит свое лицо после госпиталя: седой, обгоревший, искалеченный в тридцать лет человек, шрамы на лице... И поет песню "Жил я с матерью и батей...", которую написал в госпитале. Правда, потом ее уже не стало в картине — вероятно, потому что был большой метраж, надо было сокращать. Но песня мне очень нравится. Она больше всего подходит к этому человеку.

Но мой голос — он принадлежит современности, его все знают, и как-то нужно было сделать так, чтобы все-таки время ощущалось — 45-й год. И мы нашли такую возможность. В главной сцене фильма, когда мы сидим с Ниной Ургант, заводят патефон, ставят какую-то довоенную пластинку — и с нее моим голосом звучит песня "В холода, холода...". И получилось так, как будто бы эта песня была и до войны: я написал стилизацию под довоенную песню, типа "Синенький скромный платочек", даже музыку сделал вальсовую — вальсы были очень модны в тридцатые годы.

А потом вдруг инвалид на рынке, 9 мая, в День Победы, когда приходит известие об окончании войны, поет моим голосом песню "Штрафные батальоны".

Еще я пел там "Братские могилы". Все думали, что это песня военных лет, — нет. Это была первая профессиональная песня, написанная мною для кино, ее сочли достойной и включили в картину. А в самом конце фильма она опять звучала — в исполнении Марка Бернеса, которое приближается к тому идеалу, о котором я мечтаю как об исполнительском идеале авторской песни. Я с Бернесом дружил и последнее время писал для него — это был действительно удивительный человек, который по-настоящему ценил авторскую песню, текст в основном. Он успел исполнить только эту, которую очень любил в последние годы своей жизни, и еще одну, которую вы не знаете, — он ее успел спеть всего раз.

Я видел, что делалось с людьми, когда звучал голос Бернеса, — я сам сидел в зрительном зале. Я видел, какое воздействие оказывала эта песня на людей. Особенно в Белоруссии. Я впервые увидел, как сильно воздействие песни в кино, когда все в ней работает вместе, в параллель: музыка, текст, изображение — и ничего не вырывается ни выше, ни ниже.

Этот эпизод хорошо снят в картине. Изображение было такое. Женщины и старухи в черных платках, с серыми лицами и с выплаканными, но уже высохшими глазами подходили к стене, выщербленной пулями и снарядами, и клали на могилы неизвестных солдат кто полевые цветы, кто зеленые ветки. Такие некрашеные фанерные монументы со звез-

дочками — помните у Слуцкого: "мрамор лейтенантов — фанерный монумент". Панорама по лицам, и в это время звучал голос Бернеса — нам нужно было здесь "узнавание" голоса, чтобы для всех этот голос звучал из того времени: из войны и после войны.

После фильма мы получили много писем. Одна женщина прислала письмо нам на Минскую киностудию, это чистая правда, я всегда рассказываю об этом случае, настолько он меня тогда поразил. Она писала, что в сорок втором году потеряла память — после того как немцы на ее глазах повесили двух ее сыновей-партизан. Памяти не было совсем, она помнила только то, что было две минуты назад. Все эти двенадцать лет она силилась вспомнить место, где погибли ее дети. И вот, посмотрев фильм, она узнала это место, и с тех пор к ней начала возвращаться память. "Вы мне вернули память", — так и написала.

Но самое удивительное — этого места не было: мы не снимали натуру, мы сами сделали эту декорацию. Но вот такое сильное впечатление оказал на нее сплав изображения, бесхитростных слов, мелодии и, конечно, голоса Бернеса. Вот что может сделать песня, которая очень точно нашла свое место в картине. Это идеал.

Потом я стал писать песни в фильмы для других персонажей, даже не участвуя в съемках. Но иногда это не получается и... делаешь стилизацию — в общем, я их даже в концертах не пою.

В последнее время я немножечко себе изменил: стал давать свои песни другим людям, о чем сожалею. Больше делать этого не буду. Я не люблю отдавать свои песни другим певцам и совсем не потому, что они поют нехорошо. Наоборот, они учились этому, обладают вокальными данными. Но авторская песня, которой я занимаюсь, — это совершенно самостоятельный вид искусства. Так что если я сам снимаюсь — я сам пою свои песни с экрана, а если пишу их для кого-то другого, то пусть они лучше звучат в моем исполнении за кадром. Буду делать наверняка — только в том случае, если это будет присутствовать на экране. А если нет — тогда и не нужно, сами дойдут как-нибудь, найдут дорогу.

Когда меня теперь просят написать песню для кино, то я не читаю сценарий, а спрашиваю тему, на какую хотят чтобы я написал, — и тогда друзья наговаривают мне, что бы они примерно хотели, для чего и так далее. В основном я с друзьями работаю, почти никогда — с врагами, и редко — с равнодушными людьми.

То есть, работая на заказ, я в то же время пытаюсь не работать на заказ, из-за этого получаются смещения, парадоксы некоторые... Поэтому иногда говорят: "Фильм — иллюстрация к твоим песням и балладам". Это, может быть, и лестно, но фильм-то надо прокатывать, а песни — можно и нет. И поэтому в некоторых случаях они уходят из-за этого из картины.

Поэтому я предпочитаю работать кланом, со своими друзьями — это всегда легче, и ты можешь надеяться на то, что песни войдут в картину в том виде, в каком они были написаны. Больше всего люблю такую работу с друзьями — когда одинаково думаешь с ними и когда в общем-то делаешь какое-то одно общее дело. Даже если не очень интересная роль, а вот просто пожить вместе, что-то попридумывать — для меня это самое ценное.

Бывают такие периоды — кому-то вдруг кажется, что мне нельзя выступать и петь песни. Почему-то кто-то решает, берет на себя такую ответственность. Есть люди, которые почему-то хотят что-то от нас защищать — есть такие странные люди. Но все-таки почти в каждый фильм мне удается и писать и петь там песни.

Меня часто спрашивают, почему я не пишу в последнее время песни-сказки. Это не совсем так. Кончился период, когда я писал этот шуточный фольклор, но я продолжаю писать сказки, но уже не просто сюжетные, — сказки для персонажей. Недавно я работал для картины "Иван да Марья": это современная сказка, написал ее писатель и драматург Хмелик, а я написал туда несколько песен-сказок. Вернее, даже — не сказок, а несколько реплик всяким сказочным персонажам, в основном — нечисти всякой. Это должен был быть такой "сказко-мюзикл", — по-моему, это интересно было бы и детям и взрослым.

Снимать такое довольно сложно: в фильме должны быть какие-то приметы современности — но будет совершенно явное нарушение формы, если рядом со сказочными одеждами и предметами старины будут какие-то современные... Сразу какой-то несерьез в этом есть. Поэтому на песни легла нагрузка: как-то подвигать, осовременивать действие, давать этим нечистым силам какие-то узнаваемые взаимоотношения, термины, слова.

У меня нечистая сила поет там человеческими голосами. Нечисть там — как хулиганы выступает. Такие бандиты! Там есть, например, Соловей-разбойник, Баба Яга. Они шастают по лесу, гуляют и выходят иногда в город — стекла бьют...

Их наконец прогоняет солдат Иван — и они сидят в лесу, на опушке, выпивают и поют, что, дескать, вот какое у них плохое положение — никто их не боится, никто не обращает внимания на их нечистую силу, и в город их не пускают. Это, по-моему, очень хороший вариант — было бы здорово, если бы их в город не пускали. Из-за того, что мои персонажи выпивают и поют всякие неприличности, у многих людей, естественно, возникает желание все это перевести на меня. Я это ощущаю по всевозможным разговорам, которые ходят вокруг.

Я написал туда серенаду Соловья-разбойника, про которого много лет назад писал шуточную сказку. Так что я продолжаю работать в этом жанре.

В этот фильм я написал примерно семнадцать музыкальных номеров, текстов песен. К сожалению, от этого осталось с гулькин нос — опять почти ничего не осталось, — все выстригли.

Я иногда много работаю для кино, а получается — ничего, пшик! Такая у нас — у людей, которые пишут, — странная профессия. Примерно из пяти работ, которые я делаю, видят свет и доходят до зрителей и слушателей — две. Никогда не знаю, когда пишу песни или снимаюсь, — будет это в картине или нет. И не оттого, что вот, мол, какой я крамольный и запрещенный — совсем не по этой причине, хотя и это тоже бывает. Какое-то представление сложилось обо мне, его очень трудно ломать... Это из-за того, что я всегда пытаюсь писать всерьез даже шуточное. Ну, это уж свои дела, но бывают дела намного сложнее, в которых ты не можешь никому ничего доказать.

Странная история была у меня с фильмом "Бегство мистера Мак-Кинли". В этот фильм я был приглашен на роль уличного певца, который должен вести все действие,— он появляется на экране, что-то споет и уходит. Этой роли не было у автора.

Это полуфантастическая история про бегство из этой жизни в сальваторий, — где-то на глубине триста метров, куда за большие деньги продают места, а через много сотен лет оживляют. И герой этого фильма все время старается попасть туда, но денег у него нету.

Мне было заказано девять баллад, и я их написал. Громадные баллады — по четыре-пять минут, на этих балладах должно было идти действие. Так и было рассчитано: минут сорок, примерно, стихотворного текста под гитару или оркестр. Я писал совершенно самостоятельные баллады, которые звучали за кадром, либо во время действия, когда на экране ничего не происходило — только движение. Они должны были

рассказывать о том, что происходит на экране, и заменять очень много сцен.

Работал месяца четыре не покладая рук. Сделали оркестровки, много работали ночью. Очень трудное оказалось кино. Поту пролил, думаю, больше, чем на всем остальном. Потому что, во-первых, это не про н а с, а я про н и х не писал ничего. Во-вторых, это не просто наше время, а — про где-то в будущем, что совсем было для меня невероятно. Поэтому я просто исключил обстановку и время и стал писать какие-то общечеловеческие песни.

Задумка была интересная. У нас, например, была колоссальная сцена на пустыре, с хиппи. Я для нее написал такую маленькую о т ж а т у ю оперу, где попытался выразить философию этого движения. Было это с хором исполнено и снято. Была также молитва хиппи, как уважительный привет всем красивым молитвам, которые раньше существовали. Потому что все эти "спиричуэлс" — это же молитвы, я хотел в таком плане написать эту вещь.

Реклама была громадная. Сделан был рекламный ролик, в котором один Владимир Семенович ходит с гитарой и поет. Люди смотрят и думают, что в фильме я пою еще больше, — полное впечатление, что я целых два часа не буду слезать с экрана. Помню, в каком-то журнале — не то в "Экране", не то где-то еще — обеспокоенный зритель или корреспондент спрашивал режиссера: "Не будет ли Высоцкий в фильме конкурировать с Банионисом, не забьет ли он его?" И режиссер отвечал: "Нет, не забьет! У него большая роль, но все-таки они такие разные!.." А у всех, кто видел рекламный ролик, полное впечатление, что "не забьет, но может".

А в фильме Банионис есть, а песен моих нету. Ничего не осталось — просто рожки да ножки. Чего там конкурировать, если я вообще там ни черта не делаю — пою полторы баллады, какие-то ошметки. И непонятно, откуда они возникают и куда девался певец. Я посмотрел да и ушел с половины. И обманутые люди, любители этих песен, пришли — и ушли в недоумении, — ничего там и близко похожего на рекламу нету.

Может, они кому-нибудь не понравились по содержанию — это уже другое дело. Есть люди, которые просто не любят эту манеру, а они находятся на таких постах, что могут и отменить — это раз. А есть люди туповатые — нельзя, мол... Но это зависит не только от таких людей, потому что с ними-то еще можно бороться: можно пойти, доказать... Иногда — с пользой, иногда — без, это неважно. Но они — живые, с ними можно как-то разговаривать.

Но бывает и так, что песня не работает вместе с отснятым

материалом. Я написал трагические, очень нервные, заводные баллады — как мы и договорились. Я писал их так, как будто я буду их петь на последнем выдохе, в последний раз. А повествование фильма получилось раздумчивым, медлительным, даже нудноватым на мой взгляд. Поэтому песни вырезали и убрали: они н е м о н т и р о в а л и с ь никак, они просто туда н е л е з л и. Песня стоит, а изображения под нее нету. Какая-то другая окраска получилась у фильма.

Кино ведь не выбросишь, на него затрачено много денег, полтора — два миллиона. А песни — можно. Поэтому они выбрасываются безболезненно, так считают режиссер и начальство, а для нас, конечно, это очень болезненно. Это просто вина режиссера, который не очень точно знал... Зачем он тогда меня приглашал и зачем просил их писать? Я пишу по ночам в основном, потому что у меня еще другие работы есть. И когда ты ночные бдения вместо того, чтобы заниматься сном и другими делами, отдаешь писанию, то жалко потом, когда эта работа не попадает туда, для чего она написана.

Печальная история была у меня и с фильмом "Стрелы Робин Гуда". Хотел я для юношества, которое будет смотреть эту картину, написать несколько песен: просто воспользоваться случаем, раз есть такой материал. И написал баллады о борьбе, о любви, о ненависти... — шесть довольно серьезных баллад, совсем не похожих на то, что я делал раньше. Такие философские вещи.

Мы хотели сделать кино не просто таким, каким оно было раньше. В старом замечательном фильме играл великолепный актер Рой Флинн, он там блистал, великолепно любил, было на экране красивое изображение. Сам я там не играю, но мои баллады давали новому — нашему — фильму несколько иное направление. В нем была печаль, ностальгия по нашему детству, когда мы смотрели все эти удивительные фильмы — всевозможных "капитанов", "королевских пиратов" и так далее. Потому что мы уже не можем воспринимать кино с такими открытыми глазами. Мы вдруг начинаем думать: да, это ловко все, но только ведь — люди погибают, и не от хорошей жизни они зачем-то живут в лесу...

Однако материал был отснят, баллады туда не вошли — они были вырваны из картины перед самым ее выпуском. Опять по очень простому объяснению — начальство посмотрело и сказало: "Кино приключенческое — зачем нужны туда серьезные, трагические баллады?! Нет, не надо — и все!" Надо было бороться за это дело, а режиссер оказался послабже ду-

шою, чем я предполагал, и просто не стал бороться. Были написаны другие тексты, другие люди написали музыку, картина прошла с этими, чужими вещами.

Я не жалуюсь, мне просто довольно противно про это говорить — про людей, которые почему-то посчитали эти песни слишком драматическими для такого легкого фильма. А что ж в нем такого "легкого"? Стреляют, кровь льется...

Несколько песен я написал для картины "Вооружен и очень опасен". Фильм на киностудии Горького сделал режиссер Вайншток, а сценарий по произведениям Брета Гарта написали Павел Финн и Вайншток. Это — шестидесятые годы прошлого века, ковбойская тема. Только что начали добывать нефть... В общем, люди, вы знаете, те, которые ходили с пистолетом, сами решали все вопросы, стреляли и влет, и лежа, и навскидку... Среди них были и хорошие, и плохие, — вот о них я и написал различные песни.

В этом фильме я не играю, а песни мои поет Сенчина, которая играет как актриса роль певицы Жюли. Хотя и я должен был сначала петь одну песню — про живучего парня Барри.

Так они меня вокруг пальца ловко обвели! Как-то говорят:

— Ты напиши!..

Я для себя написал.

Потом говорят:

— Знаешь, надо чтобы — она все-таки спела...

Я стал для нее переписывать.

Говорю:

— А вот эту — я спою!

Они говорят:

— Ну, хорошо!

А потом, когда она спела, они говорят:

— Эту не надо, потому что...

Чего вам рассказывать! У всех свои дела — у всех на своей работе все похожее...

Для картины Одесской киностудии "Забудьте слово "смерть" я написал песню "Пожары". Режиссером фильма был мой товарищ. Он, значит, сорок бочек арестантов мне наобещал, как она здорово будет туда вставлена. Леша Зубов написал прекрасную оркестровку этой музыки, мы ее записали с оркестром... А потом оказалось, что в фильме ее нету. Не то что она не состоялась по каким-то там причинам несходства наших взглядов — просто тоже не смонтировалась с материалом: песня была написана в очень сильном ритме,

и хотя события в картине тоже очень жесткие — очень много стрельбы на экране, артисты темпераментно работают и так далее, — все-таки эта песня туда не уложилась.

А в других случаях придумывают что-то другое: говорят, что материал легкий, а песни очень хорошие — слишком хорошие для этого кино. Это понятно — это хорошая мина при плохой игре. Бывает очень досадно, поэтому я даже какое-то время в кино совсем не работал. Обиделся.

Но сейчас я думаю, чего ж обижаться — награда-то уже получена за эти песни: если ты сидишь за столом и на тебя о т т у д а спустилось вдохновение — уже хватит. Уже награжден человек, раз на него снизошло, — чего тут, господи, греха таить. Хотелось бы, конечно, чтобы и песни выходили, но ничего страшного, даже если не выходят.

Так что я по этому поводу не печалюсь и не ропщу на судьбу, хотя и бывает очень досадно. Но я все равно постараюсь сохранить этим песням жизнь. Я их пою своим друзьям, пою на концертах — они попадут на магнитофоны. Попробую записать на пластинку.

Я собираюсь делать новую пластинку, несмотря на то, что две, которые я сделал несколько лет назад, не вышли и, может быть, никогда и не выйдут. Но я все равно буду новую делать. В идеале я бы хотел назвать ее так: "Песни, не вошедшие в фильмы и спектакли". Называют же: "Песни и стихи, не вошедшие в полное собрание". Это будут песни из "Робин Гуда", из "Арапа" — то, что не вошло в картины. Я ее запишу, если у меня будет такая возможность, а уж выйдет она или нет — я не знаю.

Снялся я в главной роли в фильме "Арап Петра Великого". Сценарий — по мотивам, конечно, а не точно по Александру Сергеевичу Пушкину, — написали Фрид и Дунский, вместе с Сашей Миттой, замечательным, на мой взгляд, режиссером. Он снимал фильмы "Друг мой Колька", "Гори, гори, моя звезда". Недавно он снял "Москва — любовь моя" — ну, это не самое лучшее, что он сделал, но вообще он очень интересный режиссер.

Теперь эта картина называется почему-то "Сказ про то, как царь Петр арапа женил". Я недоумевал, почему так назвали? Потом догадался: это какой-то умный человек в Комитете придумал, что вот, дескать, так будет — про царя, а то было — про арапа.

Играл я арапа Ибрагима Ганнибала. Роль очень интересная, хотя и мазали меня целый год в черный цвет. А ведь

эфиопы не черные — это не негроидная раса, — они желтоватенькие, шоколадные. Мазали страшно, по килограмму краски за раз; очень трудно смывалась — вместе с кожей. Много по этому поводу было скандалов: режиссер хотел, чтобы я все-таки был черным, а оператор говорил, что это ему мешает. Да и как ни закрашивай, все равно не похож я на негра. А если еще и губы "вот такие" сделать и совсем закрасить, тогда уж лучше негра было взять: сейчас международные связи развились, негр и сыграл бы.

Но весь смысл этого фильма в том, что арап — глубоко русский человек: он с двух-трех лет живет в России. Так уж случилось, что он не того цвета, но это не самое главное: просто он немножечко не похож на других, и из-за этого у него все неприятности и коллизии. И раз уж взяли на эту роль меня, русского человека, то тогда и фильм надо построить под то, что это был человек русский, но немножко не похожий на других. На этом мы остановились.

Я совсем не держал в уме, когда работал, что это за жанр — острая ли комедия или лирическая, — нет. Мы просто пытались играть ситуацию, в которую попал этот человек, а она в общем-то не очень веселая. В фильме много комедийных персонажей, много шуточных ситуаций, ярких сцен. А с арапом происходит довольно трагическая история — это история его падения из-за того, что он не согласился с царем по поводу того, что его хотели оженить, как это принято говорить. У него есть свои принципы — и он отказался. Хотя он отказывает по форме довольно мягко — не кричит и не впадает в истерику, но от принципов своих не отказывается и тверд до самого конца.

И даже в конце картины, когда все-таки получилось по-цареву, если так можно сказать (он все же женился на этой девушке, которую по-настоящему любил), то сделал он это, потому что увидел, что она тоже имеет к нему ответные чувства. А вовсе не потому, что он себе изменил. И он даже сам говорит об этом в фильме: "Я своим мыслям о смысле жизни остался верен до конца".

Меня спрашивают, есть ли какая разница между тем, что я делал раньше и что я делал в этой роли. По ф о р м е, наверное, есть разница: я в этом фильме более сдержан, почти не даю на экране воли своим нервам — не выплескиваюсь особенно сильно, что я делал раньше в других картинах и на сцене.

Я думаю, нет смысла рассказывать, о чем мы думали с режиссером перед тем как начать работу над фильмом. Пусть это при мне останется. Это видно на экране, и зритель сам

увидит, о чем мы думали. Тут уж вопрос о том, получилось ли все, что мы предполагали показать, или нет. Думаю, что, наверное, нет, не все получилось. Не все мы там сделали, что могли.

...Как-то я приехал в Ленинград и на световом табло перед Московским вокзалом увидел рекламу фильма "Арап Петра Великого": в роли Петра Первого — Алексей Петренко, Ибрагим Ганнибал — нарисован лампочками черный человек, похожий на меня, надпись: "Владимир Высоцкий". Потом надпись сдвигается, и по этим лампочкам почему-то проезжает гитара, хотя я в фильме не пою. Я написал несколько баллад для картины и собирался их спеть один или вместе с Валерием Золотухиным, — но они тоже в фильм не попали.

Вообще у меня особые счеты с этим фильмом, потому что я собирался снимать совсем другое кино. А меня втравили в эту авантюру и сделали какую-то полуоперетту. Все это задумывалось серьезнее и любопытнее, хотя фильм, в общем, сделан достойно, на общем фоне он выделялся, и много стран купили эту картину. Но я ее не считаю своей интересной работой.

Я продолжаю работать со Славой Говорухиным — это один из самых моих близких друзей. Но я должен сказать, что с ним нас связывает, кроме многолетней дружбы, еще и многолетнее творческое содружество. Он снимал фильмы "День ангела", "Белый взрыв", "Робинзон Крузо", "Контрабанда", и почти во все его работы я старался написать какие-нибудь песни. Я ужасно рад, что он в свое время с таким доверием ко мне отнесся и предложил написать песни для своей первой картины. Потом это вошло в привычку.

Иногда я даже стилизовал: он попросил меня написать танго для фильма "Контрабанда". Специально в эту картину я написал две песни. Одна из них называется "Кораблиная любовь", это про два корабля — один черный, другой белый. А другая песня — такая философская — про моряков, которые находятся вдали от родины. Идея в песне была такая, что раньше куски суши разбегались от материков — есть такая теория, — что они уходили в океан, и вот так образовывались острова... Я сделал песню о том, что корабли — это острова, которые увозят с собой часть материка, его природу, дух и так далее.

Музыку мы написали вместе с композитором, в Москве. Одна из песен звучит под оркестр прямо в музыкальном салоне корабля (мы ее поем вдвоем с певицей). А вторая — просто так, как говорится, на начале и конце фильма.

Название сразу пугает — "Контрабанда", — ничего по-

добного там нет, а разговор в фильме идет про флот. Как раз флот в этой картине ведет себя очень достойно, и поэтому-то картина и вышла на экраны. Там есть небольшая контрабандная история, но в основном фильм сделан, чтобы показать жизнь моряков на пассажирских судах.

Мы сделали с ним же картину "Ветер надежды". Это тоже о море, о парусном учебном судне "Товарищ", на котором молодые моряки проходят практику, и о всех их приключениях в Мировом океане. Примерно в том же плане, что и "Вертикаль". Можно было бы спеть — и я хотел — "лучше гор может быть только море, на котором еще не бывал", но потом мы решили написать другие песни. Сам я там не играю, но в фильме звучат мои песни, записанные моим голосом на мою же музыку. Звучат они в параллель с фильмом, а не в кадре.

Там было несколько очень серьезных баллад о море, но была и одна шуточная, комедийная песня, которую моряки поют во время отдыха, собравшись вечером на баке. У нее длинное название: "Одна научная загадка, или Почему аборигены съели Кука", она вложена в уста одного из героев — он просто потешает рядом сидящих своих товарищей.

Только мне жаль, что одна из песен, которую я особенно люблю, звучит в этом фильме не так, как мне бы хотелось. Первые строки ее, если я не ошибаюсь, такие:

> Мы говорим не "штормы", а "што́рма", —
> Слова выходят коротки и смачны:
> "Ветра́", — не "ветры" — сводят нас с ума,
> Из палуб выкорчевывая мачты...

Мне казалось, что эта песня будет звучать на первом плане, а она далеко спрятана и где-то там тихо звучит. Да еще я пою ее высоким голосом, потому что Слава попросил меня сделать один вариант сильный, а другой — слабый. И посчитал, что в тот кусок нужно вставить тихий вариант.

Я не был очень доволен, что он это сделал, но, как говорят, своя рука — владыка. Кино — это же ведь режиссерское искусство, и когда режиссер — автор своего кино, только тогда получается настоящая картина. А иначе кино нету — это ремесло. Тогда что — можно любого человека научить снимать кино? Это неправильно.

В общем, "виноват" — я, что мы сделали фильм "Место встречи изменить нельзя". Эта картина была отдана в Ленинград другому человеку, но писалось это Вайнерами с меня и для меня. Они меня встретили и сказали:

— Володя, нужно, чтобы ты это делал...

И вдруг Слава Говорухин говорит:

— Слушай, ты читал "Эру милосердия"? Это уже не детектив, это ближе к литературе — там есть характеры.

Я прочитал — мне показалось, что это настоящая литература. Там две психологии сталкиваются — любопытно, и оторваться нельзя. И в то же время там действительно есть драматургия, есть столкновение, есть ради чего вести разговор.

И мы вместе, совместными усилиями отняли сценарий у той студии и передали в Одессу. Но в Одессе снимали только павильоны.

Мы работали с режиссером, со многими-многими ребятами, с которыми я всю жизнь встречался. Я всегда хотел так работать, это моя давнишняя мечта. Мне снова хотелось вернуть ощущения десятилетней давности, которые были у меня в Одессе, когда я снимался у Киры Муратовой в "Коротких встречах". Еще и поэтому я согласился играть Жеглова.

А так как братья писали немножечко с меня, с образа, который создался у них из-за моих песен, мне было проще работать. Это не значит, что я самого себя играл. Конечно, не самого себя, но я немножечко подмял героя под то, что мне казалось удобнее.

На чем в принципе построена вся эта вещь... Шарапов, этакий "голубой герой", призывает к милосердию, к тому, что раз уж кончена война, то хватит жестокости, нужно наоборот — все вести в сторону умягчения, а не ужесточения, и что нужно действовать честно даже с нечестными людьми.

Эта позиция в общем на словах хороша. Но если сейчас посмотреть кругом на то, что в мире происходит, — когда слышишь о терроризме, о том, как "красные бригады" стреляют по ногам детей, а потом на их глазах убивают учителя, — начинаешь сомневаться, кто из них прав: Шарапов или Жеглов. Если вы обратили внимание, то Вайнеры это как раз здесь ухватили, здесь они были очень серьезны.

Когда Шарапов и Жеглов (по книге) окончательно поссорились и разошлись, Шарапов приходит в МУР и видит в траурной рамочке фотографию своей любимой девушки, которую убили те бандиты. И вот в данный момент, если бы они сейчас попали ему в руки, он л ю б ы м с п о с о б о м упрятал бы их за решетку, если бы вообще не уничтожил. А мой Жеглов в с е в р е м я находится в этой позиции, в которой Шарапов мог бы оказаться в конце картины.

На телевидение приходят буквально тысячи писем, в которых спрашивают, как я отношусь к Глебу Жеглову: "А сам артист-то что думает про Глеба своего? Он что у него — плохой

или хороший?" Я уже его сыграл, что же я буду повторять. Но это сложно понять — вероятно, у разных людей разное отношение к каждому человеку. Он и плохой и хороший. И в общем-то я его нигде не оправдывал. Я только одно знаю: очень много перемешано в нас всего. И у профессионалов тоже, и у него, — это видно по картине.

Кстати говоря, многим людям нравится, что Жеглов засунул кошелек в карман Кирпичу, и так ловко, — потому что это явный вор. Возможно, он так бы не стал себя вести с человеком, в вине которого не уверен.

От имени моего персонажа я утверждаю, что с бандитами нужно только так: их надо давить — от начала до конца, если ты абсолютно — на сто процентов — уверен, что это преступник.

Моя заслуга, собственно, я считаю, — что он ошибается в том, что если он подозревает, что это преступник, — все: для него человек в нем перестает существовать. С единственным приличным человеком он ошибся. Это была омерзительная ошибка со стороны Жеглова. Поэтому он с ним так себя и ведет. Вот в *этом*, может быть, есть что-то.

Я согласен почти со всеми рецензентами, но они все остановились на четверти пути, не договорили, что и *теперь* очень интересно и важно исследовать эту тему: кто из них прав? Как нужно обращаться с террором: таким же способом или все-таки терпеть и пытаться находить другие пути? Никто в мире не может ответить на этот вопрос.

Я, например, и согласился сниматься в этой картине, чтобы этот вопрос поставить.

Кстати, я помню эту облаву на "Черную кошку", хотя мне было совсем-совсем немного лет. Мы жили в трехэтажном доме точно напротив Ржевского вокзала, где и была облава. Там были пути, на которые приходили эшелоны из Германии, и бандой было запланировано ограбление этих эшелонов, как нам рассказывали. Помню стрельбу, колоссальное количество милицейских машин — мы смотрели в форточку. Я тогда еще был настолько малолеткой, что не очень понимал, что это такое, но название "Черная кошка" запомнил как-то.

Многие спрашивают, почему я не спел в этой картине, хотя имелась возможность спеть и дворовые песни, и какую-нибудь лирическую песню о работниках розыска. Ну, — как-то не случилось. Я думаю, что в этом виноват и режиссер-постановщик. Он решил, я думаю, просто быть оригинальным: вот у него снимается Высоцкий, но — в отличие от других картин — он не поет.

Картину показали в ноябре — приурочили к Дню милиции.

Она пять вечеров подряд опустошала улицы больших городов. А один человек даже пытался совершить ограбление "Малахитовой шкатулки": подгадал ровно в семь, когда никого не было в магазине, убил кассира и так далее. Так что во время демонстрации фильма "Семнадцать мгновений весны", где были артисты страшно похожие на Гиммлера, Геббельса, Шелленберга и так далее, преступность упала на семьдесят процентов, а вот когда показывали картину с моим участием, — пытались ограбить "Малахитовую шкатулку". Но я не думаю, что в этом только я виноват.

Некоторое время назад я решил уйти из театра и заняться только писанием. Но никак не получается. Почти одновременно с Жегловым я сыграл Дон Гуана в "Маленьких трагедиях" по Александру Сергеевичу Пушкину. Было очень приятно играть в Одессе сыщика, потом приезжать в Москву и превращаться в любовника — в переносном смысле этого слова, потому что там не в этом дело.

"Маленькие трагедии" — тоже для телевидения, три серии, но это настоящий кинематограф. Делал картину Швейцер, очень интересный режиссер, он всегда хорошо думает. У него в мозгах очень все оригинально складывается.

На мой взгляд, Швейцер очень бережно отнесся к Пушкину и сделал изумительный монтаж из четырех трагедий и пушкинских стихов с прологом разговора Беса и Фауста. Получилось единое произведение, единая пьеса — ему удалось осуществить это через Импровизатора, которого играет Юрский. Впрочем, так ведь оно и было на самом деле: Пушкин написал все эти маленькие трагедии в одно время, в знаменитую Болдинскую осень, — одним духом. То есть это из него вылилось, как будто бы разные акты одной пьесы. Вероятно, и нужно читать их как единую пьесу и так к этому относиться, что это одно и то же, — только разные стороны, разные грани характера Александра Сергеича.

Я должен был играть две роли: Мефистофеля и Дон Гуана. Хотя для меня роль Дон Гуана была в диковинку. Как-то странно случилось: два режиссера в двух разных местах (почти одновременно) предложили мне эту роль.

Позвонил Эфрос и говорит:

— А ну-ка давай приходи. Мы с тобой на радио запишем — будешь у меня играть Дон Гуана.

— Как это так? — я говорю. — Меня уже на эту роль позвали в кино. Вы что, проконсультировались?

— Нет, я в отрыве.

Я долго думал, что это они вдруг на меня набросились?

Почему — я? Ведь лет десять назад они, конечно, предложили бы эту роль Тихонову или Стриженову. Я понимаю, что на Черта, на Мефистофеля я подхожу. А с этим — не знаю. Потом подумал: а почему в конце концов нет? Почему Дон Гуан должен быть обязательно, так сказать, классическим героем?

Во всяком случае, были очень интересные пробы, я не в силах был от этого отказаться. Хотя, честно говоря, хотел уже больше не играть...

По-моему, "Каменный гость" — одно из самых интересных произведений Пушкина. Он написал его про себя. Он же сам был Дон Гуаном до своего супружества, до того как из разряда донжуанов перешел в разряд мужей. В этой трагедии он сам с собой разделался, с прежним. Сам себе отомстил. Так что все это, мне кажется, очень любопытно читается.

Я там не пою, хотя Дон Гуан, наверное, пел, но только раньше, до своего появления в Мадриде в этот момент. Ведь Пушкин написал его поэтом, он же себя писал в основном.

В картине очень хорошо распределены роли. И опять мы работали вместе с Валерием Золотухиным: Валерий играл Моцарта. Со Смоктуновским, который сыграл Сальери.

Играли мы очень всерьез, но я не знаю, как нам это удалось, захватывает это или нет. Когда я смотрел, мне показалось, что картина сделана крепко и интересно. Но это вам судить...

Сейчас пошли сплетни, что я ушел из театра, — это неправда, я продолжаю играть спектакли. Просто я собирался делать свое кино: сам режиссер, самому сниматься, самому писать песни и их петь — в общем, все делать самому, как в песне. Сделать кино как песню.

Не знаю, думаю, что не буду делать его сейчас, потому что все сроки ушли. Я-то думал, что все так легко: готов сценарий, утвержден — и пошел работать. Оказывается, нет: там надо еще куда-то идти, где-то утверждать... Потом все начинается по-новой на студии, потом опять, присылается второй вариант сценария... Я три месяца работал, а оказалось все на нуле — на том же, с которого начиналось.

Я позвонил и сказал:

— Нет, извините, у меня нету времени.

Возможно, этого не случится со мной, возможно, будет в будущем — это неважно, — но не сейчас...

Я РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

«БЕЛАРУСЬФИЛЬМ», 1966

...Вы представляете себе?! Я, никогда не воевавший человек, писал песни в картину, где не было ни одного грамма лжи!

ПЕСНЯ О ГОСПИТАЛЕ

Жил я с матерью и батей
На Арбате — здесь бы так! —
А теперь я в медсанбате —
На кровати, весь в бинтах...

Что нам слава, что нам Клава —
Медсестра — и белый свет!..
Помер мой сосед, что справа,
Тот, что слева, — еще нет.

И однажды, как в угаре,
Тот сосед, что слева, мне
Вдруг сказал: "Послушай, парень,
У тебя ноги-то нет".

Как же так? Неправда, братцы, —
Он, наверно, пошутил!
"Мы отрежем только пальцы" —
Так мне доктор говорил.

Но сосед, который слева,
Все смеялся, все шутил,
Даже если ночью бредил —
Все про ногу говорил.

Издевался: мол, не встанешь,
Не увидишь, мол, жены!..
Поглядел бы ты́, товарищ,
На себя со стороны!

Если б был я не калека
И слезал с кровати вниз —
Я б тому, который слева,
Просто глотку перегрыз!

Умолял сестричку Клаву
Показать, какой я стал...
Был бы жив сосед, что справа, —
Он бы правду мне сказал!..

1964

ПЕСНЯ О ЗВЕЗДАХ

Мне этот бой не забыть нипочем —
Смертью пропитан воздух, —
А с небосклона бесшумным дождем
Падали звезды.

Снова упала — и я загадал:
Выйти живым из боя, —
Так свою жизнь я поспешно связал
С глупой звездою.

Я уж решил: миновала беда
И удалось отвертеться, —
С неба свалилась шальная звезда —
Прямо под сердце.

Нам говорили: "Нужна высота!"
И "Не жалеть патроны!"...
Вон покатилась вторая звезда —
Вам на погоны.

Звезд этих в небе — как рыбы в прудах, —
Хватит на всех с лихвою.
Если б не насмерть, ходил бы тогда
Тоже — Героем.

Я бы Звезду эту сыну отдал,
Просто — на память...
В небе висит, пропадает звезда —
Некуда падать.

1964

* * *

В холода, в холода
От насиженных мест
Нас другие зовут города, —
Будь то Минск, будь то Брест, —
В холода, в холода...

Неспроста, неспроста
От родных тополей
Нас суровые манят места —
Будто там веселей, —
Неспроста, неспроста...

Как нас дома ни грей —
Не хватает всегда
Новых встреч нам и новых друзей, —
Будто с нами беда,
Будто с ними теплей...

Как бы ни было нам
Хорошо иногда —
Возвращаемся мы по домам.
Где же наша звезда?
Может — здесь, может — там...

1965

ВЫСОТА

Вцепились они в высоту как в свое.
Огонь минометный, шквальный...
А мы всё лезли толпой на нее,
Как на буфет вокзальный.

И крики "ура" застывали во рту,
Когда мы пули глотали.
Семь раз занимали мы ту высоту —
Семь раз мы ее оставляли.

И снова в атаку не хочется всем,
Земля — как горелая каша...
В восьмой раз возьмем мы ее насовсем —
Свое возьмем, кровное, наше!

А можно ее стороной обойти, —
И что мы к ней прицепились?!
Но, видно, уж точно — все судьбы-пути
На этой высотке скрестились.

1965

ШТРАФНЫЕ БАТАЛЬОНЫ

Всего лишь час дают на артобстрел —
Всего лишь час пехоте передышки,
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому — до ордена, ну а кому — до "вышки".

За этот час не пишем ни строки —
Молись богам войны артиллеристам!
Ведь мы ж не просто так — мы штрафники, —
Нам не писать: "...считайте коммунистом".

Перед атакой — водку, — вот мура!
Свое отпили мы еще в гражданку,
Поэтому мы не кричим "ура" —
Со смертью мы играемся в молчанку.

У штрафников один закон, один конец:
Коли, руби фашистского бродягу,
И если не поймаешь в грудь свинец —
Медаль на грудь поймаешь за отвагу.

Ты бей штыком, а лучше — бей рукой:
Оно надежней, да оно и тише, —
И ежели останешься живой —
Гуляй, рванина, от рубля и выше!

Считает враг: морально мы слабы, —
За ним и лес, и города сожжёны.
Вы лучше лес рубите на гробы —
В прорыв идут штрафные батальоны!

Вот шесть ноль-ноль — и вот сейчас обстрел, —
Ну, бог войны, давай без передышки!
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому — до ордена, а большинству — до "вышки"...

1964

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают, —
К ним кто-то приносит букеты цветов,
И Вечный огонь зажигают.

Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче — гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы —
Все судьбы в единую слиты.

А в Вечном огне — видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.

У братских могил нет заплаканных вдов —
Сюда ходят люди покрепче,
На братских могилах не ставят крестов...
Но разве от этого легче?!

1964

* * *

Сколько павших бойцов полегло вдоль дорог —
Кто считал, кто считал!..
Сообщается в сводках Информбюро
Лишь про то, сколько враг потерял.

Но не думай, что мы обошлись без потерь —
Просто так, просто так...
Видишь — в поле застыл как подстреленный зверь,
Весь в огне, искалеченный танк!

Где ты, Валя Петров? — что за глупый вопрос:
Ты закрыл своим танком брешь.
Ну а в сводках прочтем: враг потери понес,
Ну а мы — на исходный рубеж.

1965

ПОСЛЕДНИЙ ЖУЛИК

РИЖСКАЯ СТУДИЯ, 1966

...Написал песни к трем фильмам ⟨...⟩ "Последний жулик" — комедь, в Риге, там играет Губенко. Это, правда, не "Тот, кто раньше с нею был", но и не гимны и дифирамбы — везде есть своя, Высоцкая червоточина, которую ты любишь и в которой весь смысл и смак...

Из письма И.Кохановскому

* * *

Здравствуйте,
Наши добрые зрители,
Наши строгие критики!
Вы увидите фильм
Про последнего самого жулика.

Жулики —
Это люди нечестные, —
Они делают пакости,
И за это их держат в домах,
Называемых тюрьмами.

Тюрьмы —
Это крепкие здания,
Окна, двери — с решетками, —
На них лучше смотреть,
Лучше только смотреть на них.

Этот фильм —
Не напутствие юношам,
А тем более девушкам, —
Это,
Это просто игра,
Вот такая игра.

Жулики
Иногда нам встречаются, —
Правда, реже значительно,
Реже, чем при царе
Или, скажем, в Америке.

Этот фильм
Не считайте решением:
Все в нем — шутка и вымысел, —
Это,
Это просто игра,
Вот такая игра.

1966

* * *

Здесь сидел ты, Валет,
Тебе счастия нет,
Тебе карта всегда не в цвет.
Наши общие дни
Ты в душе сохрани
И за карты меня извини!

На воле теперь вы меня забываете,
Вы порасползлись все по семьям в дома, —
Мои товарищи, по старой памяти
Я с вами веду разговор по душам.

1966

О ВКУСАХ НЕ СПОРЯТ

О вкусах не спорят: есть тысяча мнений —
Я этот закон на себе испытал, —
Ведь даже Эйнштейн, физический гений,
Весьма относительно все понимал.

Оделся по моде, как требует век, —
Вы скажете сами:
"Да это же просто другой человек!"
А я — тот же самый.

Вот уж действительно
Все относительно, —
Все-все, все.

Набедренный пояс из шкуры пантеры, —
О да, неприлично, согласен, ей-ей,
Но так одевались все до нашей эры,
А до нашей эры — им было видней.

Оделся по моде как в каменный век —
Вы скажете сами:
"Да это же просто другой человек!"
А я — тот же самый.

Вот уж действительно
Все относительно, —
Все-все, все.

Оденусь как рыцарь я после турнира —
Знакомые вряд ли узнают меня, —
И крикну, как Ричард я в драме Шекспира:
"Коня мне! Полцарства даю за коня!"

Но вот усмехнется и скажет сквозь смех
Ценитель упрямый:
"Да это же просто другой человек!"
А я — тот же самый.

Вот уж действительно
Все относительно, —
Все-все, все.

Вот трость, канотье — я из нэпа, — похоже?
Не надо оваций — к чему лишний шум!
Ах, в этом костюме узнали, — ну что же,
Тогда я одену последний костюм.

Долой канотье, вместо тросточки — стек, —
И шепчутся дамы:
"Да это же просто другой человек!"
А я — тот же самый.

Будьте же бдительны:
Все относительно, —
Все-все, все!

1966

* * *

Вот что:
Жизнь прекрасна, товарищи,
И она удивительна,
И она коротка, —
Это самое-самое главное.

Этого
В фильме прямо не сказано, —
Может, вы не заметили
И решили, что не было
Самого-самого главного?

Может быть,
В самом деле и не было —
Было только желание, —
Значит,
Значит, это для вас
Будет в следующий раз.

И вот что:
Человек человечеству —
Друг, товарищ и брат у нас,
Друг, товарищ и брат, —
Это самое-самое главное.

Труд нас
Должен облагораживать, —
Он из всех из нас делает
Настоящих людей, —
Это самое-самое главное.

Правда вот,
В фильме этого не было —
Было только желание, —
Значит,
Значит, это для вас
Будет в следующий раз.

Мир наш —
Колыбель человечества,
Но не век находиться нам
В колыбели своей, —
Циолковский сказал еще.

Скоро
Даже звезды далекие
Человечество сделает
Достояньем людей, —
Это самое-самое главное.

Этого
В фильме прямо не сказано —
Было только желание, —
Значит,
Значит, это для вас
Будет в следующий раз.

1966

САША–САШЕНЬКА

«БЕЛАРУСЬФИЛЬМ» 1966

Был очень плохой фильм "Саша-Сашенька", я по недоразумению отдал туда песню. Но песню я люблю, называется она "Песня о старом доме"...

4 Зак. 157

ПЕСНЯ-СКАЗКА О СТАРОМ ДОМЕ НА НОВОМ АРБАТЕ

Стоял тот дом, всем жителям знакомый, —
Его еще Наполеон застал, —
Но вот его назначили для слома,
Жильцы давно уехали из дома,
Но дом пока стоял...

Холодно, холодно, холодно в доме.

Парадное давно не открывалось,
Мальчишки окна выбили уже,
И штукатурка всюду осыпалась, —
Но что-то в этом доме оставалось
На третьем этаже...

Ахало, охало, ухало в доме.

И дети часто жаловались маме
И обходили дом тот стороной, —
Объединясь с соседними дворами,
Вооружась лопатами, ломами,
Вошли туда гурьбой

Дворники, дворники, дворники тихо.

Они стоят и недоумевают,
Назад спешат, боязни не тая:
Вдруг там Наполеонов дух витает!
А может, это просто слуховая
Галлюцинация?..

Боязно, боязно, боязно дворникам.

Но наконец приказ о доме вышел,
И вот рабочий — тот, что дом ломал, —
Ударил с маху гирею по крыше,
А после клялся, будто бы услышал,
Как кто-то застонал

Жалобно, жалобно, жалобно в доме.

...От страха дети больше не трясутся:
Нет дома, что два века простоял,

И скоро здесь по плану реконструкций
Ввысь этажей десятки вознесутся —
Бетон, стекло, металл...

Весело, здорово, красочно будет...

1966

* * *

Дорога, дорога — счета нет шагам,
И не знаешь, где конец пути, —
По дороге мы идем по разным сторонам
И не можем ее перейти.

Улыбнись мне хоть как-нибудь взглядом,
Улыбнись — я напротив, я рядом.
Побегу на красный свет, — оштрафуют — не беда, —
Только ты подскажи мне — когда.

Улыбка, улыбка — для кого она?
Ведь как я ее никто не ждет.
Я замер и глаза закрыл, открыл — но ты одна,
А я опять прозевал переход.

Улыбнись мне хоть как-нибудь взглядом,
Улыбнись — я напротив, я рядом.
Побегу на красный свет, — оштрафуют — не беда, —
Только ты подскажи мне — когда.

Шагаю, шагаю — кто мне запретит! —
И шаги отсчитывают путь.
За тобой готов до бесконечности идти —
Только ты не сверни куда-нибудь.

Улыбнись мне хоть как-нибудь взглядом,
Улыбнись — я напротив, я рядом.
Путь наш долог, но ведь он все же кончится, боюсь, —
Перейди, если я не решусь.

1963, ред. 1966

ПЕСНЯ ПАРНЯ У ОБЕЛИСКА КОСМОНАВТАМ

Вот ведь какая отменная
У обелиска служба, —
Знает, наверное,
Что кругом — весна откровенная.

Он ведь из металла — ему все равно, далеко ты
или близко, —
У него забота одна — быть заметным и правильно стоять.
Приходи поскорее на зависть обелиску,
И поторопись: можешь ты насовсем, насовсем опоздать.

Гордая и неизменная
У обелиска поза, —
Жду с нетерпением я,
А над ним — покой и Вселенная.

Он ведь из металла — ему все равно, далеко ты
или близко, —
У него забота одна — быть заметным и весело сиять.
Если ты опоздаешь на радость обелиску —
Знай, что и ко мне можешь ты насовсем, насовсем опоздать.

Если уйду, не дождусь — не злись:
Просто я не железный, —
Так что поторопись, —
Я человек, а не обелиск.

Он ведь из металла — ему все равно, далеко ты
или близко, —
У него забота одна — быть заметным и олицетворять.
Мне нужна ты сегодня, мне, а не обелиску, —
Так поторопись: можешь ты насовсем, насовсем опоздать.

1966

ВЕРТИКАЛЬ

ОДЕССКАЯ СТУДИЯ, 1967

Фильм "Вертикаль" я запомнил на всю жизнь, потому что с этого момента многие зрители узнали мои песни.

ПЕСНЯ О ДРУГЕ

Если друг
　　　　　　оказался вдруг
И не друг, и не враг,
　　　　　　　　　　　а так;
Если сразу не разберешь,
Плох он или хорош, —
Парня в горы тяни —
　　　　　　　　　　　рискни! —
Не бросай одного
　　　　　　　　　　его:
Пусть он в связке в одной
　　　　　　　　　　　　с тобой —
Там поймешь, кто такой.

Если парень в горах —
　　　　　　　　　　　не ах,
Если сразу раскис —
　　　　　　　　　　и вниз,
Шаг ступил на ледник —
　　　　　　　　　　　　и сник,
Оступился — и в крик, —
Значит, рядом с тобой —
　　　　　　　　　　　　чужой,
Ты его не брани —
　　　　　　　　　гони:
Вверх таких не берут
　　　　　　　　　　и тут
Про таких не поют.

Если ж он не скулил,
　　　　　　　　　　не ныл,
Пусть он хмур был и зол,
　　　　　　　　　　　　но шел,
А когда ты упал
　　　　　　　　со скал,
Он стонал,
　　　　　но держал;
Если шел он с тобой
　　　　　　　　　　как в бой,
На вершине стоял — хмельной, —
Значит, как на себя самого,
Положись на него!

1966

* * *

Свои обиды каждый человек —
Проходит время — и забывает.
А моя печаль — как вечный снег:
Не тает, не тает.

Не тает она и летом
В полуденный зной, —
И знаю я: печаль-тоску мне эту
Век носить с собой.

1966

СКАЛОЛАЗКА

Я спросил тебя: “Зачем идете в гору вы? —
А ты к вершине шла, а ты рвалася в бой. —
Ведь Эльбрус и с самолета видно здорово...”
Рассмеялась ты — и взяла с собой.

И с тех пор ты стала близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя, —
Первый раз меня из трещины вытаскивая,
Улыбалась ты, скалолазка моя!

А потом за эти про́клятые трещины,
Когда ужин твой я нахваливал,
Получил я две короткие затрещины —
Но не обиделся, а приговаривал:

“Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!..”
Каждый раз меня по трещинам выискивая,
Ты бранила меня, альпинистка моя!

А потом на каждом нашем восхождении —
Ну почему ты ко мне недоверчивая?! —
Страховала ты меня с наслаждением,
Альпинистка моя гуттаперчевая!

Ох, какая ж ты не близкая, не ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!

Каждый раз меня из пропасти вытаскивая,
Ты ругала меня, скалолазка моя.

За тобой тянулся из последней силы я —
До тебя уже мне рукой подать, —
Вот долезу и скажу: "Довольно, милая!"
Тут сорвался вниз, но успел сказать:

"Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя скалоласковая!.."
Мы теперь с тобой одной веревкой связаны —
Стали оба мы скалолазами!

1966

ЗДЕСЬ ВАМ НЕ РАВНИНА

Здесь вам не равнина, здесь климат иной —
Идут лавины одна за одной,
И здесь за камнепадом ревет камнепад, —
И можно свернуть, обрыв обогнуть, —
Но мы выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа.

Кто здесь не бывал, кто не рисковал —
Тот сам себя не испытал,
Пусть даже внизу он звезды хватал с небес:
Внизу не встретишь, как ни тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли таких красот и чудес.

Нет алых роз и траурных лент,
И не похож на монумент
Тот камень, что покой тебе подарил, —
Как Вечным огнем, сверкает днем
Вершина изумрудным льдом —
Которую ты так и не покорил.

И пусть говорят, да, пусть говорят,
Но — нет, никто не гибнет зря!
Так лучше — чем от водки и от простуд.
Другие придут, сменив уют
На риск и непомерный труд, —
Пройдут тобой не пройденный маршрут.

Отвесные стены... А ну — не зевай!
Ты здесь на везение не уповай —
В горах не надежны ни камень, ни лед, ни скала, —
Надеемся только на крепость рук,
На руки друга и вбитый крюк —
И молимся, чтобы страховка не подвела.

Мы рубим ступени... Ни шагу назад!
И от напряженья колени дрожат,
И сердце готово к вершине бежать из груди.
Весь мир на ладони — ты счастлив и нем
И только немного завидуешь тем,
Другим — у которых вершина еще впереди.

1966

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ

Мерцал закат, как сталь клинка.
Свою добычу смерть считала.
Бой будет завтра, а пока
Взвод зарывался в облака
И уходил по перевалу.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

А до войны — вот этот склон
Немецкий парень брал с тобою,
Он падал вниз, но был спасен, —
А вот сейчас, быть может, он
Свой автомат готовит к бою.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

Ты снова здесь, ты собран весь —
Ты ждешь заветного сигнала.

И парень тот — он тоже здесь,
Среди стрелков из "Эдельвейс", —
Их надо сбросить с перевала!

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

Взвод лезет вверх, а у реки —
Тот, с кем ходил ты раньше в паре.
Мы ждем атаки до тоски,
А вот альпийские стрелки
Сегодня что-то не в ударе...

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

1966

ПРОЩАНИЕ С ГОРАМИ

В суету городов и в потоки машин
Возвращаемся мы — просто некуда деться! —
И спускаемся вниз с покоренных вершин,
Оставляя в горах свое сердце.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Кто захочет в беде оставаться один,
Кто захочет уйти, зову сердца не внемля?!
Но́ спускаемся мы с покоренных вершин, —
Что же делать — и боги спускались на землю.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Сколько слов и надежд, сколько песен и тем
Горы будят у нас — и зовут нас остаться! —
Но спускаемся мы — кто на год, кто совсем, —
Потому что всегда мы должны возвращаться.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых никто не бывал.

1966

КОРОТКИЕ ВСТРЕЧИ

ОДЕССКАЯ СТУДИЯ, 1967

Я считаю, что "Короткие встречи" — одна из лучших моих работ. Это сложная психологическая картина.

ПЕСНЯ-СКАЗКА О НЕЧИСТИ

В заповедных и дремучих
страшных Муромских лесах
Всяка нечисть бродит тучей
и в проезжих сеет страх:
Воет воем, что твои упокойники,
Если есть там соловьи — то разбойники.

Страшно, аж жуть!

В заколдованных болотах
там кикиморы живут, —
Защекочут до икоты
и на дно уволокут.
Будь ты пеший, будь ты конный — заграбастают,
А уж лешие — так по́ лесу и шастают.

Страшно, аж жуть!

А мужик, купец и воин —
попадал в дремучий лес,—
Кто зачем: кто с перепою,
а кто сдуру в чащу лез.
По причине попадали, без причины ли, —
Только всех их и видали — словно сгинули.

Страшно, аж жуть!

Из заморского из лесу,
где и вовсе сущий ад,
Где такие злые бесы —
чуть друг друга не едят, —
Чтоб творить им совместное зло потом,
Поделиться приехали опытом.

Страшно, аж жуть!

Соловей-разбойник главный
им устроил буйный пир,
А от их был Змей трехглавый
и слуга его — Вампир, —

Пили зелье в черепах, ели бульники,
Танцевали на гробах, богохульники!

Страшно, аж жуть!

Змей Горыныч взмыл на древо,
ну — раскачивать его:
"Выводи, Разбойник, девок, —
пусть покажут кой-чего!
Пусть нам лешие попляшут, попоют!
А не то я, матерь вашу, всех сгною!"

Страшно, аж жуть!

Все взревели, как медведи:
"Натерпелись — сколько лет!
Ведьмы мы али не ведьмы,
патриотки али нет?!
На́лил бельма, ишь ты, клещ, — отоварился!
А еще на наших женщин позарился!.."

Страшно, аж жуть!

Соловей-разбойник тоже
был не только лыком шит, —
Гикнул, свистнул, крикнул: "Рожа,
ты, заморский паразит!
Убирайся без бою, уматывай
И Вампира с собою прихватывай!"

Страшно, аж жуть!

...А теперь седые люди
помнят прежние дела:
Билась нечисть грудью в груди
и друг друга извела, —
Прекратилося навек безобразие —
Ходит в лес человек безбоязненно.

И не страшно ничуть!

1967

ДЕЛА

Дела!
Меня замучили дела — каждый день, каждый день,
каждый день...

Дотла
Сгорели песни и стихи — дребедень, дребедень, дребедень!

Весь год
Она жила — и вдруг взяла, собрала и ушла, —
И вот —
Опять "веселые" дела у меня.

Теперь —
Хоть целый вечер подари, подари, подари, —
Поверь,
Я буду только говорить!

Из рук,
Из рук вон плохо шли дела у меня, шли дела, —
И вдруг —
Сгорели пламенем дотла, — не дела, а зола!

Весь год
Жила-была — вдруг взяла, собрала и ушла, —
И вот —
Такие грустные дела у меня.

Теперь —
Хоть целый вечер подари, подари, подари, —
Поверь,
Не буду даже говорить!

Зима 1966/67

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

ОДЕССКАЯ СТУДИЯ, 1967

...Песню писал просто так, но режиссер услышал, обалдел, записал — и сел переписывать сценарий, который называется "Прокурор дает показания", а песня — про подводную лодку. Он написал две сцены новых и весь фильм предложил делать про меня. В связи с этим возникли 2 — 3 съемочных дня, чтобы спеть песню и сыграть облученного подводника....

Из письма Л. Абрамовой

СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ

Уходим под воду
В нейтральной воде.
Мы можем по году
Плевать на погоду, —
А если накроют —
Локаторы взвоют
О нашей беде.

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам...

И рвутся аорты,
Но наверх — не сметь!
Там слева по борту,
Там справа по борту,
Там прямо по ходу —
Мешает проходу
Рогатая смерть!

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам...

Но здесь мы — на воле, —
Ведь это наш мир!
Свихнулись мы, что ли, —
Всплывать в минном поле!
"А ну, без истерик!
Мы врежемся в берег", —
Сказал командир.

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам...

Всплывем на рассвете —
Приказ есть приказ!
Погибнуть во цвете —
Уж лучше при свете!
Наш путь не отмечен...
Нам нечем... Нам нечем!..
Но помните нас!

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам...

Вот вышли наверх мы.
Но выхода нет!
Вот — полный на верфи!
Натянуты нервы.
Конец всем печалям,
Концам и началам —
Мы рвемся к причалам
Заместо торпед!

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!

Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
 Напополам...

Спасите наши души!
Спасите наши души...

1967

ИНТЕРВЕНЦИЯ

«ЛЕНФИЛЬМ», 1968 (1987)

Фильм этот не вышел до сих пор, но я надеюсь, что когда-то он все-таки выйдет...

ПЕСНЯ САНЬКИ

У моря, у порта
Живет одна девчонка, —
Там моряков до чёрта
Из дальних разных стран,
Загадочных стран.
И все они едва ли
Девчонку эту знали, —
Одни не замечали:
Мол, не было печали, —
Ну а другим, кто пьян,
Скорее бы — стакан.

Подруга, блондинка,
Та, что живет у рынка:
Как день — так вечеринка, —
Веселье там и смех,
Веселье и смех.
А тихая девчонка,
Хоть петь умела звонко,
К подруге не ходила —
Ей не до песен было, —
Веселье и успех
В почете не у всех.

Манеры, поклоны,
Мегеры и матроны,
Красавчики пижоны —
До них ей далеко,
До них далеко.
Ей не до поцелуев —
Ведь надо бить буржуев!
И надо бить, заметьте,
На всем на белом свете —
И будет всем легко,
И будет всем легко!

1967

Передо мной любой факир — ну просто карлик,
Я их держу за самых мелких фрайеров, —
Возьмите мне один билет до Монте-Карло —
Я потревожу ихних шулеров!

Не соблазнят меня ни ихние красотки,
А на рулетку — только б мне взглянуть, —
Их банкометы мине вылижут подметки,
А я на поезд — и в обратный путь.

Играть я буду и на красных и на черных,
И в Монте-Карло я облажу все углы, —
Останутся у них в домах игорных
Одни хваленые зеленые столы.

Я привезу с собою массу впечатлений:
Попью коктейли, послушаю джаз-банд, —
Я привезу с собою кучу ихних денег —
И всю валюту сдам в советский банк.

Я говорю про все про это без уха́рства —
Шутить мне некогда: мне "вышка" на носу, —
Но пользу нашему родному государству
Наверняка я этим принесу!

1964

ГРОМ ПРОГРЕМЕЛ

Гром прогремел — золяция идет,
Губернский розыск рассылает телеграммы,
Что вся Одесса переполнута з ворами
И что настал критический момент —
И заедает темный элемент.

Не тот расклад — начальники грустят, —
Во всех притонах пьют не ви́ны, а отравы, —
Во всем у городе — убийства и облавы, —
Они приказ дают — идти ва-банк
И применить запасный вариант!

Вот мент идет — идет в обход,
Губернский розыск рассылает телеграммы,
Что вся Одесса переполнута з ворами
И что настал критический момент —
И заедает темный элемент.

А им в ответ дают такой совет:
Имейте каплю уваженья к этой драме,
Четыре сбоку — ваших нет в Одессе-маме!
Пусть мент идет, идет себе в обход, —
Расклад не тот — и нумер не пройдет!

1967

* * *

До нашей эры соблюдалось чувство меры,
Потом бандитов называли — "флибустьеры", —
Теперь названье звучное "пират"
	Забыли, —
	Бить их
	И словом оскорбить их
	Всякий рад.

Бандит же ближних возлюбил — души не чает,
И если чтой-то им карман отягощает —
Он подойдет к им как интеллигент,
	Улыбку
	Выжмет —
	И облегчает ближних
	За момент.

А если ближние начнут сопротивляться,
Излишне нервничать и сильно волноваться, —
Тогда бандит поступит как бандит:
	Он стрельнет
	Трижды —
	И вмиг приводит ближних
	В трупный вид.

А им за это — ни чинов, ни послаблений, —
Доходит даже до взаимных оскорблений, —
Едва бандит выходит за порог,

Как сразу:
“Стойте!
Невинного не стройте!
Под замок!”

На теле общества есть много паразитов,
Но почемуй-то все стесняются бандитов, —
И с возмущеньем хочется сказать:
“Поверьте, —
Боже,
Бандитов надо тоже
Понимать!”

1967

ПЕСНЯ БРОДСКОГО

Как все, мы веселы бываем и угрюмы,
Но если надо выбирать и выбор труден —
Мы выбираем деревянные костюмы, —
Люди! Люди!

Нам будут долго предлагать не прогадать:
“Ах, — скажут, — что вы! Вы еще не жили!
Вам надо только-только начинать!..” —
Ну а потом предложат: или — или.

Или пляжи, вернисажи, или даже
Пароходы, в них наполненные трюмы,
Экипажи, скачки, рауты, вояжи —
Или просто деревянные костюмы.

И будут веселы они или угрюмы,
И будут в роли злых шутов и добрых судей, —
Но нам предложат деревянные костюмы, —
Люди! Люди!

Нам даже могут предложить и закурить:
“Ах, — вспомнят, — вы ведь долго не курили!
Да вы еще не начинали жить!..”
Ну а потом предложат: или — или.

Дым папиросы навевает что-то, —
Одна затяжка — веселее думы.
Курить охота! Как курить охота!
Но надо выбрать деревянные костюмы.

И будут вежливы и ласковы настолько —
Предложат жизнь счастливую на блюде, —
Но мы откажемся — и бьют они жестоко, —
Люди! Люди!

1967

ИВАН МАКАРОВИЧ

«БЕЛАРУСЬФИЛЬМ», 1968

...Потом я стал писать песни для других персонажей, даже не участвуя в фильмах. Но иногда это не получается и... делаешь стилизацию... В общем, я их даже в концертах никогда не исполняю.

ПИСЬМО

Полчаса до атаки,
Скоро снова — под танки,
Снова слушать разрывов концерт, —
А бойцу молодому
Передали из дому
Небольшой голубой треугольный конверт.

И как будто не здесь ты,
Если — почерк невесты
Или пишут отец твой и мать, —
Но случилось другое —
Видно, зря перед боем
Поспешили солдату письмо передать.

Там стояло сначала:
"Извини, что молчала,
Ждать не буду". — И все, весь листок.
Только снизу — приписка:
"Уезжаю неблизко, —
Ты ж спокойно воюй, и прости, если что".

Вместе с первым разрывом
Парень крикнул тоскливо:
"Почтальон, что ты мне притащил! —
За минуту до смерти
В треугольном конверте
Пулевое ранение я получил".

Он шагнул из траншеи
С автоматом на шее,
Он осколков беречься не стал, —
И в бою над Сурою
Он обнялся с землею,
Только — ветер обрывки письма разметал.

1967

КАРАНТИН

СТУДИЯ ИМ. ДОВЖЕНКО, 1968

С самого начала своей работы в кино я поставил условие, что мои песни будут иметь такую же ценность в фильме — не денежную, а творческую,— как и изображение и все остальное...

* * *

Красивых любят чаще и прилежней,
Веселых любят меньше, но быстрей, —
И молчаливых любят, только реже,
Зато уж если любят, то сильней.

Не кричи нежных слов, не кричи,
До поры подержи их в неволе, —
Пусть кричат пароходы в ночи,
Ну а ты промолчи, помолчи, —
Поспешишь — и ищи ветра в поле.

Она читает грустные романы, —
Ну пусть сравнит, и ты доверься ей, —
Ведь появились черные тюльпаны —
Чтобы казались белые белей.

Не кричи нежных слов, не кричи,
До поры подержи их в неволе, —
Пусть поэты кричат и грачи,
Ну а ты помолчи, промолчи, —
Поспешишь — и ищи ветра в поле.

Слова бегут, им тесно — ну и что же! —
Ты никогда не бойся опоздать.
Их много — слов, но все же если можешь —
Скажи, когда не можешь не сказать.

Но не кричи этих слов, не кричи,
До поры подержи их в неволе, —
Пусть кричат пароходы в ночи...
Замолчи, промолчи, помолчи, —
Поспешишь — и ищи ветра в поле.

1968

* * *

Вот и разошлись пути-дороги вдруг:
Один — на север, другой — на запад, —
Грустно мне, когда уходит друг
Внезапно, внезапно.

Ушел, — невелика потеря
Для многих людей.
Не знаю, как другие, а я верю,
Верю в друзей.

Наступило время неудач,
Следы и души заносит вьюга,
Все из рук вон плохо — плачь не плачь, —
Нет друга, нет друга.

Ушел, — невелика потеря
Для многих людей.
Не знаю, как другие, а я верю,
Верю в друзей.

А когда вернется друг назад
И скажет: "Ссора была ошибкой",
Бросим на минувшее мы взгляд
С улыбкой, с улыбкой.

Ушло, — невелика потеря
Для многих людей...
Не знаю, как другие, а я верю,
Верю в друзей.

1968

* * *

Давно смолкли залпы орудий,
Над нами лишь солнечный свет, —
На чем проверяются люди,
Если войны уже нет?

Приходится слышать нередко
Сейчас, как тогда:
"Ты бы пошел с ним в разведку?
Нет или да?"

Не ухнет уже бронебойный,
Не быть похоронной под дверь,
И кажется — все так спокойно,
Негде раскрыться теперь...

Но все-таки слышим нередко
Сейчас, как тогда:
"Ты бы пошел с ним в разведку?
Нет или да?"

Покой только снится, я знаю, —
Готовься, держись и дерись! —
Есть мирная передовая —
Беда, и опасность, и риск.

Поэтому слышим нередко
Сейчас, как тогда:
"Ты бы пошел с ним в разведку?
Нет или да?"

В полях обезврежены мины,
Но мы не на поле цветов, —
Вы поиски, звезды, глубины
Не сбрасывайте со счетов.

Поэтому слышим нередко,
Если приходит беда:
"Ты бы пошел с ним в разведку?
Нет или да?"

1968

ХОЗЯИН ТАЙГИ

«МОСФИЛЬМ», 1968

...В фильме “Хозяин тайги” есть сцена, где милиционер — Золотухин — выведывает у меня, где я был прошлой ночью... Я ему отвечаю и между словами пою песню “На реке ль, на озере...” А в этой сцене она имеет скрытый смысл: я даю ему понять, что меня голыми руками не возьмешь...

ДОМ ХРУСТАЛЬНЫЙ

Если я богат, как царь морской,
Крикни только мне: "Лови блесну!" —
Мир подводный и надводный свой,
Не задумываясь, выплесну!

Дом хрустальный на горе — для нее,
Сам, как пес бы, так и рос — в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

Если беден я, как пес — один,
И в дому моем — шаром кати, —
Ведь поможешь ты мне, господи,
Не позволишь жизнь скомкати!

Дом хрустальный на горе — для нее,
Сам, как пес бы, так и рос — в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

Не сравнил бы я любую с тобой —
Хоть казни меня, расстреливай.
Посмотри, как я любуюсь тобой, —
Как мадонной Рафаэлевой!

Дом хрустальный на горе — для нее,
Сам, как пес бы, так и рос — в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

1967

ПЕСНЯ РЯБОГО

На реке ль, на озере —
Работал на бульдозере,
Весь в комбинезоне и в пыли, —
Вкалывал я до зари,
Считал, что черви — козыри,
Из грунта выколачивал рубли.

Не судьба меня манила,
И не золотая жила, —
А широкая моя кость
И природная моя злость.

Мне ты не подставь щеки:
Не ангелы мы — сплавщики, —
Недоступны заповеди нам...
Будь ты хоть сам бог Аллах,
Зато я знаю толк в стволах
И весело хожу по штабелям.

Не судьба меня манила,
И не золотая жила, —
А широкая моя кость
И природная моя злость.

1968

МОЙ ПАПА – КАПИТАН

СТУДИЯ ИМ. ГОРЬКОГО, 1969

Я иногда много работаю для кино,
а получается — ничего, пшик!.. Примерно
из пяти работ, которые я делаю, видят свет
и доходят до зрителей и слушателей — две.

* * *

Сколько чудес за туманами кроется —
Ни подойти, ни увидеть, ни взять, —
Дважды пытались, но бог любит троицу —
Глупо опять поворачивать вспять.

Выучи намертво, не забывай
И повторяй как заклинанье:
"Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!"

Было когда-то, — тревожили беды нас, —
Многих туман укрывал от врагов.
Нынче, туман, не нужна твоя преданность —
Хватит тайгу запирать на засов!

Выучи намертво, не забывай
И повторяй как заклинанье:
"Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!"

Тайной покрыто, молчанием сколото —
Заколдовала природа-шаман.
Черное золото, белое золото
Сторож седой охраняет — туман.

Только ты выучи, не забывай
И повторяй как заклинанье:
"Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!"

Что же выходит — и пробовать нечего,
Перед туманом ничто человек?
Но от тепла, от тепла человечьего
Даже туман поднимается вверх!

Выучи, вызубри, не забывай
И повторяй как заклинанье:
"Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!"

1968

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР

Четыре года рыскал в море наш корсар, —
В боях и штормах не поблекло наше знамя,
Мы научились штопать паруса
И затыкать пробоины телами.

За нами гонится эскадра по пятам, —
На море штиль — и не избегнуть встречи!
Но нам сказал спокойно капитан:
"Еще не вечер, еще не вечер!"

Вот развернулся боком флагманский фрегат —
И левый борт окрасился дымами, —
Ответный залп — на глаз и наугад —
Вдали пожар и смерть! Удача с нами!

Из худших выбирались передряг,
Но с ветром худо, и в трюме течи, —
А капитан нам шлет привычный знак:
Еще не вечер, еще не вечер!

На нас глядят в бинокли, в трубы сотни глаз —
И видят нас от дыма злых и серых, —
Но никогда им не увидеть нас
Прикованными к веслам на галерах!

Неравный бой — корабль кренится наш, —
Спасите наши души человечьи!
Но крикнул капитан: "На абордаж!
Еще не вечер, еще не вечер!"

Кто хочет жить, кто весел, кто не тля, —
Готовьте ваши руки к рукопашной!
А крысы — пусть уходят с корабля, —
Они мешают схватке бесшабашной.

И крысы думали: а чем не шутит черт, —
И тупо прыгали, спасаясь от картечи.
А мы с фрегатом становились к борту борт, —
Еще не вечер, еще не вечер!

Лицо в лицо, ножи в ножи, глаза в глаза, —
Чтоб не достаться спрутам или крабам —

Кто с кольтом, кто с кинжалом, кто в слезах, —
Мы покидали тонущий корабль.

Но нет, им не послать его на дно —
Поможет океан, взвалив на плечи, —
Ведь океан-то с нами заодно,
И прав был капитан: еще не вечер!

1968

ПЕСЕНКА НИ ПРО ЧТО, ИЛИ ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В АФРИКЕ

Одна семейная хроника

В желтой жаркой Африке,
В центральной ее части,
Как-то вдруг вне графика
Случилося несчастье, —
Слон сказал, не разобрав:
"Видно, быть потопу!.."
В общем, так: один Жираф
Влюбился — в Антилопу!

Поднялся́ галдеж и лай, —
Только старый Попугай
Громко крикнул из ветвей:
"Жираф большой — ему видней!"

"Что же, что рога у ней, —
Кричал Жираф любовно, —
Нынче в нашей фауне
Равны все пороговно!
Если вся моя родня
Будет ей не рада —
Не пеняйте на меня, —
Я уйду из стада!"

Поднялся́ галдеж и лай, —
Только старый Попугай
Громко крикнул из ветвей:
"Жираф большой — ему видней!"

Папе Антилопьему
Зачем такого сына:
Все равно — что в лоб ему,
Что по лбу — все едино!
И Жирафов зять брюзжит:
"Видали остолопа?!"
И ушли к Бизонам жить
С Жирафом Антилопа.

Поднялся галдеж и лай, —
Только старый Попугай
Громко крикнул из ветвей:
"Жираф большой — ему видней!"

В желтой жаркой Африке
Не видать идиллий —
Льют Жираф с Жирафихой
Слезы крокодильи, —
Только горю не помочь —
Нет теперь закона:
У Жирафов вышла дочь
Замуж — за Бизона!

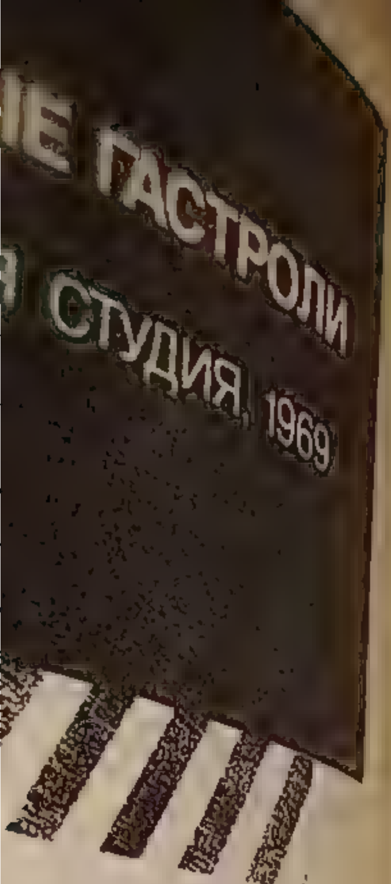
...Пусть Жираф был не прав, —
Но виновен не Жираф,
А тот, кто крикнул из ветвей:
"Жираф большой — ему видней!"

1968

ОПАСНЫЕ ГАСТРОЛИ

ОДЕССКАЯ СТУДИЯ, 1969

Фильм вызвал много критики и похвал.
Я все равно тепло отношусь к этой картине...

КУПЛЕТЫ БЕНГАЛЬСКОГО

Дамы, господа! Других не вижу здесь.
Блеск, изыск и общество — прелестно!
Сотвори господь хоть пятьдесят Одесс —
Все равно в Одессе будет тесно.

Говорят, что здесь бывала
Королева из Непала
И какой-то крупный лорд из Эдинбурга,
И отсюда много ближе
До Берлина и Парижа,
Чем из даже самого Санкт-Петербурга.

Вот приехал в город меценат и крез —
Весь в деньгах, с задатками повесы, —
Если был он с гонором, так будет — без,
Шаг ступив по улицам Одессы.

Из подробностей пикантных —
Две: мужчин столь элегантных
В целом свете вряд ли встретить бы смогли вы,
Ну а женщины Одессы —
Все скромны, все — поэтессы,
Все умны, а в крайнем случае — красивы.

Грузчики в порту, которым равных нет,
Отдыхают с баснями Крылова.
Если вы чуть-чуть художник и поэт —
Вас поймут в Одессе с полуслова.

Нет прохода здесь, клянусь вам,
От любителей искусства,
И об этом много раз писали в прессе.
Если в Англии и в Штатах
Недостаток в меценатах —
Пусть приедут, позаимствуют в Одессе.

Дамы, господа! Я восхищен и смят.
Мадам, месьё! Я счастлив, что таиться!
Леди, джентльмены! Я готов стократ
Умереть и снова здесь родиться.

Всё в Одессе — море, песни,
Порт, бульвар и много лестниц,
Крабы, устрицы, акации, мезон шанте, —
Да, наш город процветает,
Но в Одессе не хватает
Самой малости — театра-варьете!

1968

ЦЫГАНСКАЯ ПЕСНЯ

Камнем грусть висит на мне, в омут меня тянет, —
Отчего любое слово больно нынче ранит?
Просто где-то рядом встали табором цыгане
И тревожат душу вечерами.

И, как струны, поют тополя.
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!
И звенит, как гитара, земля.
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!

Утоплю тоску в реке, украду хоть ночь я, —
Там в степи костры горят и пламя меня манит.
Душу и рубаху — эх! — растерзаю в клочья, —
Только пособите мне, цыгане!

Я сегодня пропьюсь до рубля!
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!
Пусть поет мне цыганка, шаля.
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!

Все уснувшее во мне — струны вновь разбудят,
Все поросшее быльем — да расцветет цветами!
Люди добрые простят, а злые — пусть осудят, —
Я, цыгане, жить останусь с вами!

Ты меня не дождешься, петля!
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!
Лейся песня, как дождь на поля!
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!

1968

БАЛЛАДА О ЦВЕТАХ, ДЕРЕВЬЯХ И МИЛЛИОНЕРАХ

В томленье одиноком
В тени — не на виду —
Под неусыпным оком
Цвела она в саду.

Мама́ — всегда с друзьями,
Папа́ от них сбежал,
Зато Каштан ветвями
От взглядов укрывал.

Высо́ко ль или низко
Каштан над головой, —
Но Роза-гимназистка
Увидела — его.

Нарцисс — цветок воспетый,
Отец его — магнат,
И многих Роз до этой
Вдыхал он аромат.

Он вовсе был не хамом —
Изысканных манер.
Мама́ его — гран-дама,
Папа́ — миллионер.

Он в детстве был опрыскан —
Не запах, а дурман, —
И Роза-гимназистка
Вступила с ним в роман.

И вот, исчадье ада,
Нарцисс тот, ловелас,
"Иди ко мне из сада!" —
Сказал ей как-то раз.

Когда еще так пелось?!
И Роза, в чем была,
Сказала: "Ах!", зарделась —
И вещи собрала.

И всеми лепестками
Вмиг завладел нахал.
Мама́ была с друзьями,
Каштан уже опал.

Искала Роза счастья
И не видала, как
Сох от любви и страсти
Почти что зрелый Мак.

Но думала едва ли,
Как душен пошлый цвет, —
Все лепестки опали —
И Розы больше нет.

И в черном чреве Мака
Был траурный покой.
Каштан ужасно плакал,
Когда расцвел весной.

1968

РОМАНС

Было так — я любил и страдал,
Было так — я о ней лишь мечтал.
Я ее видел тайно во сне
Амазонкой на белом коне.

Что мне была вся мудрость скучных книг,
Когда к следам ее губами мог припасть я!
Что с вами было, королева грез моих?
Что с вами стало, мое призрачное счастье?

Наши души купались в весне,
Плыли головы наши в огне.
И печаль, с ней и боль — далеки,
И казалось — не будет тоски.

Ну а теперь — хоть саван ей готовь, —
Смеюсь сквозь слезы я и плачу без причины.
Вам вечным холодом и льдом сковало кровь
От страха жить и от предчувствия кончины.

Понял я — больше песен не петь,
Понял я — больше снов не смотреть.
Дни тянулись с ней нитями лжи,
С нею были одни миражи.

Я жгу остатки праздничных одежд,
Я струны рву, освобождаясь от дурмана, —
Мне не служить рабом у призрачных надежд,
Не поклоняться больше идолам обмана!

1968

ВОЙНА ПОД КРЫШАМИ, СЫНОВЬЯ УХОДЯТ В БОЙ

«БЕЛАРУСЬФИЛЬМ»,
1967–1969 (1971)

Вы не поверите, что несколько вещей из фильма "Сыновья уходят в бой" были написаны за одну ночь. Просто от впечатлений.

АИСТЫ

Небо этого дня —
ясное,
Но теперь в нем — броня
лязгает.
А по нашей земле —
гул стоит,
И деревья в смоле —
грустно им.

Дым и пепел встают
как кресты,
Гнезд по крышам не вьют
аисты.

Колос — в цвет янтаря, —
успеем ли?
Нет! Выходит, мы зря
сеяли.
Что ж там, цветом в янтарь,
светится?
Это в поле пожар
мечется.

Разбрелись все от бед
в стороны...
Певчих птиц больше нет —
вóроны!

И деревья в пыли
к осени.
Те, что песни могли, —
бросили.
И любовь не для нас, —
верно ведь,
Что нужнее сейчас
ненависть?

Дым и пепел встают
как кресты,
Гнезд по крышам не вьют
аисты.

Лес шумит, как всегда,
кронами,
А земля и вода —
стонами.
Но нельзя без чудес —
аукает
Довоенными лес
звуками.

Побрели все от бед
на восток,
Певчих птиц больше нет,
нет аистов.

Воздух звуки хранит
разные,
Но теперь в нем — гремит,
лязгает.
Даже цокот копыт —
топотом,
Если кто закричит —
шепотом.

Побрели все от бед
на восток, —
И над крышами нет
аистов...

1967

* * *

У нас вчера с позавчера
шла спокойная игра —
Козырей в колоде каждому хватало,
И сходились мы на том,
что, оставшись при своем,
Расходились, а потом — давай сначала!

Но вот явились к нам они — сказали "Здрасьте!"
Мы их не ждали, а они уже пришли...
А в колоде как-никак — четыре масти, —
Они давай хватать тузы и короли!

И пошла у нас с утра
неудачная игра, —
Не мешайте и не хлопайте дверями!
И шерстят они нас в пух —
им успех, а нам испуг, —
Но тузы — они ведь бьются козырями!

А вот явились к нам они — сказали "Здрасьте!"
Мы их не ждали, а они уже пришли...
А в колоде как-никак — четыре масти, —
И им достались все тузы и короли!

Шла неравная игра —
одолели шулера, —
Карта прет им, ну а нам — пойду покличу!
Зубы щелкают у них —
видно, каждый хочет вмиг
Кончить дело — и начать делить добычу.

А вот явились к нам они — сказали "Здрасьте!"
Мы их не ждали, а они уже пришли...
А в колоде как-никак — четыре масти, —
И им достались все тузы и короли!

Только зря они шустры —
не сейчас конец игры!
Жаль, что вечер на дворе такой безлунный!..
Мы плетемся наугад,
нам фортуна кажет зад, —
Но ничего — мы рассчитаемся с фортуной!

И вот явились к нам они — сказали "Здрасьте!"
Мы их не ждали, а они уже пришли...
Но в колоде все равно — четыре масти, —
И нам достанутся тузы и короли!

1967

ПЕСНЯ О НОВОМ ВРЕМЕНИ

Как призывный набат, прозвучали в ночи тяжело шаги, —
Значит, скоро и нам — уходить и прощаться без слов.
По нехоженым тропам протопали лошади, лошади,
Неизвестно к какому концу унося седоков.

Наше время иное, лихое, но счастье, как встарь, ищи!
И в погоню летим мы за ним, убегающим, вслед.
Только вот в этой скачке теряем мы лучших товарищей,
На скаку не заметив, что рядом — товарищей нет.

И еще будем долго огни принимать за пожары мы,
Будет долго зловещим казаться нам скрип сапогов,
О войне будут детские игры с названьями старыми,
И людей будем долго делить на своих и врагов.

А когда отгрохочет, когда отгорит и отплачется,
И когда наши кони устанут под нами скакать,
И когда наши девушки сменят шинели на платьица, —
Не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять!..

⟨1966 или 1967⟩

ПЕСНЯ О ЗЕМЛЕ

Кто сказал: "Все сгорело дотла,
Больше в землю не бросите семя!"?
Кто сказал, что Земля умерла?
Нет, она затаилась на время!

Материнства не взять у Земли,
Не отнять, как не вычерпать моря.
Кто поверил, что Землю сожгли?
Нет, она почернела от горя.

Как разрезы, траншеи легли,
И воронки — как раны зияют.
Обнаженные нервы Земли
Неземное страдание знают.

Она вынесет все, переждет, —
Не записывай Землю в калеки!
Кто сказал, что Земля не поет,
Что она замолчала навеки?!

Нет! Звенит она, стоны глуша,
Изо всех своих ран, из отдушин,
Ведь Земля — это наша душа, —
Сапогами не вытоптать душу!

Кто поверил, что Землю сожгли?!
Нет, она затаилась на время...

1969

ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ

Почему всё не так? Вроде всё как всегда:
То же небо — опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода...
Только — он не вернулся из боя.

Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
В наших спорах без сна и покоя.
Мне не стало хватать его только сейчас —
Когда он не вернулся из боя.

Он молчал невпопад и не в такт подпевал,
Он всегда говорил про другое,
Он мне спать не давал, он с восходом вставал, —
А вчера не вернулся из боя.

То, что пусто теперь, — не про то разговор:
Вдруг заметил я — нас было двое...
Для меня — будто ветром задуло костер,
Когда он не вернулся из боя.

Нынче вырвалась, словно из плена, весна.
По ошибке окликнул его я:
"Друг, оставь покурить!" — а в ответ — тишина...
Он вчера не вернулся из боя.

Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие — как часовые...
Отражается небо в лесу, как в воде, —
И деревья стоят голубые.

Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло — для обоих...
Все теперь — одному, — только кажется мне —
Это я не вернулся из боя.

1969

СЫНОВЬЯ УХОДЯТ В БОЙ

Сегодня не слышно биенье сердец —
Оно для аллей и беседок.
Я падаю, грудью хватая свинец,
Подумать успев напоследок:

"На этот раз мне не вернуться,
Я ухожу — придет другой".
Мы не успели оглянуться —
А сыновья уходят в бой!

Вот кто-то решив: после нас — хоть потоп,
Как в пропасть шагнул из окопа.
А я для того свой покинул окоп,
Чтоб не было вовсе потопа.

Сейчас глаза мои сомкнутся,
Я крепко обнимусь с землей.
Мы не успели оглянуться —
А сыновья уходят в бой!

Кто сменит меня, кто в атаку пойдет?
Кто выйдет к заветному мо́сту?
И мне захотелось — пусть будет вон тот,
Одетый во все не по росту.

Я успеваю улыбнуться,
Я видел, кто придет за мной.
Мы не успели оглянуться —
А сыновья уходят в бой!

Разрывы глушили биенье сердец,
Мое же — мне громко стучало,
Что все же конец мой — еще не конец:
Конец — это чье-то начало.

Сейчас глаза мои сомкнутся,
Я крепко обнимусь с землей.
Мы не успели оглянуться —
А сыновья уходят в бой!

1969

ТЕМНОТА

Темнота впереди — подожди!
Там — стеною закаты багровые,
Встречный ветер, косые дожди
И дороги неровные.

Там — чужие слова, там — дурная молва,
Там ненужные встречи случаются,
Там сгорела, пожухла трава
И следы не читаются, —
В темноте.

Там проверка на прочность — бои,
И закаты, и ветры с прибоями, —
Сердце путает ритмы свои
И стучит с перебоями.

Там — чужие слова, там — дурная молва,
Там ненужные встречи случаются,
Там сгорела, пожухла трава
И следы не читаются, —
В темноте.

Там и звуки и краски — не те,
Только мне выбирать не приходится —
Видно, нужен я там, в темноте, —
Ничего — распогодится!

Там — чужие слова, там — дурная молва,
Там ненужные встречи случаются,
Там сгорела, пожухла трава
И следы не читаются, —
В темноте.

1969

БЕЛЫЙ ВЗРЫВ

ОДЕССКАЯ СТУДИЯ, 1969

Я продолжаю работать со Славой Говорухиным — это один из самых близких моих друзей. Но я должен сказать, что с ним нас связывает, кроме многолетней дружбы, еще и многолетнее творческое содружество...

* * *

Ну вот, исчезла дрожь в руках,
Теперь — наверх!
Ну вот, сорвался в пропасть страх
Навек, навек, —
Для остановки нет причин —
Иду, скользя...
И в мире нет таких вершин,
Что взять нельзя!

Среди нехоженых путей
Один — пусть мой,
Среди невзятых рубежей
Один — за мной!
А имена тех, кто здесь лег,
Снега таят...
Среди непройденных дорог
Одна — моя!

Здесь голубым сияньем льдов
Весь склон облит,
И тайну чьих-нибудь следов
Гранит хранит...
И я гляжу в свою мечту
Поверх голов
И свято верю в чистоту
Снегов и слов!

И пусть пройдет немалый срок —
Мне не забыть,
Что здесь сомнения я смог
В себе убить.
В тот день шептала мне вода:
Удач — всегда!..
А день... какой был день тогда?
Ах да — среда!..

1969

К ВЕРШИНЕ

Памяти Михаила Хергиани

Ты идешь по кромке ледника,
Взгляд не отрывая от вершины.
Горы спят, вдыхая облака,
Выдыхая снежные лавины.

Но они с тебя не сводят глаз —
Будто бы тебе покой обещан,
Предостерегая всякий раз
Камнепадом и оскалом трещин.

Горы знают — к ним пришла беда, —
Дымом затянуло перевалы.
Ты не отличал еще тогда
От разрывов горные обвалы.

Если ты о помощи просил —
Громким эхо отзывались скалы,
Ветер по ущельям разносил
Эхо гор, как радиосигналы.

И когда шел бой за перевал, —
Чтобы не был ты врагом замечен,
Каждый камень грудью прикрывал,
Скалы сами подставляли плечи.

Ложь, что умный в горы не пойдет!
Ты пошел — ты не поверил слухам, —
И мягчал гранит, и таял лед,
И туман у ног стелился пухом...

Если в вечный снег навеки ты
Ляжешь — над тобою, как над близким,
Наклонятся горные хребты
Самым прочным в мире обелиском.

1969

ВНИМАНИЕ, ЦУНАМИ!

ОДЕССКАЯ СТУДИЯ, 1969

Песня должна быть необходима в фильме, она не только не должна мешать действию, а должна ему помогать.

* * *

Долго же шел ты в конверте, листок, —
Вышли последние сроки!
Но потому он и Дальний Восток,
Что — далеко на востоке...

Ждешь с нетерпеньем ответ ты —
Весточку в несколько слов...
Мы здесь встречаем рассветы
Раньше на восемь часов.

Здесь до утра пароходы ревут
Средь океанской шумихи —
Не потому его Тихим зовут,
Что он действительно тихий.

Ждешь с нетерпеньем ответ ты —
Весточку в несколько слов...
Мы здесь встречаем рассветы
Раньше на восемь часов.

Ты не пугайся рассказов о том,
Будто здесь самый край света, —
Сзади еще Сахалин, а потом —
Круглая наша планета.

Ждешь с нетерпеньем ответ ты —
Весточку в несколько слов...
Мы здесь встречаем рассветы
Раньше на восемь часов.

Что говорить — здесь, конечно, не рай,
Но невмоготу переписка, —
Знаешь что, милая, ты приезжай:
Дальний Восток — это близко!

Скоро получишь ответ ты —
Весточку в несколько слов!
Вместе бы встретить рассветы
Раньше на восемь часов!

1969

ЦУНАМИ

Пословица звучит витиевато:
Не восхищайся прошлогодним небом, —
Не возвращайся — где был рай когда-то,
И брось дурить — иди туда, где не был!

Там что творит одна природа с нами!
Туда добраться трудно и молве.
Там каждый встречный — что ему цунами! —
Со штормами в душе и в голове!

Покой здесь, правда, ни за что не купишь —
Но ты вернешься, говорят ребята,
Наперекор пословице поступишь —
Придешь туда, где встретил их когда-то!

Здесь что творит одна природа с нами!
Сюда добраться трудно и молве.
Здесь иногда рождаются цунами
И рушат все в душе и в голове!

На море штиль, но в мире нет покоя —
Локатор ищет цель за облаками.
Тревога — если что-нибудь такое —
Или сигнал: внимание — цунами!

Я нынче поднимаю тост с друзьями!
Цунами — равнодушная волна.
Бывают беды пострашней цунами
И — радости сильнее, чем она!

1969

ОДИН ИЗ НАС

«МОСФИЛЬМ», 1970

Часто спрашивают, какие у меня планы и надежды в кинематографе. Наша актерская профессия, к сожалению, такова, что не мы выбираем, а нас выбирают... Поэтому нельзя говорить о моих планах: надо спросить, какие *у них* планы в отношении меня...

* * *

Бросьте скуку, как корку арбузную,
Небо ясное, легкие сны.
Парень лошадь имел и судьбу свою —
Интересную — до войны.

Да, на войне как на войне,
А до войны как до войны, —
Везде, по всей вселенной.
Он лихо ездил на коне
В конце весны, в конце весны —
Последней, довоенной.

Но туманы уже по росе плелись,
Град прошел по полям и мечтам, —
Для того чтобы тучи рассеялись,
Парень нужен был именно там.

Там — на войне как на войне,
А до войны как до войны, —
Везде, по всей вселенной.
Он лихо ездил на коне
В конце весны, в конце весны —
Последней, довоенной.

1969

РОМАНС

Она была чиста как снег зимой.
В грязь — соболя́, — иди по ним по праву...
Но вот мне руки жжет ея письмо —
Я узнаю мучительную правду...

Не ведал я: смиренье — только маска,
И маскарад закончится сейчас, —
Да, в этот раз я потерпел фиаско —
Надеюсь, это был последний раз.

Подумал я: дни сочтены мои,
Дурная кровь в мои проникла вены, —
Я сжал письмо как голову змеи —
Сквозь пальцы просочился яд измены.

Не ведать мне страданий и агоний,
Мне встречный ветер слезы оботрет,
Моих коней обида не нагонит,
Моих следов метель не заметет.

Итак, я оставляю позади;
Под этим серым неприглядным небом,
Дурман фиалок, наготу гвоздик
И слезы вперемешку с талым снегом.

Москва слезам не верит и слезинкам —
И не намерен больше я рыдать, —
Спешу навстречу новым поединкам —
И, как всегда, намерен побеждать!

1970

ТАНГО

Как счастье зыбко!..
Опять ошибка:
Его улыбка,
Потом — бокал на стол, —
В нем откровенно
Погасла пена;
А он надменно
Простился и ушел.

Хрустальным звоном
Бокалы стонут.
Судьба с поклоном
Проходит стороной.
Грустно
вино мерцало,
Пусто
на сердце стало,
Скрипки смеялись надо мной...

Впервые это со мной:
В игре азартной судьбой,
Казалось, счастье выпало и мне —
На миг
пригрезился он,
Проник
волшебником в сон, —
И вспыхнул яркий свет в моем окне.

Но счастье зыбко —
Опять ошибка!
Его улыбка,
Потом — бокал на стол, —
В бокале, тленна,
Погасла пена;
А он надменно
Простился — и ушел.

Хрустальным звоном
Бокалы стонут.
Бесцеремонно он
Прервал мой сон.
Вино мерцало...
А я рыдала.
Скрипки рыдали в унисон.

1970

АНТРАЦИТ

«МОСФИЛЬМ», 1971

...Эту песню я написал для картины, которая называется "Антрацит". Она почему-то там не оказалась.

МАРШ ШАХТЕРОВ

Не космос — метры грунта надо мной,
И в шахте не до праздничных процессий, —
Но мы владеем тоже внеземной —
И самою земною из профессий!

Любой из нас — ну чем не чародей?! —
Из преисподней наверх уголь мечем.
Мы топливо отнимем у чертей —
Свои котлы топить им будет нечем!

Взорвано, уложено, сколото
Черное надежное золото.

Да, сами мы — как дьяволы — в пыли,
Зато наш поезд не уйдет порожний.
Терзаем чрево матушки-Земли —
Но на земле теплее и надежней.

Вот вагонетки, душу веселя,
Проносятся как в фильме о погонях, —
И шуточку "Даешь стране угля!"
Мы чувствуем на собственных ладонях.

Взорвано, уложено, сколото
Черное надежное золото.

Воронками изрытые поля
Не позабудь — и оглянись во гневе, —
Но нас, благословенная Земля,
Прости за то, что роемся во чреве!

Не бойся заблудиться в темноте
И захлебнуться пылью — не один ты!
Вперед и вниз! Мы будем на щите —
Мы сами рыли эти лабиринты!

Взорвано, уложено, сколото
Черное надежное золото.

Зима 1970/71

5 Зак. 157

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

«ЛЕНФИЛЬМ», 1973

Я много борюсь с режиссерами и сценаристами: они все время хотят запихнуть песню куда-нибудь, где есть провал в действии...

* * *

Оплавляются свечи
    На старинный паркет,
И стекает на плечи
    Серебро с эполет.
Как в агонии бродит
    Золотое вино...
Все былое уходит, —
    Что придет — все равно.

И, в предсмертном томленье
    Озираясь назад,
Убегают олени,
    Нарываясь на залп.
Кто-то дуло наводит
    На невинную грудь...
Все былое уходит, —
    Пусть придет что-нибудь.

Кто-то злой и умелый,
    Веселясь, наугад
Мечет острые стрелы
    В воспаленный закат.
Слышно в буре мелодий
    Повторение нот...
Пусть былое уходит, —
    Пусть придет что придет.

1972

ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ

«МОСФИЛЬМ», 1973

Иногда песни совершенно не нужны в кино — звучат где-то на фоне или на титрах, и никто не замечает, чего они там поют. Просто звучит что-то. Я противник этого...

* * *

Неужели мы заперты в замкнутый круг?
Неужели спасет только чудо?
У меня в этот день все валилось из рук
И не к счастию билась посуда.

Ну пожалуйста, не уезжай
Насовсем, — постарайся вернуться!
Осторожно: не резко бокалы сближай, —
Разобьются!

Рассвело! Стало ясно: уйдешь по росе, —
Вижу я, что не можешь иначе,
Что всегда лишь в конце длинных рельс и шоссе
Гнезда вьют эти птицы удачи.

Но, пожалуйста, не уезжай
Насовсем, — постарайся вернуться!
Осторожно: не резко бокалы сближай, —
Разобьются!

Не сожгу кораблей, не гореть и мостам, —
Мне бы только набраться терпенья!
Но... хотелось бы мне, чтобы здесь, а не там
Обитало твое вдохновенье.

Ты, пожалуйста, не уезжай
Насовсем, — постарайся вернуться!
Осторожно: не резко бокалы сближай, —
Разобьются!

⟨1972⟩

ЗЕМЛЯ САННИКОВА

«МОСФИЛЬМ», 1973

Видишь ли, Славик, я не так сожалею об этой картине, хотя роль интересная и несколько ночей писал я песни ⟨...⟩ Нужно просто поломать откуда-то возникшее мнение, что меня нельзя снимать, что я — одиозная личность, что будут бегать смотреть на Высоцкого, а не на фильм, и всем будет наплевать на ту высокую нравственную идею фильма, которую я обязательно искажу, а то и уничтожу своей неимоверной скандальной популярностью...

Из письма С.Говорухину

БЕЛОЕ БЕЗМОЛВИЕ

Все года, и века, и эпохи подряд —
Всё стремится к теплу от морозов и вьюг, —
Почему ж эти птицы на север летят,
Если птицам положено — только на юг?

Слава им не нужна — и величие,
Вот под крыльями кончится лед —
И найдут они счастие птичее
Как награду за дерзкий полет!

Что же нам не жилось, что же нам не спалось?
Что нас выгнало в путь по высокой волне?
Нам сиянье пока наблюдать не пришлось, —
Это редко бывает — сиянья в цене!

Тишина... Только чайки — как молнии, —
Пустотой мы их кормим из рук.
Но наградою нам за безмолвие
Обязательно будет звук!

Как давно снятся нам только белые сны —
Все иные оттенки снега занесли, —
Мы ослепли — темно от такой белизны, —
Но прозреем от черной полоски земли.

Наше горло отпустит молчание,
Наша слабость растает как тень, —
И наградой за ночи отчаянья
Будет вечный полярный день!

Север, воля, надежда — страна без границ,
Снег без грязи — как долгая жизнь без вранья.
Воронье нам не выклюет глаз из глазниц —
Потому что не водится здесь воронья.

Кто не верил в дурные пророчества,
В снег не лег ни на миг отдохнуть —
Тем наградою за одиночество
Должен встретиться кто-нибудь!

1972

БАЛЛАДА О БРОШЕННОМ КОРАБЛЕ

Капитана в тот день называли на ты,
Шкипер с юнгой сравнялись в талантах;
Распрямляя хребты и срывая бинты,
Бесновались матросы на вантах.

Двери наших мозгов
Посрывало с петель
В миражи берегов,
В покрывала земель,

Этих обетованных, желанных —
И колумбовых, и магелланных.

Только мне берегов
Не видать и земель —
С хода в девять узлов
Сел по горло на мель!
А у всех молодцов —
Благородная цель...
И в конце-то концов —
Я ведь сам сел на мель.

И ушли корабли — мои братья, мой флот, —
Кто чувствительней — брызги сглотнули.
Без меня продолжался великий поход,
На меня ж парусами махнули.

И погоду и случай
Безбожно кляня,
Мои пасынки кучей
Бросали меня.

Вот со шлюпок два залпа — и ладно! —
От Колумба и от Магеллана.

Я пью пену — волна
Не доходит до рта,
И от палуб до дна
Обнажились борта,
А бока мои грязны —
Таи не таи, —
Так любуйтесь на язвы
И раны мои!

Вот дыра у ребра — это след от ядра,
Вот рубцы от тарана, и даже
Видно шрамы от крючьев — какой-то пират
Мне хребет перебил в абордаже.

Киль — как старый неровный
Гитаровый гриф:
Это брюхо вспорол мне
Коралловый риф.

Задыхаюсь, гнию — так бывает:
И просоленное загнивает.

Ветры кровь мою пьют
И сквозь щели снуют
Прямо с бака на ют, —
Меня ветры добьют:
Я под ними стою
От утра до утра, —
Гвозди в душу мою
Забивают ветра.

И гулякой шальным всё швыряют вверх дном
Эти ветры — незваные гости, —
Захлебнуться бы им в моих трюмах вином
Или — с мели сорвать меня в злости!

Я уверовал в это,
Как загнанный зверь,
Но не злобные ветры
Нужны мне теперь.

Мои мачты — как дряблые руки,
Паруса — словно груди старухи.

Будет чудо восьмое —
И добрый прибой
Мое тело омоет
Живою водой,
Моря божья роса
С меня снимет табу —
Вздует мне паруса,
Будто жилы на лбу.

Догоню я своих, догоню и прощу
Позабывшую помнить армаду.
И команду свою я обратно пущу:
Я ведь зла не держу на команду.

Только, кажется, нет
Больше места в строю.
Плохо шутишь, корвет,
Потеснись, — раскрою!

Как же так — я ваш брат,
Я ушел от беды...
Полевее, фрегат, —
Всем нам хватит воды!

До чего ж вы дошли:
Значит, что — мне уйти?!
Если был на мели —
Дальше нету пути?!
Разомкните ряды,
Всё же мы — корабли, —
Всем нам хватит воды,
Всем нам хватит земли,

Этой обетованной, желанной —
И колумбовой, и магелланной!

1971

КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю...
Что-то воздуху мне мало — ветер пью, туман глотаю, —
Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плеть!
Но что-то кони мне попались привередливые —
И дожить не успел, мне допеть не успеть.

Я коней напою,
я куплет допою —
Хоть мгновенье еще постою
на краю...

Сгину я — меня пушинкой ураган сметет с ладони,
И в санях меня галопом повлекут по снегу утром, —
Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони,
Хоть немного, но продлите путь к последнему приюту!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Не указчики вам кнут и плеть.
Но что-то кони мне попались привередливые —
И дожить не успел, мне допеть не успеть.

Я коней напою,
я куплет допою —
Хоть мгновенье еще постою
на краю...

Мы успели: в гости к Богу не бывает опозданий, —
Что ж там ангелы поют такими злыми голосами?!
Или это колокольчик весь зашелся от рыданий,
Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани?!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Умоляю вас вскачь не лететь!
Но что-то кони мне попались привередливые —
И дожить не успел, мне допеть не успеть.

Я коней напою,
я куплет допою —
Хоть мгновенье еще постою
на краю...

1972

РЕЙС ПЕРВЫЙ – РЕЙС ПОСЛЕДНИЙ

ОДЕССКАЯ СТУДИЯ, 1974

Теперь я стараюсь писать песни в картину так, чтобы потом сам смог спеть ее в любом выступлении, чтобы у нее был свой сюжет или какая-то своя идея, даже отстраненная от фильма.

ДОРОЖНАЯ ИСТОРИЯ

Я вышел ростом и лицом —
Спасибо матери с отцом,
С людьми в ладу — не понукал, не помыкал,
Спины не гнул — прямым ходил,
И в ус не дул, и жил как жил,
И голове своей руками помогал...

Но был донос и был навет —
Кругом пятьсот и наших нет, —
Был кабинет с табличкой "Время уважай", —
Там прямо бéз соли едят,
Там штемпель ставят наугад,
Кладут в конверт — и посылают за Можай.

Потом — зачет, потом — домой
С семью годами за спиной, —
Висят года на мне — ни бросить, ни продать.
Но на начальника попал,
Который бойко вербовал —
И за Урал машины стал перегонять.

Дорога, а в дороге — МАЗ,
Который по уши увяз,
В кабине — тьма, напарник третий час молчит, —
Хоть бы кричал, аж зло берет —
Назад пятьсот, пятьсот вперед,
А он — зубами "Танец с саблями" стучит!

Мы оба знали про маршрут,
Что этот МАЗ на стройках ждут, —
А наше дело — сел, поехал — ночь, полнóчь!
Ну надо ж так — под Новый год —
Назад пятьсот, пятьсот вперед, —
Сигналим зря — пурга, и некому помочь!

"Глуши мотор, — он говорит, —
Пусть этот МАЗ огнем горит!"
Мол, видишь сам — тут больше нечего ловить.
Мол, видишь сам — кругом пятьсот,
И к ночи точно — занесет, —
Так заровняет, что не надо хоронить!..

Я отвечаю: "Не канючь!"
А он — за гаечный за ключ
И волком смотрит (он вообще бывает крут), —
А что ему — кругом пятьсот,
И кто кого переживет,
Тот и докажет, кто был прав, когда припрут!

Он был мне больше чем родня —
Он ел с ладони у меня, —
А тут глядит в глаза — и холодно спине.
А что ему — кругом пятьсот,
И кто там после разберет,
Что он забыл, кто я ему и кто он мне!

И он ушел куда-то вбок.
Я отпустил, а сам — прилег, —
Мне снился сон про наш "веселый" наворот:
Что будто вновь кругом пятьсот,
Ищу я выход из ворот, —
Но нет его, есть только вход, и то — не тот.

...Конец простой: пришел тягач,
И там был трос, и там был врач,
И МАЗ попал куда положено ему, —
И он пришел — трясется весь...
А там — опять далекий рейс, —
Я зла не помню — я опять его возьму!

1972

МОРСКИЕ ВОРОТА

РИЖСКАЯ СТУДИЯ
(по заказу ТВ), 1974

Никогда не знаю, когда пишу песни
или снимаюсь,— будет это в картине или нет.

* * *

В день, когда мы поддержкой земли заручась,
По высокой воде, по соленой, своей,
Выйдем точно в назначенный час,—
Море станет укачивать нас,
Словно мать непутевых детей.

Волны будут работать — и в поте лица
Корабельные наши борта иссекут,
Терпеливо машины начнут месяца
Составлять из ритмичных секунд.

А кругом — только водная гладь,— благодать!
И на долгие мили кругом — ни души!..
Оттого морякам тяжело привыкать
Засыпать после качки в домашней тиши.

Наши будни — без праздников, без выходных,—
В море нам и без отдыха хватит помех.
Мы подруг забываем своих:
Им — до нас, нам подчас не до них,—
Да простят они нам этот грех!

Нет, неправда! Вздыхаем о них у кормы
И во сне имена повторяем тайком.
Здесь совсем не за юбкой гоняемся мы,
Не за счастьем, а за косяком.

А кругом — только водная гладь,— благодать!
Ни заборов, ни стен — хоть паши, хоть пляши!
Оттого морякам тяжело привыкать
Засыпать после качки в уютной тиши.

Говорят, что плывем мы за длинным рублем,—
Кстати, длинных рублей просто так не добыть,—
Но мы в море за морем плывем,
И еще — за единственным днем,
О котором потом не забыть.

А когда из другой, непохожей весны
Мы к родному причалу придем прямиком,—
Растворятся морские ворота страны
Перед каждым своим моряком.

В море — водная гладь, да еще — благодать,
И вестей — никаких, сколько нам ни пиши...
Оттого морякам тяжело привыкать
Засыпать после качки в уютной тиши.

И опять уплываем, с землей обручась —
С этой самою верной невестой своей, —
Чтоб вернуться в назначенный час,
Как бы там ни баюкало нас
Море — мать непутевых детей.

Вот маяк нам забыл подморгнуть с высоты,
Только пялит глаза — ошалел, обалдел:
Он увидел, что судно встает на винты,
Обороты врубив на предел.

А на пирсе стоять — все равно благодать,—
А качаться на суше, и петь от души,
Нам, вернувшимся, не привыкать привыкать
После громких штормов к долгожданной тиши!

1973

* * *

Всему на свете выходят сроки,
А соль морская — въедлива как черт,—
Два мрачных судна стояли в доке,
Стояли рядом — просто к борту борт.

Та, что поменьше, вбок кривила трубы
И пожимала баком и кормой:
“Какого типа этот тип? Какой он грубый!
Корявый, ржавый, — просто никакой!”

В упор не видели друг друга
оба судна
И ненавидели друг друга
обоюдно.

Он в аварийном был состоянье,
Но и она — не новая отнюдь, —
Так что увидишь на расстоянье —
С испуга можно взять и затонуть.

Тот, что побольше, мерз от отвращенья,
Хоть был железный малый, с крепким дном, —
Все двадцать тысяч водоизмещенья
От возмущенья содрогались в нем!

И так обидели друг друга
оба судна,
Что ненавидели друг друга
обоюдно.

Прошли недели, — их подлатали,
По ржавым швам шпаклевщики прошли,
И ватерлинией вдоль талии
Перевязали корабли.

И медь надраили, и краску наложили,
Пар развели, в салонах свет зажгли, —
И палубы и плечи распрямили
К концу ремонта эти корабли.

И в гладкий борт узрели
оба судна,
Что так похорошели —
обоюдно.

Тот, что побольше, той, что поменьше,
Сказал, вздохнув: "Мы оба не правы!
Я никогда не видел женщин
И кораблей — прекраснее, чем вы!"

Та, что поменьше, в том же состоянье
Шепнула, что и он неотразим:
"Большое видится на расстоянье, —
Но лучше, если все-таки — вблизи".

Кругом конструкции толпились,
было людно,
И оба судна объяснились —
обоюдно!

Хотя какой-то портовый дока
Их приписал не в тот же самый порт, —

Два корабля так и ушли из дока,
Как и стояли, — вместе, к борту борт.

До горизонта шли в молчанье рядом,
Не подчиняясь ни теченьям, ни рулям.
Махала ласково ремонтная бригада
Двум не желающим расстаться кораблям.

Что с ними? Может быть, взбесились
оба судна?
А может, попросту влюбились —
обоюдно.

1973

ПИРАТСКАЯ

Был развеселый розовый восход,
И плыл корабль навстречу передрягам,
И юнга вышел в первый свой поход
Под флибустьерским черепастым флагом.

Накренившись к воде, парусами шурша,
Бриг двухмачтовый лег в развороте.
А у юнги от счастья качалась душа,
Как пеньковые ванты на гроте.

И душу нежную под грубой робой пряча,
Суровый шкипер дал ему совет:
"Будь джентльменом, если есть удача,
А без удачи — джентльменов нет!"

И плавал бриг туда, куда хотел,
Встречался — с кем судьба его сводила,
Ломая кости веслам каравелл,
Когда до абордажа доходило.

Был однажды богатой добычи дележ —
И пираты бесились и выли...
Юнга вдруг побледнел и схватился за нож, —
Потому что его обделили.

Стояла девушка, не прячась и не плача,
И юнга вспомнил шкиперский завет:
Мы — джентльмены, если есть удача,
А нет удачи — джентльменов нет!

И видел он, что капитан молчал,
Не пробуя сдержать кровавой свары.
И ран глубоких он не замечал —
И наносил ответные удары.

Только ей показалось, что с юнгой — беда,
А другого она не хотела, —
Перекинулась за борт — и скрыла вода
Золотистое смуглое тело.

И прямо в грудь себе, пиратов озадачив,
Он разрядил горячий пистолет...
Он был последний джентльмен удачи,—
Конец удаче — джентльменов нет!

1973

* * *

Когда я спотыкаюсь на стихах,
Когда ни до размеров, ни до рифм, —
Тогда друзьям пою о моряках,
До белых пальцев стискивая гриф.

Всем делам моим на суше вопреки
И назло моим заботам на земле
Вы возьмите меня в море, моряки, —
Я все вахты отстою на корабле!

Любая тварь по морю знай плывет,
Под винт попасть не каждый норовит, —
А здесь, на суше, встречный пешеход
Наступит, оттолкнет — и убежит.

Так всем делам моим на суше вопреки,
Так назло моим заботам на земле
Вы возьмите меня в море, моряки, —
Я все вахты отстою на корабле!

Известно вам — мир не на трех китах,
А нам известно — он не на троих.
Вам вольничать нельзя в чужих портах —
А я забыл, как вольничать в своих.

Так всем делам моим на суше вопреки,
Так назло моим заботам на земле
Вы за мной пришлите шлюпку, моряки,
Поднесите рюмку водки на весле!

1972

КОНТРАБАНДА

ОДЕССКАЯ СТУДИЯ, 1974

...Одна из песен звучит под оркестр прямо в музыкальном салоне корабля (мы ее поем вдвоем с певицей). А вторая — просто так, как говорится, на начале и конце фильма.

ТАНГО

Жили-были на́ море —
Это значит плавали,
Курс держали правильный, слушались руля,
Заходили в гавани —
Слева ли, справа ли —
Два красивых лайнера, судна, корабля:

Белоснежнотелая,
Словно лебедь белая,
В сказочно-классическом плане, —
И другой — он в тропики
Плавал в черном смокинге —
Лорд — трансатлантический лайнер.

> Ах, если б ему в голову пришло,
> Что в каждый порт уже давно
> влюбленно
> Спешит к нему под черное крыло
> Стремительная белая мадонна!

Слезы льет горючие
В ценное горючее
И всегда надеется втайне,
Что, быть может, в Африку
Не уйдет по графику
Этот недогадливый лайнер.

> Ах, если б ему в голову взбрело,
> Что в каждый порт уже давно
> влюбленно
> Прийти к нему под черное крыло
> Опаздывает белая мадонна!

Кораблям и поздняя
Не к лицу коррозия,
Не к лицу морщины вдоль белоснежных крыл,
И подтеки синие
Возле ватерлинии,
И когда на смокинге левый борт подгнил.

Горевал без памяти
В доке, в тихой заводи,
Зол и раздосадован крайне,

Ржавый и взъерошенный
И командой брошенный,
В гордом одиночестве лайнер.

А ей невероятно повезло:
Под танго музыкального салона
Пришла к нему под черное крыло —
И встала рядом белая мадонна!

1974

* * *

Сначала было Слово печали и тоски,
Рождалась в муках творчества планета, —
Рвались от суши в никуда огромные куски
И островами становились где-то.

И, странствуя по свету без фрахта и без флага
Сквозь миллионолетья, эпохи и века,
Менял свой облик остров, отшельник и бродяга,
Но сохранял природу и дух материка.

Сначала было Слово, но кончились слова,
Уже матросы Землю населяли, —
И ринулись они по сходням вверх на острова,
Для красоты назвав их кораблями.

Но цепко держит берег — надежней мертвой хватки, —
И острова вернутся назад наверняка.
На них царят морские — особые порядки,
На них хранят законы и честь материка.

Простит ли нас наука за эту параллель,
За вольность в толковании теорий, —
Но если уж сначала было слово на Земле,
То это, безусловно, — слово "море"!

1974

ИВАН ДА МАРЬЯ

СТУДИЯ ИМ. ГОРЬКОГО, 1974

...У меня нечистая сила поет там человеческими голосами. В этот фильм я написал много музыкальных номеров, но, к сожалению, опять почти ничего не осталось — всё выстригли.

СКОМОРОХИ НА ЯРМАРКЕ

Эй народ честной, незадачливый!
Ай вы купчики да служивый люд!
Живо к городу поворачивай —
Там не зря в набат с колоколен бьют!

Все ряды уже с утра
позахвачены —
Уйма всякого добра,
всякой всячины:
Там точильные круги —
точат лясы,
Там лихие сапоги —
самоплясы.

Тагарга-матагарга,
Во столице ярмарка —
Сказочно-реальная,
Цветомузыкальная!

Богачи и голь перекатная, —
Покупатели — все, однако, вы,
И хоть ярмарка не бесплатная,
Раз в году вы все одинаковы!

За едою в закрома
спозараночка
Скатерть сбегает сама —
самобраночка, —
Кто не схочет есть и пить,
тем — изнанка:
Тех начнет сама бранить
самобранка.

Тагарга-матагарга,
Во какая ярмарка:
Праздничная, вольная,
Белохлебосольная!

Вона шапочки-невидимочки, —
Кто наденет их — станет барином.
Леденцы во рту — словно льдиночки,
И Жар-птица есть в виде жареном!

Прилетали год назад
Гуси-Лебеди, —
А теперь они лежат
на столе, гляди!
Эй, слезайте с облучка,
добры люди,
Да из Белого Бычка
ешьте студень!

Тагарга-матагарга,
Всем богата ярмарка!
Вон орехи рядышком —
С изумрудным ядрышком!

Скоморохи здесь — все хорошие,
Скачут-прыгают через палочку.
Прибауточки скоморошие,—
Смех и грех от них — все вповалочку!

По традиции, как встарь,
вплавь и волоком
Привезли царь-самовар,
как царь-колокол, —
Скороварный самовар —
он на торфе
Вам на выбор сварит вар
или кофе.

Тагарга-матагарга,
Удалая ярмарка —
С плясунами резвыми,
Большей частью трезвыми!

Вон Балда пришел, поработать чтоб:
Без работы он киснет-квасится.
Тут как тут и Поп — толоконный лоб,
Но Балда ему — кукиш с маслицем!

Разновесые весы —
проторгуешься!
В скороходики-часы —
не обуешься!

Скороходы-сапоги
не залапьте!
А для стужи да пурги —
лучше лапти.

Тагарга-матагарга,
Что за чудо ярмарка —
Звонкая, несонная,
Нетрадиционная!

Вон Емелюшка Щуку мнет в руке —
Щуке быть ухой, вкусным варевом,
Черномор Кота продает в мешке —
Слишком много Кот разговаривал.

Говорил он без тычка
без задорины —
Все мы сказками слегка
объегорены.
Не скупись, не стой, народ,
за ценою:
Продается с цепью Кот
золотою!

Тагарга-матагарга,
Упоенье — ярмарка,—
Общее, повальное,
Эмоциональное!

Будет смехом-то рвать животики!
Кто отважится, разохотится
Да на коврике-самолетике
Не откажется, а прокотится?!

Разрешите сделать вам
примечание:
Никаких воздушных ям
и качания, —
Ковролетчики вчера
ночь не спали —
Пыль из этого ковра
выбивали.

Тагарга-матагарга,
Удалася ярмарка!
Тагарга-матагарга,
Хорошо бы — на́долго!

Здесь река течет — вся моло́чная,
Берега над ней — сплошь кисельные, —
Мы вобьем во дно сваи прочные,
Запрудим ее — дело дельное!

Запрудили мы реку —
это плохо ли?! —
На кисельном берегу
пляж отгрохали.
Но купаться нам пока
нету смысла,
Потому — у нас река
вся прокисла!

Тагарга-матагарга,
Не в обиде ярмарка —
Хоть залейся нашею
Кислой простоквашею!

Мы беду-напасть подожжем огнем,
Распрямим хребты втрое сложенным,
Меду хме́льного до краев нальем
Всем скучающим и скукоженным!

Много тыщ имеет кто —
тратьте тыщи те:
Даже то — не знаю что —
здесь отыщете!
Коль на ярмарку пришли —
так гуляйте, —
Неразменные рубли
разменяйте!

Тагарга-матагарга,
Для веселых ярмарка!
Подходи, подваливай,
Сахари, присаливай!

1974

СВАДЕБНАЯ

Ты, звонарь-пономарь, не кемарь,
Звонкий колокол раскочегаривай!
Ты очнись, встрепенись, гармонист,
Переливами щедро одаривай!

Мы беду навек спровадили,
В грудь ей вбили кол осиновый.
Перебор сегодня — свадебный,
Звон над городом — малиновый.

Эй, гармошечка, дразни,
Не спеши, подманивай!
Главный колокол, звони,
Маленький — подзванивай!

Крикуны, певуны, плясуны!
Оглашенные, неугомонные!
Нынче пир, буйный пир на весь мир,
Все — желанные, все — приглашенные!

Как на ярмарочной площади
Вы веселие обрящете,
Там и горло прополощете,
Там споете да попляшете!

Не серчай, а получай
Чашу полновесную!
Подходи да привечай
Жениха с невестою!

Топочи, хлопочи, хохочи!
Хороводы води развеселые!
По бокам, по углам — к старикам —
Разойдись, недоёные, квелые!

Поздравляй, да с пониманьем,
За застольною беседою —
Со счастливым сочетанием
Да с законною победою!

Наша свадьба — не конец
Де́льцу пустяковому:
Делу доброму — венец,
Да начало — новому!

1974

ВЫЕЗД СОЛОВЬЯ-РАЗБОЙНИКА

— Как да во лесу дремучем
По сырым дупла́м да сучьям
И по норам по барсучьим
Мы скучаем и канючим.

Так зачем сидим мы сиднем,
Скуку да тоску наводим?
Ну-кася, ребята, выйдем,
Весело поколобродим!

Мы — ребята битые,
Тертые, ученые,
Во болотах мытые,
В омутах моченые.

Как да во лесу дремучем
Что-нибудь да отчубучим,
Добра молодца прищучим,
И пограбим, и помучим!

Воду во реке замутим,
Пу́гал на кустах навесим,
Пакостных шутих нашутим,
Весело покуролесим!

Водяные, лешие,
Души забубенные!
Ваше дело — пешие,
Наше дело — конные.

— Первый Соловей в округе,
Я гуляю бесшабашно.
У меня такие слуги,
Что и самому мне страшно.

К оборотням не привыкну —
До того хитры, ребятки!
Да и сам я — свистну, гикну —
Аж душа уходит в пятки!

Не боюсь тоски-муры,
Если есть русалочки!
Выходи, кикиморы, —
Поиграем в салочки!

— Ты не жди, купец, подмоги —
Мы из чащи повылазим
Да и на большой дороге
Вволюшку побезобразим!

Ну-ка, рукава засучим,
Путника во тьме прижучим,
Свалим — и в песке зыбучем
Пропесочим и проучим!

Зря на нас клевещете,
Умники речистые:
Не сродни мы нечисти —
Наша совесть чистая!

1974

СЕРЕНАДА СОЛОВЬЯ-РАЗБОЙНИКА

Выходи, я тебе посвищу серенаду!
Кто тебе серенаду еще посвистит?
Сутки кряду могу — до упаду, —
Если муза меня посетит.

Я пока еще только шутю и шалю —
Я пока на себя не похож:
Я обиду терплю, но когда я вспылю —
Я дворец подпилю, подпалю, развалю, —
Если ты на балкон не придешь!

Ты отвечай мне прямо-откровенно —
Разбойничую душу не трави!..
О выйди, выйди, выйди, Аграфена,
Послушать серенаду о любви!

Ей-ей-ей, трали-вали!
Кабы красна девица жила в полуподвале,
Я б тогда на корточки
Приседал у форточки, —
Мы бы до утра проворковали!

Во лесных кладовых моих — уйма товара,
Два уютных дупла, три пенечка гнилых...
Чем же я тебе, Груня, не пара,
Чем я, Феня, тебе не жених?!

Так тебя я люблю, что ночами не сплю,
Сохну с горя у всех на виду.
Вон и голос сорвал — и хриплю, и сиплю.
Ох, я дров нарублю — я себя погублю, —
Но тебя украду, уведу!

Я женихов твоих — через колено!
Я папе твоему попорчу кровь!
О выйди, выйди, выйди, Аграфена, —
О не губи разбойничью любовь!

Ей-ей-ей, трали-вали!
Кабы кра́сна де́вица жила в полуподвале,
Я б тогда на корточки
Приседал у форточки, —
Мы бы до утра проворковали!

Так давай, Аграфенушка, свадьбу назначим, —
Я — нечистая сила, но с чистой душой!
Я к чертям, извините, собачьим
Для тебя позабуду разбой!

Я и трелью зальюсь, и подарок куплю,
Всех дружков приведу на поклон;
Я тебя пропою, я тебя прокормлю,
Нам ребята на свадьбу дадут по рублю,—
Только ты выходи на балкон!

Ответь всерьез, прошу проникновенно,
Ведь знают соловьи, что "се ля ви".
Так выйди, елки-палки, Аграфена, —
Не дай погаснуть пламенной любви!

6 Зак. 157

Во темечке моем да во височке —
Одна мечта: что выйдет красота, —
Привстану я на цыпочки-мысочки
И поцелую в сахарны уста!

> Ей-ей-ей, трали-вали!
> Кабы красна девица жила в полуподвале,
> Я б тогда на корточки
> Приседал у форточки, —
> Мы бы до утра проворковали!

1974

* * *

Если в этот скорбный час
спустим рукава —
Соловей освищет нас
и пойдет молва:
Дескать, силой царский трон
все скудней,
Ел, мол, мало каши он,
Евстигней.

Кто же все же уймет шайку-лейку,
Кто на подвиги ратны горазд,
Царь тому дорогую шубейку
От щедрот своих царских отдаст!

Если кровь у кого горяча, —
Саблей бей, пикой лихо коли!
Царь дарует вам шубу с плеча —
Из естественной выхухоли!

Торопись указ зачесть,
изданный не зря!
Кто заступится за честь
батюшки-царя?
Кто разбойника уймет —
Соловья, —
К государю попадет
в сыновья!

Кто оружьем побьет образину,
Кто проучит его кулаком,
Тот от царства возьмет половину,
Ну а дочку — дак всю целиком!

Сей указ — без обману-коварства:
За печатью, как в сказке, точь-в-точь.
В бой — за восемь шестнадцатых царства
Да за целую царскую дочь!

1974

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

1. Грустная

На голом на плацу, на вахтпараде,
В казарме, на часах — все дни подряд
Безвестный, не представленный к награде,
Справляет службу ратную солдат.

И какие бы ни дули
Ураганные ветра,
Он — в дозоре, в карауле
От утра и до утра.

"Напра!.. Нале!..
В ружье! На пле!..
Бегом — в расположение!"
А я пою:
Ать-два, ать-два,
Живем мы однова,
А тяжело в учении —
Легко в бою!

Если ломит враг — бабы слезы льют, —
Ядра к пушечкам подтаскивай!
Я пред боем — тих, я в атаке — лют,
Ну а после боя — ласковый.

Меня гоняют до седьмого пота —
Всяк может младшим чином помыкать, —
Но все-таки центральные ворота
Солдату поручают охранять.

Как бы в рог его ни гнули,
Распрямится снова он.
Штык — дурак и дуры — пули,—
Ежели солдат умен.

"В штыки! К но-ги!
Равняйсь! Беги!
Ползком — в расположение!"
А я пою.
"Коли! Руби!"
Ту би ор нот ту би, —
Но тяжело в учении —
Легко в бою!

Если враг бежит и гремит салют —
Зелена́ вина подтаскивай!
Я пред боем — тих, я в атаке — лют,
Ну а после боя — ласковый.

2. ПОХОДНАЯ

Ну чем же мы, солдатики, повинны,
Что наши пушки не зачехлены?!
Пока враги не бросили дубины,
Не обойтись без драки и войны.

Я бы пушки и мортиры
Никогда не заряжал,
Не ходил бы даже в тиры —
Детям елки наряжал.

Но вот как раз
Пришел приказ
Идти на усмирение,
И я пою,
Как и всегда,
Что горе — не беда, —
Но тяжело в учении,
Да и в бою.

Раззудись, плечо, если наших бьют!
Сбитых, сваленных — оттаскивай!
Я пред боем — тих, я в атаке — лют,
Ну а после боя — ласковый!

1974

СОЛДАТ С ПОБЕДОЮ

Ни пуха ни пера
касатику —
Желали мы вчера
солдатику, —
И он не сплоховал
нисколечко —
Обратно в лес прогнал
разбойничка!

От нашего жилья
спровадил Соловья, —
Над нами супостат
не властвует!
Из бедного житья —
да в царские зятья!
Да здравствует солдат!
Да здравствует!

Ни пуха ни пера
касатику!
Всеобщее ура
солдатику!
Геройский совершил
поступочек!
Корону защитил,
заступничек!

От нашего жилья
спровадил Соловья, —
Над нами супостат
не властвует!
Из бедного житья —
да в царские зятья!
Да здравствует солдат!
Да здравствует!

1974

КУПЛЕТЫ КАССИРА И КАЗНАЧЕЯ

Когда пуста казна,
Тогда страна бедна,
И если грянет война,
Так всем настанет хана.

Но если казна полна,
То может лопнуть она, —
А если лопнет казна,
Так всем нам грош цена.

Ну а наша профессия —
Изнутри и извне
Сохранять равновесие
В этой самой казне.

Мы — дружки закадычные,
Любим хвать и похвать, —
Сядем в карты играть.
— Только чур на наличные!
— Только чур мухлевать!

— Вот я — смотритель касс,
Я вроде — *кассоглаз*,
Хотя за мной-то как раз
И нужен бы глаз да глаз.

— А я забыл, кто я.
Звук злата все звончей.
Казна — известно чья?
А я — так казна*чей*?!

Мы долги полной платою
Отдаем целиком,
Подгребаем лопатою
И горстями гребем.

Нас понять захотите ли —
Двух друзей-горемык? —
Не хотим мы тюрьмы:
Мы же не расхитители —
Уравнители мы.

У нас болит спина,
По швам трещит казна, —
Играем без отдыха-сна —
И будет казна спасена.

Легко, без кутерьмы,
Когда придут нас брать,
Дойдем мы до тюрьмы —
Туда рукой подать.

Это наша профессия —
Изнутри и извне
Сохранять равновесие
В этой самой казне.

Нас понять захотите ли —
Двух друзей-горемык? —
Не хотим мы тюрьмы:
Мы же не расхитители —
Уравнители мы.

1974

КУПЛЕТЫ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ

— Я — Баба Яга,
Вот и вся недолга́,
Я езжу в немазаной ступе.
Я к русскому духу не очень строга:
Люблю его... сваренным в супе.

Ох, надоело по лесу гонять,
Зелье я переварила...
— Нет, чтой-то стала совсем изменять
Наша нечистая сила!

— Добрый день! Добрый тень!
Я дак Оборотень, —
Неловко вчерась обернулся:
Хотел превратиться в дырявый плетень,
Да вот посередке запнулся.

Кто я теперь — самому не понять, —
Эк меня, братцы, скривило!..
— Нет, чтой-то стала совсем изменять
Наша нечистая сила!

— Я — старый больной
Озорной Водяной,
Но мне надоела квартира:
Лежу под корягой, простуженный, злой,
А в омуте — мокро и сыро.

Вижу намедни — утопленник. Хвать!
А он меня — пяткой по рылу!..
— Нет, перестали совсем уважать
Нашу нечистую силу!

— Такие дела:
Лешачиха со зла,
Лишив меня лешевелюры,
Вчера из дупла на мороз прогнала —
У ей с Водяным шуры-муры.

Со́ свету стали совсем изживать —
Прост-таки гонят в могилу...
— Нет, перестали совсем уважать
Нашу нечистую силу!

1974

СОЛДАТ И ПРИВИДЕНИЕ

— Во груди душа словно ерзает,
Сердце в ней горит будто свечка.
И в судьбе — как в ружье: то затвор заест,
То в плечо отдаст, то — осечка.

Ах ты долюшка несчастливая, —
Воля царская — несправедливая!

— Я — привидение,
Я — призрак, но
Я от сидения
Давно больно.

Темница тесная,
Везде сквозит, —
Хоть бестелесно я,
А все ж — знобит.

Может, кто-нибудь обидится,
Но я, право, не шучу:
Испугать, в углу привидеться —
Совершенно не хочу.

Жаль, что вдруг тебя казнят, —
Ты с душой хорошею.
Можешь запросто, солдат,
Звать меня Тимошею.

1974

ПЕСНЯ МАРЬИ

Отчего не бросилась, Марьюшка, в реку ты,
Что же не замолкла-то навсегда ты,
Как забрали милого в рекруты, в рекруты,
Как ушел твой суженый во солдаты?!

Я слезами горькими горницу вымою
И на годы долгие дверь закрою,
Наклонюсь над озером ивою, ивою —
Высмотрю, как в зеркале, — что с тобою.

Травушка-муравушка — сочная, мятная —
Без тебя ломается, ветры дуют...
Долюшка солдатская — ратная, ратная:
Что, как пули грудь твою не минуют?!

Тропочку глубокую протопчу по́ полю
И венок свой свадебный впрок совью,
Длинну косу девичью — до́ полу, до́ полу —
Сберегу для милого — с проседью.

Вот возьмут кольцо мое с белого блюдица,
Хоровод завертится грустно в нем, —
Пусть мое гадание сбудется, сбудется:
Пусть вернется суженый вешним днем!

Пой как прежде весело, идучи к дому, ты,
Тихим словом ласковым утешай.
А житье невестино — омуты, омуты...
Дожидаст Марьюшка — поспешай!

1974

ИВАН ДА МАРЬЯ

Вот пришла лиха беда —
Уж ворота отворяют, —
Значит, пробил час, когда
Бабьи слезы высыхают.

Значит, больше места нет
Ни утехам, ни нарядам.
Коль семь бед — один ответ, —
Так пускай до лучших лет
Наши беды будут рядом.

Не сдержать меня уговорами.
Верю свято я — не в него ли?
Пусть над нами кружа́т че́рны вороны,
Но он дорог мне и в неволе.

Понаехали сваты́,
Словно на́ смех, для потехи, —
Ах, шуты они, шуты:
Не бывать тому вовеки.

Где им знать: поют кругом,
Да прослышала сама я,
Как в году невесть каком
Стали вдруг одним цветком
Два цветка — Ива́н да Марья.

Путь-дороженька — та ли, эта ли, —
Во кромешной тьме, с мукой-болью,
В пекло ль самое, на край света ли, —
Приведи к нему, хоть в неволю.

Ветры добрые, тайком
Прокрадитесь во темницу —

Пусть узнает он о том,
Что душа к нему стремится.

Сердцем пусть не упадет
И не думает худого,
Пусть надеется и ждет —
Помощь Марьина придет
Скоро-скоро, верно слово.

Пусть не сетует, пусть не мается,
Ведь не зря цветок в чистом поле
Нашим именем называется —
Так цвести ему и в неволе!

1974

ЧАСТУШКИ

— Подходи, народ, смелее —
Слушай, переспрашивай!
Мы споем про Евстигнея —
Государя нашего.

Вы себе представьте сцену,
Как папаша Евстигней
Дочь — царевну Аграфену —
Хочет сплавить поскорей.

Но не получается —
Царевна не сплавляется!

Как-то ехал царь из леса,
Весело, спокойненько, —
Вдруг услышал свист балбеса
Соловья-разбойника.

С той поры царя корежит,
Словно кость застряла в ём:
Пальцы в рот себе заложит —
Хочет свистнуть Соловьем!

Надо с этим бой начать,
А то начнет разбойничать!

Царь — ни шагу из квартиры,
А друзья-приятели —
Казначеи и кассиры —
Полказны растратили.

Ох! Враги пришли к палатам —
Окна все повыбили,—
Евстигней перед солдатом
Гнется в три погибели.

Стелется, старается,
В лепешку расшибается!

Как сорвался царь с цепочки —
Цыкает да шикает, —
Он с утра на нервной почке
Семечки шабрыкает.

Царь солдата ухайдакал:
То — не то, и это — нет, —
Значит, царь — эксплуататор,
Настоящий дармоед.

Потому он злобится,
Что с ним никто не водится!

Все мы знаем Евстигнея,
Петею воспетого, —
Правда, Петя — не умнее
Евстигнея этого.

Лизоблюд придворный наспех
Сочинил царю стихи —
Получилось курам на смех,
Мухи дохнут от тоски.

А царь доволен, значится —
Того гляди расплачется!

— Царь наш батюшка в почете;
Добрый он и знающий.
Ну а вы себя ведете
Крайне вызывающе!

Царь о подданных печется
От зари и до зари!
— Вот когда он испечется —
Мы посмотрим, что внутри!

Как он ни куражится,
Там вряд ли что окажется!

— Послужили мы и хватит —
Бюллетень гоните нам, —
Да и денег мало платят
Нам, телохранителям!

— А с меня вода как с гуся, —
Щас как выйду на пустырь,
От престола отреку́ся,
Заточуся в монастырь!

— Вот царь-батюшка загнул —
Чуть не до́ смерти пугнул!
Перестал дурачиться,
А начал фордыбачиться!

1974

ЕДИНСТВЕННАЯ ДОРОГА

«МОСФИЛЬМ»,
«ФИЛМСКИ СТУДИО ТИТОГРАД»
(СФРЮ), 1974

...В сорок четвертом году немецкий танковый парк в Югославии стоял без горючего. Немцы направили туда колонну из двухсот-трехсот гигантских бензовозов, а шоферы на этих машинах были русскими пленными, которых они приковали цепью к плите на полу бензовозов и сообщили об этом партизанам — и те не могут стрелять, потому что будут гибнуть люди.

Я играю одного из этих окованных шоферов. Роль у меня совсем без слов, но зато с песнями.

РАССТРЕЛ ГОРНОГО ЭХА

В тиши перевала, где скалы ветрам не помеха,
помеха,
На кручах таких, на какие никто не проник,
Жило-поживало веселое горное,
горное эхо, —
Оно отзывалось на крик — человеческий крик.

Когда одиночество комом подкатит под горло,
под горло,
И сдавленный стон еле слышно в обрыв упадет,
Крик этот о помощи эхо подхватит,
подхватит проворно,
Усилит — и бережно в руки своих донесет.

Должно быть, не люди, напившись дурмана и зелья,
и зелья,
Чтоб не был услышан никем громкий топот и храп,
Пришли умертвить, обеззвучить живое,
живое ущелье, —
И эхо связали, и в рот ему всунули кляп.

Всю ночь продолжалась кровавая злая потеха,
потеха, —
И эхо топтали — но звука никто не слыхал.
К утру расстреляли притихшее горное,
горное эхо —
И брызнули слезы, как камни, из раненых скал!
И брызнули слезы, как камни, из раненых скал.
И брызнули камни, как слезы, из раненых скал...

1974

ПЕСНЯ СОЛОДОВА

В дорогу — живо! Или — в гроб ложись!
Да, выбор небогатый перед нами.
Нас обрекли на медленную жизнь —
Мы к ней для верности прикованы цепями.

А кое-кто поверил второпях —
Поверил без оглядки, бестолково, —
Но разве это жизнь — когда в цепях,
Но разве это выбор — если скован!

Коварна нам оказанная милость —
Как зелье полоумных ворожих:
Смерть от своих — за камнем притаилась,
И сзади — тоже смерть, но от чужих.

Душа застыла, тело затекло,
И мы молчим, как подставные пешки,
А в лобовое грязное стекло
Глядит и скалится позор в кривой усмешке.

И если бы оковы разломать —
Тогда бы мы и горло перегрызли
Тому, кто догадался приковать
Нас узами цепей к хваленой жизни.

Неужто мы надеемся на что-то?!
А может быть, нам цепь не по зубам?
Зачем стучимся в райские ворота
Костяшками по кованым скобам?

Нам предложили выход из войны,
Но вот какую заломили цену:
Мы к долгой жизни приговорены
Через вину, через позор, через измену!

Но стоит ли и жизнь такой цены?!
Дорога не окончена — спокойно! —
И в стороне от той, большой войны
Еще возможно умереть достойно.

И рано нас равнять с болотной слизью —
Мы гнезд себе на гнили не совьем!
Мы не умрем мучительною жизнью —
Мы лучше верной смертью оживем!

1973

* * *

Если где-то в глухой неспокойной ночи
Ты споткнулся и ходишь по краю —
Не таись, не молчи, до меня докричи!
Я твой голос услышу, узна́ю!

Если с пулей в груди ты лежишь в спелой ржи —
Потерпи: я спешу — и усталости ноги не чуют!
Мы вернемся туда, где и воздух и травы врачуют, —
Только ты не умри, только кровь удержи!..

Если конь под тобой, ты домчи, доскачи —
Конь дорогу отыщет буланый
В те края, где всегда бьют живые ключи, —
И они исцелят твои раны!

Где же ты — взаперти или в долгом пути?
На каких ты сейчас перепутиях и перекрестках?
Может быть, ты устал, приуныл, заблудился в трех соснах —
И не можешь обратно дорогу найти?..

Здесь такой чистоты из-под снега ручьи —
Не найдешь, не придумаешь краше!
Здесь цветы, и кусты, и деревья — ничьи,
Стоит нам захотеть — будут наши!

Если трудно идешь — по колени в грязи
Да по острым камням, босиком по воде по студеной, —
Пропыленный, обветренный, дымный, огнем опаленный —
Хоть какой, — доберись, добреди, доползи!..

1974

ОДИНОЖДЫ ОДИН

«ЛЕНФИЛЬМ», 1974

...Я огорчен только тем, что снова мы не работаем вместе. Я все подстроил под это, но... се ля ви. Комит*ето* сильнее нас. Уже я перестроился. Но в следующий раз мы еще повоюем.

Впрочем — песни-то мы успели всобачить.

Из письма Г.Полоке

ПЕСНЯ ВАНИ У МАРИИ

Я полмира почти через злые бои
Прошагал и прополз с батальоном,
А обратно меня за заслуги мои
Санитарным везли эшелоном.

Подвезли на родимый порог —
На полуторке к самому дому, —
Я стоял и немел, а над крышей дымок
Подымался совсем по-другому.

Окна словно боялись в глаза мне взглянуть,
И хозяйка не рада солдату:
Не припала в слезах на могучую грудь,
А руками всплеснула — и в хату.

И залаяли псы на цепях,
Я шагнул в полутемные сени —
За чужое за что-то запнулся в сенях,
Дверь рванул — подкосились колени.

Там сидел за столом, да на месте моем
Неприветливый новый хозяин —
И фуфайка на нем, и хозяйка при нем, —
Потому я и псами облаян.

Это значит, пока под огнем
Я спешил, ни минуты не весел,
Он все вещи в дому переставил моем
И по-своему всё перевесил.

Мы ходили под богом, под богом войны —
Артиллерия нас накрывала.
Но смертельная рана нашла со спины
И изменою в сердце застряла.

Я себя в пояснице согнул,
Силу воли позвал на подмогу:
"Извините, товарищи, что завернул
По ошибке к чужому порогу..."

Дескать, мир да любовь вам, да хлеба на стол,
Чтоб согласье по дому ходило...

Ну а он даже ухом в ответ не повел:
Вроде так и положено было.

Зашатался некрашеный пол,
Я не хлопнул дверьми, как когда-то, —
Только окна раскрылись, когда я ушел,
И взглянули мне вслед виновато...

1974

ПЕСНЯ О ЧЕРНОМ И БЕЛОМ ЛЕБЕДЯХ

Ах! В поднебесье летал
Лебедь черный, младой да проворный.
Ах! Да от лёта устал —
Одинокий, да смелый, да гордый.
Ах! Да снижаться он стал
С высоты со своей лебединой.
Ах! Два крыла распластал —
Нет уж сил и на взмах на единый.

Ай не зря гармонь пиликает —
Ваня песенку мурлыкает, —
С уваженьем да с почтением,
Да, конечно, со значением.

Ах! На крутом берегу,
Словно снег среди лета, не тая,
Ах! На зеленом лугу —
Лебединая белая стая.
Ах! Да не зря он кружил,
Да и снизился не понапрасну:
Ах! Он от стаи отбил
Лебедь белую саму прекрасну.

Ай вы добры люди-граждане,
Вы б лебедушку уважили —
Затянули бы протяжную
Про красу ее лебяжую.

Ох! Да и слов не сыскать,
Вот и голос дрожит неумелый.

Ох! Другу дружка под стать —
Лебедь черный да лебеди белой, —
Ах! Собралися в полет
Оба-двое крылатые, вместе.
Ах! Расступися, народ,
Поклонись жениху и невесте!

Ай спасибо, люди-граждане,
Что невестушку уважили,
Жениха не забываете
Да обоих привечаете!

1974

ВЕЛИЧАЛЬНАЯ ОТЦУ

Ай не стойте в гордыне —
Подходите к крыльцу,
А и вы, молодые,
Поклонитесь отцу!

Он сердитый да строгий, —
Как сподлобья взглянёт,
Так вы кланяйтесь в ноги —
Может, он отойдет.

Вам отцу поклониться —
Тоже труд небольшой, —
Он лицом просветлится,
Помягчает душой.

Вы с того начинайте
И потом до конца
Во всю жизнь привечайте
Дорогого отца!

1974

ЧАСТУШКИ К СВАДЬБЕ

Не сгрызть меня —
Невеста я!
Эх, жизнь моя
Интересная!

Кружи-ворожи!
Кто стесняется?
Подол придержи, —
Подымается!

И в девках мне
Было весело,
А все ж любовь
Перевесила!

Кружи-ворожи!
Кто стесняется?
Подол придержи, —
Подымается!

Сноха лиха,
Да и кума лихая, —
Учат жить меня,
А я — сама такая!

1974

СТУДЕНЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Кто старше нас на четверть века, тот
Уже постиг и близости и дали.
Им повезло — и кровь, и дым, и пот
Они понюхали, хлебнули, повидали, —
Прошли через бригаду или взвод.

И ехали в теплушках — не в тепле —
На стройки, на фронты и на рабфаки.
Они ходили в люди по земле
И — в штыковые жесткие атаки.

То время эшелонное прошло —
В плацкартных едем, травим анекдоты...
Мы не ходили — шашки наголо,
В отчаянье не падали на доты.

Но все-таки традиция живет:
Взяты не все вершины и преграды, —
Не потому ли летом каждый год

Идем в студенческие наши стройотряды —
И сверх программы мы сдаем зачет.

Песок в глазах, в одежде и в зубах —
Мы против ветра держим путь на тракте.
На дивногорских каменных столбах
Хребты себе ломаем и характер.

Мы гнемся в три погибели — ну что ж,
Такой уж ветер... Только, друг, ты знаешь, —
Зато ничем нас после не согнешь,
Зато нас на равнине не сломаешь!

1974

ЧАСТУШКИ

Гули-гули-гуленьки,
Девоньки-девуленьки,
Вы оставьте мне на память
В сердце загогулинки.

Не гляди, что я сердит, —
По тебе же сохну-то.
Я не с фронта инвалид —
Я любовью трёкнутый!

Выходите к Ванечке,
Манечки-матанечки!
Что стоите как старушки —
Божьи одуванчики!

Милый мой — каменотес,
Сильный он да ласковый, —
Он мне с Англии привез
Лифчик пенопластовый.

Здеся мода отстает,
Вот у нас в Австралии
Очень в моде этот год
В три обхвата талии.

Уж не знаю я, как тут,
А, к примеру, в Дании
Девок в загсы волокут
При втором свидании.

Я не знаю, как у вас,
А у нас во Франции
Замуж можно десять раз,
Все — без регистрации.

Ой, табань, табань, табань,
А то в берег врежемся!
Не вставай в такую рань —
Давай еще понежимся!

Без ушка иголочка —
Оля, Ольга, Олечка,
Поднеси-ка инвалиду
Столько да полстолечка!

На пути, на перепутье
Молодуху сватал дед.
Спервá думали, что шутит, —
Оказалося, что — нет.

Мой миленок всё допил
Дочиста и допьяна, —
Потому и наступил
В мире кризис топливный.

Ты не ной, не ной, не ной:
Это ж кризис — нефтяной, —
Надо больше опасаться,
Что наступит — спиртовой.

Гляну я, одна семья
На таком воскреснике —
Все друг другу кумовья
Али даже крестники.

1974

ГРУСТНАЯ ПЕСНЯ О ВАНЕЧКЕ

Зря ты, Ванечка, бредёшь
Вдоль оврага:
На пути — каменья сплошь, —
Резвы ножки обобьешь,
Бедолага!

Тело в эдакой ходьбе
Ты измучил,
А и, кажется, себе
Сам наскучил.

Стал на беглого похож
Аль на странничка, —
Может, сядешь — отдохнешь,
Ваня-Ванечка?!
Ваня!

Что, Ванюша, путь трудней?
Хворь напала?
Вьется тропка меж корней,
До конца пройти по ней —
Жизни мало!

Славно, коль судьбу узнал
Распрекрасну, —
Ну а вдруг коней загнал
Понапрасну?!

Али вольное житье
Слаще пряничка?
Ах ты горюшко мое,
Ваня-Ванечка!
Ваня!

Ходют слухи, будто сник
Да бедуешь,
Кудри сбросил, — как без них?
Сыт ли ты или привык —
Голодуешь?

Хорошо ли бобылем
Да без крова?
Это, Ваня, не путем,
Непутево!

Горемычный мой, дошел
Ты до краюшка!
Тополь твой уже отцвел,
Ваня-Ванюшка!
Ваня!

1974

ПЕСНЯ ВАНИ ПЕРЕД СТУДЕНТАМИ

Эх, недаром говорится:
Мастер дела не боится, —
Пусть боится дело это
Ваню — мастера паркета!

Не берись, коль не умеешь,
Не умеючи — не трожь,
Не подмажешь — не поедешь,
А подмажешь — упадешь!

Даже в этой пятилетке
На полу играют детки, —
Проливают детки слезы
От какой-нибудь занозы.

Пусть елозят наши дети,
Пусть играются в юлу
На натертом на паркете —
На надраенном полу.

Говорят, забудут скоро
Люди званье полотера, —
В наше время это мненье —
Роковое заблужденье.

Посреди родной эпохи
Ты на щетках попляши, —
С женским полом шутки плохи,
А с натертым — хороши!

1974

ЗНАКИ ЗОДИАКА

ЛЕНИНГРАДСКАЯ СТУДИЯ КИНОХРОНИКИ, 1975

Вставить песню в фильм — большое дело и большая работа. У режиссера должна быть любовь к тому, что делает автор песни.

О ЗНАКАХ ЗОДИАКА

Неправда, над нами не бездна, не мрак —
Катáлог наград и возмездий:
Любуемся мы на ночной зодиак,
На вечное танго созвездий.

Глядим, запрокинули головы вверх,
В безмолвие, в тайну и вечность:
Там трассы судéб и мгновенный наш век —
Отмечены в виде невидимых вех,
Что могут хранить и беречь нас.

Горячий нектар в холода февралей —
Как сладкий елей вместо грога, —
Льет звездную воду чудак Водолей
В бездонную пасть Козерога.

Вселенский поток и извилист и крут,
Окрашен то ртутью, то кровью, —
Но, вырвавшись мартовской мглою из пут,
Могучие Рыбы на нерест плывут
По Млечным потокам — к верховью.

Декабрьский Стрелец отстрелялся вконец,
Он мается, копья ломая.
И может без страха резвиться Телец
На светлых урочищах мая.

Из августа изголодавшийся Лев
Глядит на Овена в апреле.
В июнь — к Близнецам свои руки воздев,
Нежнейшие девы созвездия Дев
Весы превратили в качели.

Лучи световые пробились сквозь мрак,
Как нить Ариадны конкретны, —
Но и Скорпион, и таинственный Рак —
От нас далеки и безвредны.

На свой зодиак человек не роптал —
Да звездам страшна ли опала! —
Он эти созвездия с неба достал,
Оправил он их в драгоценный металл —
И тайна доступною стала.

⟨1974 или 1975⟩

ЕДИНСТВЕННАЯ

«ЛЕНФИЛЬМ», 1975

Я, вероятно, буду сниматься сейчас у Иосифа Ефимовича Хейфица в картине "Мечта о Тихом океане". Необыкновенно интересный сценарий по повести Нилина "Дурь"... Я играю там небольшую роль, но опять же буду там исполнять свои песни.

ОЧИ ЧЕРНЫЕ

1. Погоня

Во хмелю слегка
Лесом правил я.
Не устал пока, —
Пел за здравие.
А умел я петь
Песни вздорные:
“Как любил я вас,
Очи черные...”

То плелись, то неслись, то трусили рысцой,
И болотную слизь конь швырял мне в лицо.
Только я проглочу вместе с грязью слюну,
Штофу горло скручу — и опять затяну:

“Очи черные!
Как любил я вас...”
Но — прикончил я
То, что впрок припас.
Головой тряхнул,
Чтоб слетела блажь,
И вокруг взглянул —
И присвистнул аж:

Лес стеной впереди — не пускает стена, —
Кони прядут ушами, назад подают.
Где просвет, где прогал — не видать ни рожна!
Колют иглы меня, до костей достают.

Коренной ты мой,
Выручай же, брат!
Ты куда, родной, —
Почему назад?!
Дождь — как яд с ветвей —
Недобром пропах.
Пристяжной моей
Волк нырнул под пах.

Вот же пьяный дурак, вот же на́лил глаза!
Ведь погибель пришла, а бежать — не суметь, —
Из колоды моей утащили туза,
Да такого туза, без которого — смерть!

Я ору волкам:
"Побери вас прах!.." —
А коней пока
Подгоняет страх.
Шевелю кнутом —
Бью крученые
И ору притом:
"Очи черные!.."

Храп, да топот, да лязг, да лихой перепляс —
Бубенцы плясовую играют с дуги.
Ах вы кони мои, погублю же я вас, —
Выносите, друзья, выносите, враги!

...От погони той
Даже хмель иссяк.
Мы на кряж крутой —
На одних осях,
В хлопьях пены мы —
Струи в кряж лились, —
Отдышались, отхрипели
Да откашлялись.

Я лошадкам забитым, что не подвели,
Поклонился в копыта, до самой земли,
Сбросил с воза манатки, повел в поводу...
Спаси бог вас, лошадки, что целым иду!

2. СТАРЫЙ ДОМ

Что за дом притих,
Погружен во мрак,
На семи лихих
Продувных ветрах,
Всеми окнами
Обратясь в овраг,
А воротами —
На проезжий тракт?

Ох, устал я, устал, — а лошадок распряг.
Эй, живой кто-нибудь, выходи, помоги!
Никого, — только тень промелькнула в сенях
Да стервятник спустился и сузил круги.

В дом заходишь как
Все равно в кабак,
А народишко —
Кажный третий— враг.
Своротят скулу,
Гость непрошеный!
Образа в углу —
И те перекошены.

И затеялся смутный, чудной разговор,
Кто-то песню стонал и гитару терзал,
И припадочный малый — придурок и вор —
Мне тайком из-под скатерти нож показал.

"Кто ответит мне —
Что за дом такой,
Почему — во тьме,
Как барак чумной?
Свет лампад погас,
Воздух вылился...
Али жить у вас
Разучилися?

Двери настежь у вас, а душа взаперти.
Кто хозяином здесь? — напоил бы вином".
А в ответ мне: "Видать, был ты долго в пути
И людей позабыл, — мы всегда так живем!

Тра́ву кушаем,
Век — на щавеле,
Скисли душами,
Опрыщавели,
Да еще вином
Много тешились,—
Разоряли дом,
Дра́лись, вешались".

"Я коней заморил, — от волков ускакал.
Укажите мне край, где светло от лампад,
Укажите мне место, какое искал, —
Где поют, а не стонут, где пол не покат".

"О таких домах
Не слыхали мы,
Долго жить впотьмах
Привыкали мы.
Испокону мы —
В зле да шепоте,
Под иконами
В черной копоти".

И из смрада, где косо висят образа,
Я башку очертя гнал, забросивши кнут,
Куда кони несли да глядели глаза,
И где люди живут, и — как люди живут.

...Сколько кануло, сколько схлынуло!
Жизнь кидала меня — не докинула.
Может, спел про вас неумело я,
Очи черные, скатерть белая?!

1974

БЕГСТВО МИСТЕРА МАК-КИНЛИ

«МОСФИЛЬМ», 1975

...Во-первых, это не про *нас*, а я никогда про *них* не писал ничего; во-вторых, это не про наше время, а про *где-то в будущем*, что совсем было для меня невероятно. Поэтому я просто исключил обстановку и место и стал писать какие-то общечеловеческие песни.

БАЛЛАДА О МАЛЕНЬКОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Погода славная,
а это главное,
И мне на ум пришла идейка презабавная,—
Но не о господе
и не о космосе —
Все эти новости уже обрыдли до́ смерти.

Сказку, миф, фантасмагорию
Пропою вам с хором ли, один ли, —
Слушайте забавную историю
Некоего мистера Мак-Кинли —

Не супермена, не ковбоя, не хавбека,
А просто маленького, просто человека.

Кто он такой — герой ли, сукин сын ли —
Наш симпатичный господин Мак-Кинли, —
Валяйте выводы, составьте мнение
В конце рассказа в меру разумения.

Ну что, договорились? Если так —
Привет! Буэнос диас! Гутен таг!

Ночуешь в спаленках
в обоях аленьких
И телевиденье глядишь для самых маленьких.
С утра полчасика
займет гимнастика —
Прыжки, гримасы, отжимание от пластика.

И трясешься ты в автобусе,
На педали жмешь, гремя костями, —
Сколько вас на нашем тесном глобусе
Весело работает локтями!

Как наркоманы — кокаин, и как больные,
В заторах нюхаешь ты газы выхлопные.

Но строен ты — от сусты худеют,
Бодреют духом, телом здоровеют.
Через собратьев ты переступаешь,
Но успеваешь, все же успеваешь

Знакомым огрызнуться на ходу:
"Салют! День добрый! Хау ду ю ду!"

Для создания
в коробки-здания
Ты заползаешь, как в загоны на заклание.
В поту и рвении
в самозабвении
Ты создаешь, творишь и рушишь в озарении.

Люди, власти не имущие!
Кто-то вас со злого перепою,
Маленькие, но и всемогущие,
Окрестил безликою толпою.

Будь вы на поле, у станка, в конторе, в классе, —
Но вы причислены к какой-то серой массе.

И в перерыв — в час подлинной свободы —
Вы наскоро жуете бутерброды, —
Что ж, эти сендвичи — предметы сбыта.
Итак, приятного вам аппетита!

Нелегкий век стоит перед тобой,
И все же — гутен морген, дорогой!

Дела семейные,
платки нашейные,
И пояса, и чудеса галантерейные, —
Цена кусается,
жена ласкается, —
Махнуть рукою — да рука не подымается.

Цену вежливо и тоненько
Пропищит волшебник-трикотажник, —
Ты с невозмутимостью покойника
Наизнанку вывернешь бумажник.

Все ваши будни да и праздники — морозны,
И вы с женою, как на кладбище, серьезны.

С холодных стен с холодного плаката
На вас глядят веселые ребята,

И улыбаются во всех витринах
Отцы семейств в штанах и лимузинах.

Откормленные люди на щитах
Приветствуют по-братски — гутен таг!

Откуда денежка?
                    Куда ты денешься?
Тебе полвека, друг, а ты еще надеешься?
Не жди от ближнего —
                    моли всевышнего, —
Уж он всегда тебе пошлет ребенка лишнего!

Трое, четверо и шестеро...
Вы, конечно, любите сыночков!
Мировое детское нашествие
Бестий, сорванцов и ангелочков!

Ты улыбаешься обложкам и нарядам,
Но твердо веришь: удивительное рядом.

Не верь, старик, что мы за все в ответе,
Что где-то дети гибнут — те, не эти:
Чуть-чуть задуматься — хоть вниз с обрыва, —
А жить-то надо, надо жить красиво!

Передохни, расслабься — перекур!
Гуд дэй, дружище! Пламенный бонжур!

Ах, люди странные,
                    пустокарманные,
Вы, постоянные клиенты ресторанные, —
Мошны бездонные,
                    стомиллионные —
Вы наполняете, вы, то́лпы стадионные!

И ничто без вас не крутится —
Армии, правители и судьи.
Но у сильных в горле, словно устрица,
Вы скользите, маленькие люди!

И так о маленьком пекутся человеке,
Что забывают лишний ноль вписать на чеке.

Ваш кандидат — а в прошлом он лабазник —
Вам иногда устраивает праздник, —
И не безлики вы, и вы — не тени,
Коль надо в урны бросить бюллетени!

А "маленький" — хорошее словцо, —
Кто скажет так — ты плюнь ему в лицо, —
Пусть это слово будет не в ходу!
Привет, Мак-Кинли! Хау ду ю ду!

1973

БАЛЛАДА О КОКИЛЬОНЕ

Жил-был
учитель скромный Кокильон,
Любил
наукой баловаться он.

Земной поклон — за то, что он
Был в химию влюблен,
И по ночам
над чем-то там
Химичил Кокильон.

Но, мученик науки, гоним и обездолен,
Всегда в глазах толпы он — алхимик-шарлатан, —
И из любимой школы в два счета был уволен,
Верней — в три шеи выгнан, непонятый титан.

Титан
лабораторию держал
И там
творил и мыслил, и дерзал.

За просто так — не за мильон —
В двухсуточный бульон
Швырнуть сумел
все, что имел
Великий Кокильон.

Да мы бы забросали каменьями Ньюто́на,
Мы б за такое дело измазали в смоле!

Но случай не позволил плевать на Кокильона
Однажды в адской смеси заквасилось желе.

Бульон
изобретателя потряс, —
Был он —
ничто: не жидкость и не газ.

И был смущен и потрясен,
И даже удивлен:
"Эге! Ха-ха!
О эврика!" —
Воскликнул Кокильон.

Три дня он развлекался игрой на пианино,
На самом дне в сухом вине он истину искал...
Вдруг произнес он внятно: "Какая чертовщина"
И твердою походкою он к дому зашагал.

Он днем
был склонен к мыслям и мечтам,
Но в нем
кипели страсти по ночам.

И вот, на поиск устремлен,
Мечтой испепелен,
В один момент
в эксперимент
Включился Кокильон.

Душа его просила и плоть его хотела
До истины добраться, до цели и до дна, —
Проверить состоянье таинственного тела —
Узнать, что он такое: оно или она.

Но был
и в этом опыте изъян:
Забыл
фанатик намертво про кран.

В погоне за открытьем он
Был слишком воспален —
И миг настал,
когда нажал
На крантик Кокильон.

И закричал, безумный: "Да это же — коллоид!
Не жидкость это, братцы, — коллоидальный газ!"
Вот так, блеснув в науке, как в небе астероид,
Взорвался — и в шипенье безвременно угас.

И вот
так в этом газе и лежит,
Народ
его открытьем дорожит.

Но он не мертв — он усыплен, —
Разбужен будет он
Через века.
Дремли пока,
Великий Кокильон!

А мы, склонив колени, глядим благоговейно, —
Таких, как он, немного — четыре на мильон:
Возьмем Ньютóна, Бора и старика Эйнштейна —
Вот три великих мужа, — четвертый — Кокильон!

1973

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ

Кто-то высмотрел плод, что неспел, —
Потрусили за ствол — он упал...
Вот вам песня о том, кто не спел
И что голос имел — не узнал.

Может, были с судьбой нелады
И со случаем плохи дела,
А тугая струна на лады
С незаметным изъяном легла.

Он начал робко с ноты до,
Но не допел ее, не до...

Не дозвучал его аккорд
И никого не вдохновил.
Собака лаяла, а кот —
Мышей ловил.

Смешно, не правда ли, смешно!
А он шутил — недошутил,
Недораспробовал вино,
И даже недопригубил.

Он пока лишь затеивал спор,
Неуверенно и не спеша, —
Словно капельки пота из пор,
Из-под кожи сочилась душа.

Только начал дуэль на ковре —
Еле-еле, едва приступил,
Лишь чуть-чуть осмотрелся в игре,
И судья еще счет не открыл.

Он знать хотел всё от и до,
Но не добрался он, не до...

Ни до догадки, ни до дна,
Не докопался до глубин
И ту, которая одна, —
Недолюбил.

Смешно, не правда ли, смешно!
А он спешил — недоспешил, —
Осталось недорешено
Все то, что он недорешил.

Ни единою буквой не лгу —
Он был чистого слога слуга,
И писал ей стихи на снегу...
К сожалению, тают снега!

Но тогда еще был снегопад,
И свобода писать на снегу, —
И большие снежинки и град
Он губами хватал на бегу.

Но к ней в серебряном ландо
Он не добрался и не до...

Не добежал бегун, беглец,
Не долетел, не доскакал,
А звездный знак его — Телец —
Холодный Млечный Путь лакал.

Смешно, не правда ли, смешно,
Когда секунд недостает, —
Недостающее звено,
И недолет, и недолет!

Смешно, не правда ли? Ну вот, —
И вам смешно, и даже мне —
Конь на скаку и птица влет, —
По чьей вине?..

1973

МАРШ ФУТБОЛЬНОЙ КОМАНДЫ "МЕДВЕДЕЙ"

Когда лакают
  Святые свой нектар и шерри-бренди —
  И валятся на травку и под стол, —
Тогда играют
  Никем непобедимые "медведи"
  В кровавый, дикий, подлинный футбол.

В тиски медвежие
Попасть к нам — не резон,
Но те же наши лапы — нежные
Для наших милых девочек и жен.

Нам выпадает карта —
От травмы до инфаркта.
Но выпадает карта —
Мы ангелы азарта!

Вперед, к победе!
  Соперники растоптаны и жалки —
  Мы проучили, воспитали их.
Но вот "медведи"
  Приобретают свежие фиалки —
  И навещают в госпитале их.

Тиски медвежие
Не выдержит иной,
А в общем мы — ребята нежные
С пробитою, но светлой головой.

Нам выпадает карта —
От травмы до инфаркта.
Мы ожидаем фарта,
Мы — дьяволы азарта!

А нам — забили!
Не унывают смелые "медведи" —
Они не знают на́ поле проблем!
А на могиле
Все наши Мэри, Дороти и Сэди
Потоки слез прольют в помятый шлем.

В тиски медвежие
К нам попадет любой,
А впрочем, мы — ребята нежные
С травмированной детскою душой.

Нам выпадает карта —
От травмы до инфаркта.
Мы ожидаем фарта,
Мы — ангелы азарта!

И пусть святые,
Пресытившись едой и женским полом,
На настоящих идолов глядят, —
"Медведи" злые
Невероятным, бешеным футбо́лом
Божественные взоры усладят.

Тиски медвежие
Смыкаются, визжат...
Спасите наши души нежные —
Нетронутые души медвежат!

1973

БАЛЛАДА О МАНЕКЕНАХ

Семь дней усталый старый Бог
В запале, в зашоре, в запаре
Творил убогий наш лубок
И каждой твари по паре.

Ему творить — потеха, —
И вот себе взамен
Бог создал человека
Как пробный манекен.

Идея эта не нова
И не обхаяна никем —
Я докажу как дважды два:
Адам — был первый манекен.

А мы — ошметки хромосом, —
Огрызки божественных генов, —
Идем проторенным путем —
И создаем манекенов.

Лишенные надежды
Без мук родить — живых,
Рядим в свои одежды
Бездушных кукол восковых.

Ругать меня повремени,
А оглянись по сторонам:
Хоть нам подобные они,
Но не живут подобно нам.

Твой нос расплюснут на стекле,
Глазеешь — и ломит в затылке, —
А там — сидят они в тепле
И скалят зубы в ухмылке.

Вон тот кретин в халате
Смеется над тобой:
Мол, жив еще, приятель!
Доволен ли судьбой?

Гляди — красотка, — чем плоха:
Загар — и патлы до колен!
Ее — закутанный в меха —
Ласкает томный манекен.

Их жизнь и вправду хороша:
Их холят, лелеют и греют,
Они не тратят ни гроша
И плюс к тому не стареют.

Пусть лупят по башке нам,
Толкают нас и бьют, —
Но куклам-манекенам
Мы создали уют.

Они так вежливы — взгляни!
Их не волнует ни черта.
И жизнерадостны они,
И нам, безумным, не чета.

Он никогда не одинок —
В салоне, в постели, в бильярдной, —
Невозмутимый словно йог,
Галантный и элегантный.

Хочу такого плена —
Свобода мне не впрок!
Я вместо манекена
Хочу пожить денек!

На манекенские паи
Согласен, черт меня дери!
В приятный круг его семьи
Желаю, черт меня дери!

Я предлагаю смелый план
Возможных сезонных обменов:
Мы, люди, — в их бездушный клан,
А вместо нас — манекенов.

Но я готов поклясться,
Что где-нибудь заест,—
Они не согласятся
На перемену мест.

Из них, конечно, ни один
Нам не уступит свой уют —
Из этих солнечных витрин
Они без боя не уйдут.

Сдается мне, они хитрят —
И, тайно расправивши члены,

Когда живые люди спят,
Выходят в ночь манекены.

Машины выгоняют —
И мчат так, что — держись!
Бузят и прожигают
Свою ночную жизнь.

Такие подвиги творят,
Что мы за год не натворим,
Но возвращаются назад, —
Ах, как завидую я им!

Мы скачем, скачем вверх и вниз,
Кропаем и клеим на стенах
Наш главный лозунг и девиз:
"Забота о манекенах".

Недавно был — читали? —
Налет на магазин, —
В них сколько ни стреляли —
Не умер ни один.

Его налогом не согнуть,
Не сдвинуть повышеньем цен...
Счастливый путь, счастливый путь!
Будь счастлив, мистер манекен!

Но, как индусы, мы живем
Надеждою смертных и тленных,
Что если завтра мы умрем —
Воскреснем вновь в манекенах.

Так что не хнычь, ребята, —
Наш день еще придет, —
Храните, люди, свято
Весь манекенский род!

Болезни в нас обострены —
Уже не станем мы никем...
Грядет надежда всей страны —
Здоровый, крепкий манекен!

1973

ПЕСНЯ БИЛЛА СИГГЕРА

Вот это да! Вот это да!
Сквозь мрак и вечность-решето
Из зала Страшного суда
Явилось то — не знаю что.

Играйте туш!
Быть может, он —
Умерший муж
Несчастных жен.

Больных детей
Больной отец,
Благих вестей
Шальной гонец!

Вот это да! Вот это да!
Спустился к нам — не знаем кто, —
Как снег на голову, сюда
Упал тайком — инкогнито!

Но кто же он —
Хитрец и лгун?
Или — шпион,
Или — колдун?

Каких дворцов
Он господин,
Каких отцов
Заблудший сын?

Вот это да! Вот это да!
И я спросил, как он рискнул —
Из ниоткуда в никуда
Перешагнул, перешагнул?

Он мне: "Внемли́!" —
И я внимал,
Что он с земли
Вчера сбежал,

Решил: нырну
Я в гладь и тишь, —

Но в тишину
Без денег — шиш!

Мол, прошмыгну
Как мышь, как вошь, —
Но в тишину
Не прошмыгнешь!

Вот это да! Вот это да!
Он повидал печальный край, —
В аду — бардак и лабуда, —
И он опять — в наш грешный рай.

Итак, оттуда
Он удрал,
Его Иуда
Обыграл —

И в "тридцать три",
И в "сто одно".
Смотри! Смотри!
Он видел дно!

Он видел ад,
Но сделал он
Свой шаг назад —
И воскрешен!

Вот это да! Вот это да!
Прошу любить — играйте марш!
Мак-Кинли — маг, суперзвезда,
Мессия наш, мессия наш!

Владыка тьмы
Его отверг,
Но примем мы —
Он человек!

Душ не губил
Сей славный муж,
Самоубий-
Ство — просто чушь!

Хоть это де-
Шево и враз —
Не проведешь
Его и нас!

Вот это да! Вот это да!
Вскричал петух и пробил час!
Мак-Кинли — бог, суперзвезда, —
Он среди нас, он среди нас!

Он рассудил,
Что вечность — хлам, —
И запылил
На свалку к нам.

Он даже спьяну
Не дурил,
Марихуану
Не курил.

И мы хотим
Отдать концы, —
Мы бегством мстим —
Мы беглецы!

Вот это да! Вот это да!..

1973

МИСТЕРИЯ ХИППИ

Мы рвем — и не найти концов.
Не выдаст черт, не съест свинья.
Мы — сыновья своих отцов,
Но — блудные мы сыновья.

Приспичило и припекло —
Мы не вернемся, видит бог,
Ни государству под крыло,
Ни под покров, ни на порог.

Вранье —
ваше вечное усердие!
Вранье —
безупречное житье!
Гнилье —
ваше сердце и предсердие!
Наследство — к черту: все, что ваше, — не мое!

К черту сброшена обуза —
Узы мы свели на нуль:
Нет у мамы карапуза,
Нет ни колледжа, ни вуза,
Нету крошек у папуль.

Довольно выпустили пуль
И кое-где и кое-кто
Из наших дорогих папуль —
На всю катушку, на все сто!

Довольно тискали вы краль
От января до января,
Нам ваша скотская мораль
От фонаря — до фонаря!

Долой —
ваши песни, ваши повести!
Долой —
ваш алтарь и аналой!
Долой —
угрызенья вашей совести!
Все ваши сказки богомерзкие — долой!

Выжимайте деньги в раже,
Только — стряпайте без нас
Ваши купли и продажи:
Нам — до рвоты ваши даже
Умиленье и экстаз!

Среди заросших пустырей
Наш дом — без стен, без крыши — кров, —
Мы — как изгои средь людей,
Пришельцы из других миров.

Уж лучше — где-нибудь ишачь,
Чтоб потом с кровью пропотеть,
Чем вашим воздухом дышать,
Богатством вашим богатеть.

Плевать
нам на ваши суеверия!
Кромсать
все, что ваше, проклинать!
Как знать,
что нам взять взамен неверия?
Но наши дети это точно будут знать!

Прорицатели, гадалки
Напророчили бедлам, —
Ну а мы уже на свалке —
В колесо фортуны палки
Ставим с горем пополам.

Так идите к нам, Мак-Кинли,
В наш разгневанный содом!
Вы и сам — не блудный сын ли?
Будет больше нас, Мак-Кинли!
Нет? Мы сами к вам придем!

1973

БАЛЛАДА ОБ ОРУЖИИ

По миру люди маленькие носятся, живут себе
в рассрочку, —
Плохие и хорошие, гуртом и в одиночку.

Хороших знаю хуже я —
У них, должно быть, — крылья!
С плохими — даже дружен я, —
Они хотят оружия,
Оружия, оружия
насилья!

Большие люди — туз и крез —
Имеют страсть к ракетам,
А маленьким — что делать без
Оружья в мире этом?

Гляди — вот тот ханыга —
В кармане денег нет,
Но есть в кармане фига —
Взведенный пистолет.

Мечтает он об ужине
Уже с утра и днем,
А пиджачок обуженный —
Топорщится на нем.

И с ним пройдусь охотно я
Под вечер налегке,
Смыкая пальцы потные
На спусковом крючке.

Я целеустремленный, деловитый,
Подкуренный, подколотый, подпитый!

Эй, что вы на меня уставились — я вроде не калека!
Мне горло промочить — и я сойду за человека.

Сходитесь, неуклюжие,
Со мной травить баланду, —
И сразу после ужина
Спою вам про оружие,
Оружие, оружие
балладу!

Большой игрок, хоть ростом гном, —
Сражается в картишки,
Блефуют крупно в основном
Ва-банк большие шишки.

И балуются бомбою, —
У нас такого нет,
К тому ж мы — люди скромные:
Нам нужен пистолет.

И вот в кармане — купленный
Обычный пистолет
И острый, как облупленный
Знакомый всем — стилет.

Снуют людишки в ужасе
По правой стороне,
А мы во всеоружасе
Шагаем по стране.

Под дуло попадающие лица,
Лицом к стене! Стоять! Не шевелиться!

Напрасно, парень, за забвением ты шаришь по аптекам, —
Купи себе хотя б топор — и станешь человеком!

Весь вывернусь наружу я —
И голенькую правду
Спою других не хуже я
Про милое оружие,
Оружие, оружие
балладу!

Купить белье нательное?
Да чёрта ли вам в нем!
Купите — огнестрельное, —
Направо за углом.

Ну, начинайте! Ну же!
Стрелять учитесь все!
В газетах про оружие —
На каждой полосе.

Вот сладенько под ложечкой,
Вот горько на душе:
Ухлопали художничка
За фунт папье-маше.

Ату! Стреляйте досыту —
В людей, щенков, котят, —
Продажу, слава господу,
Не скоро запретят!

Пока оружье здесь не под запретом,
Не бойтесь — всё в порядке в мире этом!

Не страшно без оружия — зубастой барракуде,
Большой и без оружия — большой, нам в утешенье, —

А маленькие люди — без оружия не люди:
Все маленькие люди без оружия — мишени.

Большие — лупят по слонам,
Гоняются за тиграми,
А мне, а вам — куда уж нам
Шутить такими играми!

Пускай большими сферами —
Большие люди занимаются, —
Один уже играл с "пантерами",
Другие — доиграются...

У нас в кармане "пушечка" —
Малюсенькая, новая, —
И нам земля — подушечка,
Подстилочка пуховая.

Кровь жидкая, болотная
Пульсирует в виске,
Синеют пальцы потные
На спусковом крючке.

Мы — маленькие люди, — на обществе прореха.
Но если вы посмотрите на нас со стороны —
За узкими плечами небольшого человека
Стоят понуро, хмуро дуры — две больших войны.

"Коль тих и скромен — не убьют" —
Всё домыслы досужие, —
У нас недаром продают
Любезное оружие!

А тут еще норд-ост подул —
Цена установилась сходная, —
У нас, благодаренье господу,
Страна пока свободная!

Ах, эта жизнь грошовая,
Как пыль, — подуй и нет! —
Поштучная, дешевая —
Дешевле сигарет.

И рвется жизнь-чудачка,
Как тонкий волосок, —
Одно нажатье пальчика
На спусковой крючок!

Пока легка покупка — мы все в порядке с вами,
Нам жизнь отнять — как плюнуть, — нас учили воевать!
Кругом и без войны — война, а с голыми руками —
Ни пригрозить, ни пригвоздить, ни самолет угнать!

Для пуль — все досягаемы, —
Ни черта нет, ни бога им,
И мы себе стреляем и
Мы никого не трогаем.

Стрельбе, азарту все цвета,
Все возрасты покорны:
И стар, и млад, и тот, и та,
И — желтый, белый, черный.

Опять сосет под ложечкой.
Привычнее уже
Убийца на обложечке,
Девулька в неглиже.

Наш мир кишит неудачниками
С топориками в руке
И мальчиками с пальчиками
На спусковом крючке!

1973

БАЛЛАДА ОБ УХОДЕ В РАЙ

Вот твой билет, вот твой вагон —
Всё в лучшем виде, — одному тебе дано
В цветном раю увидеть сон —
Трехвековое непрерывное кино.

Всё позади, — уже сняты
Все отпечатки, контрабанды не берем;
Как херувим, стерилен ты,
А класс второй — не высший класс, зато — с бельем.

Вот и сбывается все, что пророчится:
Уходит поезд в небеса — счастливый путь!
Ах, как нам хочется, как всем нам хочется
Не умереть, а именно — уснуть!

Земной перрон! Не унывай!
И не кричи — для наших воплей он оглох.
Один из нас поехал в рай, —
Он встретит бога там — ведь есть, наверно, бог!

Ты передай ему привет,
А позабудешь — ничего, переживем:
Осталось нам немного лет,
Мы пошустрим — и, как положено, умрем.

Вот и сбывается все, что пророчится:
Уходит поезд в небеса — счастливый путь!
Ах, как нам хочется, как всем нам хочется
Не умереть, а именно — уснуть!

Не всем дано поспать в раю,
Но кое-что мы здесь успеем натворить:
Подраться, спеть, — вот я — пою,
Другие — любят, третьи — думают любить.

Уйдут, как мы, в ничто без сна
И сыновья, и внуки внуков в трех веках...
Не дай господь, чтобы — война, —
А то мы правнуков оставим в дураках!

Вот и сбывается все, что пророчится:
Уходит поезд в небеса — счастливый путь!
Ах, как нам хочется, как всем нам хочется
Не умереть, а именно — уснуть!

Тебе плевать и хоть бы хны:
Лежишь, миляга, принимаешь вечный кайф, —
И нет забот, и нет вины, —
Ты — молодчина, это место подыскав.

...Разбудит вас какой-то тип
И впустит в мир, где в прошлом — войны, вонь и рак,
Где побежден гонконгский грипп, —
На всем готовеньком ты счастлив ли, дурак?!

Вот и сбывается все, что пророчится:
Уходит поезд в небеса — счастливый путь!
Ах, как нам хочется, как всем нам хочется
Не умереть, а именно — уснуть!

Итак, прощай, — звенит звонок!
Счастливый путь! Храни тебя от всяких бед!
А если там и вправду — бог,
Ты все же вспомни — передай ему привет!

1973

СТРЕЛЫ РОБИН ГУДА

РИЖСКАЯ СТУДИЯ, 1975

...Материал был отснят, баллады в него не вошли — опять по очень простому объяснению: кино приключенческое, зачем нужны туда серьезные, трагические баллады?

ПЕСНЯ О ВРЕМЕНИ

За́мок временем срыт и укутан, укрыт
В нежный плед из зеленых побегов,
Но... развяжет язык молчаливый гранит —
И холодное прошлое заговорит
О походах, боях и победах.

Время подвиги эти не стерло:
Оторвать от него верхний пласт
Или взять его крепче за горло —
И оно свои тайны отдаст.

Упадут сто замков и спадут сто оков,
И сойдут сто потов с целой груды веков,—
И польются легенды из сотен стихов —
Про турниры, осады, про вольных стрелков.

Ты к знакомым мелодиям ухо готовь
И гляди понимающим оком,—
Потому что любовь — это вечно любовь,
Даже в будущем вашем далеком.

Звонко лопалась сталь под напором меча,
Тетива от натуги дымилась,
Смерть на копьях сидела, утробно урча,
В грязь валились враги, о пощаде крича,
Победившим сдаваясь на милость.

Но не все, оставаясь живыми,
В доброте сохраняли сердца,
Защитив свое доброе имя
От заведомой лжи подлеца.

Хорошо, если конь закусил удила
И рука на копье поудобней легла,
Хорошо, если знаешь — откуда стрела,
Хуже — если по-подлому, из-за угла.

Как у вас там с мерзавцами? Бьют? Поделом!
Ведьмы вас не пугают шабашем?
Но... не правда ли, зло называется злом
Даже там — в добром будущем вашем?

И вовеки веков, и во все времена
Трус, предатель — всегда презираем,
Враг есть враг, и война все равно есть война,
И темница тесна, и свобода одна —
И всегда на нее уповаем.

Время эти понятья не стерло,
Нужно только поднять верхний пласт —
И дымящейся кровью из горла
Чувства вечные хлынут на нас.

Ныне, присно, во веки веков, старина,—
И цена есть цена, и вина есть вина,
И всегда хорошо, если честь спасена,
Если другом надежно прикрыта спина.

Чистоту, простоту мы у древних берем,
Саги, сказки — из прошлого тащим,—
Потому что добро остается добром —
В прошлом, будущем и настоящем!

1975

ПЕСНЯ О ВОЛЬНЫХ СТРЕЛКАХ

Если рыщут за твоею
Непокорной головой,
Чтоб петлей худую шею
Сделать более худой,—
Нет надежнее приюта:
Скройся в лес — не пропадешь,—
Если продан ты кому-то
С потрохами ни за грош.

Бедняки и бедолаги,
Презирая жизнь слуги,
И бездомные бродяги,
У кого одни долги,—
Все, кто загнан, неприкаян,
В этот вольный лес бегут,—
Потому что здесь хозяин —
Славный парень Робин Гуд!

Здесь с полслова понимают,
Не боятся острых слов,
Здесь с почетом принимают
Оторви-сорвиголов.
И скрываются до срока
Даже рыцари в лесах:
Кто без страха и упрека —
Тот всегда не при деньгах!

Знают все оленьи тропы,
Словно линии руки,
В прошлом — слуги и холопы,
Ныне — вольные стрелки.
Здесь того, кто все теряет,
Защитят и сберегут:
По лесной стране гуляет
Славный парень Робин Гуд!

И живут да поживают
Всем запретам вопреки
И ничуть не унывают
Эти вольные стрелки,—
Спят, укрывшись звездным небом,
Мох под ребра подложив,—
Им какой бы холод ни был —
Жив, и славно, если жив!

Но вздыхают от разлуки —
Где-то дом и клок земли —
Да поглаживают луки,
Чтоб в бою не подвели,
И стрелков не сыщешь лучших!..
Что же завтра, где их ждут —
Скажет первый в мире лучник
Славный парень Робин Гуд!

1975

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ

Когда вода Всемирного потопа
Вернулась вновь в границы берегов,
Из пены уходящего потока
На сушу тихо выбралась Любовь —

И растворилась в воздухе до срока,
А срока было — сорок сороков...

И чудаки — еще такие есть —
Вдыхают полной грудью эту смесь,
И ни наград не ждут, ни наказанья,—
И, думая, что дышат просто так,
Они внезапно попадают в такт
Такого же — неровного — дыханья.

Я поля влюбленным постелю —
Пусть поют во сне и наяву!..
Я дышу, и значит — я люблю!
Я люблю, и значит — я живу!

И много будет странствий и скитаний:
Страна Любви — великая страна!
И с рыцарей своих — для испытаний —
Все строже станет спрашивать она:
Потребует разлук и расстояний,
Лишит покоя, отдыха и сна...

Но вспять безумцев не поворотить —
Они уже согласны заплатить:
Любой ценой — и жизнью бы рискнули,—
Чтобы не дать порвать, чтоб сохранить
Волшебную невидимую нить,
Которую меж ними протянули.

Я поля влюбленным постелю —
Пусть поют во сне и наяву!..
Я дышу, и значит — я люблю!
Я люблю, и значит — я живу!

Но многих захлебнувшихся любовью
Не докричишься — сколько ни зови,—
Им счет ведут молва и пустословье,
Но этот счет замешен на крови.
А мы поставим свечи в изголовье
Погибших от невиданной любви...

И душам их дано бродить в цветах,
Их голосам дано сливаться в такт,

И вечностью дышать в одно дыханье,
И встретиться — со вздохом на устах —
На хрупких переправах и мостах,
На узких перекрестках мирозданья.

Свежий ветер избранных пьянил,
С ног сбивал, из мертвых воскрешал,—
Потому что если не любил —
Значит, и не жил, и не дышал!

1975

ПЕСНЯ О ДВУХ ПОГИБШИХ ЛЕБЕДЯХ

Трубят рога: скорей, скорей!—
И копошится свита.
Душа у ловчих без затей,
Из жил воловьих свита.

Ну и забава у людей —
Убить двух белых лебедей!
И стрелы ввысь помчались...
У лучников наметан глаз,—
А эти лебеди как раз
Сегодня повстречались.

Она жила под солнцем — там,
Где синих звезд без счета,
Куда под силу лебедям
Высокого полета.

Ты воспари — крыла раскинь —
В густую трепетную синь,
Скользи по божьим склонам,—
В такую высь, куда и впредь
Возможно будет долететь
Лишь ангелам и стонам.

Но он и там ее настиг —
И счастлив миг единый,—
Но может, был тот яркий миг
Их песней лебединой...

Двум белым ангелам сродни,
К земле направились они —
Опасная повадка!
Из-за кустов, как из-за стен,
Следят охотники за тем,
Чтоб счастье было кратко.

Вот утирают пот со лба
Виновники паденья:
Сбылась последняя мольба —
«Остановись, мгновенье!»

Так пелся вечный этот стих
В пик лебединой песне их —
Счастливцев одночасья:
Они упали вниз вдвоем,
Так и оставшись на седьмом,
На высшем небе счастья.

1975

Торопись — тощий гриф над страною кружи́т!
Лес — обитель твою — по весне навести!
Слышишь — гулко земля под ногами дрожит?
Видишь — плотный туман над полями лежит?
Это росы вскипают от ненависти!

Ненависть — в почках набухших томится,
Ненависть — в нас затаенно бурлит,
Ненависть — по́том сквозь кожу сочится,
Головы наши палит!

Погляди — что за рыжие пятна в реке,—
Зло решило порядок в стране навести.
Рукояти мечей холодеют в руке,
И отчаянье бьется, как птица, в виске,
И заходится сердце от ненависти!

Ненависть — юным уродует лица,
Ненависть — просится из берегов,

Зак. 157

Ненависть — жаждет и хочет напиться
Черною кровью врагов!

Да, нас ненависть в плен захватила сейчас,
Но не злоба нас будет из плена вести.
Не слепая, не черная ненависть в нас,—
Свежий ветер нам высушит слезы у глаз
Справедливой и подлинной ненависти!

Ненависть — пей, переполнена чаша!
Ненависть — требует выхода, ждет.
Но благородная ненависть наша
Рядом с любовью живет!

1975

БАЛЛАДА О БОРЬБЕ

Средь оплывших свечей и вечерних молитв,
Средь военных трофеев и мирных костров
Жили книжные дети, не знавшие битв,
Изнывая от детских своих катастроф.

Детям вечно досаден
Их возраст и быт —
И дрались мы до ссадин,
До смертных обид.
Но одежды латали
Нам матери в срок,
Мы же книги глотали,
Пьянея от строк.

Липли волосы нам на вспотевшие лбы,
И сосало под ложечкой сладко от фраз,
И кружил наши головы запах борьбы,
Со страниц пожелтевших слетая на нас.

И пытались постичь —
Мы, не знавшие войн,
За воинственный клич
Принимавшие вой,—
Тайну слова "приказ",
Назначенье границ,

Смысл атаки и лязг
Боевых колесниц.

А в кипящих котлах прежних боен и смут
Столько пищи для маленьких наших мозгов!
Мы на роли предателей, трусов, иуд
В детских играх своих назначали врагов.

И злодея следам
Не давали остыть,
И прекраснейших дам
Обещали любить;
И, друзей успокоив
И ближних любя,
Мы на роли героев
Вводили себя.

Только в грезы нельзя насовсем убежать:
Краткий век у забав — столько боли вокруг!
Попытайся ладони у мертвых разжать
И оружье принять из натруженных рук.

Испытай, завладев
Еще теплым мечом
И доспехи надев,—
Что почем, что почем!
Разберись, кто ты — трус
Иль избранник судьбы,
И попробуй на вкус
Настоящей борьбы.

И когда рядом рухнет израненный друг
И над первой потерей ты взвоешь, скорбя,
И когда ты без кожи останешься вдруг
Оттого, что убили — его, не тебя,—

Ты поймешь, что узнал,
Отличил, отыскал
По оскалу забрал —
Это смерти оскал! —
Ложь и зло, — погляди,
Как их лица грубы,
И всегда позади —
Воронье и гробы!

Если путь прорубая отцовским мечом
Ты соленые слезы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал что почем, —
Значит, нужные книги ты в детстве читал!

Если мяса с ножа
Ты не ел ни куска,
Если руки сложа
Наблюдал свысока
И в борьбу не вступил
С подлецом, с палачом —
Значит, в жизни ты был
Ни при чем, ни при чем!

1975

СКАЗ ПРО ТО, КАК ЦАРЬ ПЕТР АРАПА ЖЕНИЛ

«МОСФИЛЬМ», 1976

Я написал для картины несколько баллад и собирался их спеть — один или вместе с Валерием Золотухиным, но они тоже в фильм не попали...

КУПОЛА

Михаилу Шемякину

Как засмотрится мне нынче, как задышится?!
Воздух крут перед грозой, крут да вязок.
Что спостся мне сегодня, что услышится?
Птицы вещие поют — да все из сказок.

Птица Сирин мне радостно скалится —
Веселит, зазывает из гнезд,
А напротив — тоскует-печалится,
Травит душу чудной Алконост.

Словно семь заветных струн
Зазвенели в свой черед —
Это птица Гамаюн
Надежду подает!

В синем небе, колокольнями проколотом,—
Медный колокол, медный колокол —
То ль возрадовался, то ли осерчал...
Купола в России кроют чистым золотом —
Чтобы чаще Господь замечал.

Я стою, как перед вечною загадкою,
Пред великою да сказочной страною —
Перед солоно- да горько-кисло-сладкою,
Голубою, родниковою, ржаною.

Грязью чавкая жирной да ржавою,
Вязнут лошади по стремена,
Но влекут меня сонной державою,
Что раскисла, опухла от сна.

Словно семь богатых лун
На пути моем встает —
То мне птица Гамаюн
Надежду подает!

Душу, сбитую утратами да тратами,
Душу, стертую перекатами, —

Если до́ крови лоскут истончал,—
Залатаю золотыми я заплатами —
Чтобы чаще Господь замечал!

1975

РАЗБОЙНИЧЬЯ

Как во смутной волости
Лютой, злой губернии
Выпадали мо́лодцу
Всё шипы да тернии.

Он обиды зачерпнул, зачерпнул
Полные пригоршни,
Ну а горе, что хлебнул,—
Не бывает горше.

Пей отраву, хочь залейся!
Благо, денег не берут.
Сколь веревочка ни вейся —
Все равно совьешься в кнут!

Гонит неудачников
По́ миру с котомкою,
Жизнь текет меж пальчиков
Паутинкой тонкою.

А которых повело, повлекло
По лихой дороге —
Тех ветрами сволокло
Прямиком в остроги.

Тут на милость не надейся —
Стиснуть зубы да терпеть!
Сколь веревочка ни вейся —
Все равно совьешься в плеть!

Ах, лихая сторона,
Сколь в тебе ни рыскаю —
Лобным местом ты красна
Да веревкой склизкою!

А повешенным сам дьявол-сатана
Голы пятки лижет.
Смех, досада, мать честна! —
Ни пожить, ни выжить!

Ты не вой, не плачь, а смейся —
Слез-то нынче не простят.
Сколь веревочка ни вейся —
Все равно укоротят!

Ночью думы муторней.
Плотники не мешкают —
Не успеть к заутрене:
Больно рано вешают.

Ты об этом не жалей, не жалей, —
Что тебе отсрочка?!
На веревочке твоей
Нет ни узелочка!

Лучше ляг да обогрейся —
Я, мол, казни не просплю...
Сколь веревочка ни вейся —
А совьешься ты в петлю!

1975

ВЕТЕР НАДЕЖДЫ

ОДЕССКАЯ СТУДИЯ, 1977

Это о парусном судне "Товарищ",
на котором моряки проходят практику,
и о всех их приключениях в Мировом океане...

НАЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Этот день будет первым всегда и везде —
Пробил час, долгожданный серебряный час:
Мы ушли по весенней высокой воде,
Обещанием помнить и ждать заручась.

По горячим следам мореходов живых и экранных,
Что пробили нам курс через рифы, туманы и льды,
Мы под парусом белым идем с океаном на равных
Лишь в упряжке ветров — не терзая винтами воды.

Впереди — чудеса неземные!
А земле, чтобы ждать веселей,
Будем честно мы слать позывные —
Эту вечную дань кораблей.

Говорят, будто парусу реквием спет,
Черный бриг за пиратство в музей заточен,
Бросил якорь в историю стройный корвет,
Многотрубные увальни вышли в почет.

Но весь род моряков — сколько есть — до седьмого колена
Будет помнить о тех, кто ходил на накале страстей.
И текла за кормой добела раскаленная пена,
И щадила судьба непутевых своих сыновей.

Впереди — чудеса неземные!
А земле, чтобы ждать веселей,
Будем честно мы слать позывные —
Эту вечную дань кораблей.

Материк безымянный не встретим вдали,
Островам не присвоим названий своих —
Все открытые земли давно нарекли
Именами великих людей и святых.

Расхватали открытья — мы ложных иллюзий не строим, —
Но стекает вода с якорей, как живая вода.
Повезет — и тогда мы в себе эти земли откроем, —
И на берег сойдем — и останемся там навсегда.

Не смыкайте же век, рулевые,—
Вдруг расщедрится серая мгла —
На "Летучем Голландце" впервые
Запалят ради нас факела!

Впереди — чудеса неземные!
А земле, чтобы ждать веселей,
Будем честно мы слать позывные —
Эту вечную дань кораблей!

1976

ОДНА НАУЧНАЯ ЗАГАДКА, ИЛИ ПОЧЕМУ АБОРИГЕНЫ СЪЕЛИ КУКА

Не хватайтесь за чужие талии,
Вырвавшись из рук своих подруг!
Вспомните, как к берегам Австралии
Подплывал покойный ныне Кук,

Как, в кружок усевшись под азалии,
Поедом — с восхода до зари —
Ели в этой солнечной Австралии
Друга дружку злые дикари.

Но почему аборигены съели Кука,
За что — неясно, молчит наука.
Мне представляется совсем простая штука:
Хотели кушать — и съели Кука!

Есть вариант, что ихний вождь — Большая Бука —
Сказал, что — очень вкусный кок на судне Кука...
Ошибка вышла — вот о чем молчит наука:
Хотели — кока, а съели — Кука!

И вовсе не было подвоха или трюка —
Вошли без стука, почти без звука, —
Пустили в действие дубинку из бамбука —
Тюк! прямо в темя — и нету Кука!

Но есть, однако же, еще предположенье,
Что Кука съели из большого уваженья,—
Что всех науськивал колдун — хитрец и злюка:
"Ату, ребята, хватайте Кука!

Кто уплетет его без соли и без лука,
Тот сильным, смелым, добрым будет — вроде Кука!"
Комуй-то под руку попался каменюка —
Метнул, гадюка, — и нету Кука!

А дикари теперь заламывают руки,
Ломают копья, ломают луки,
Сожгли и бросили дубинки из бамбука —
Переживают, что съели Кука!

1971, ред. 1979

* * *

Вы в огне да и в море вовеки не сыщете брода, —
Мы не ждали его — не за легкой добычей пошли.
Провожая закат, мы живем ожиданьем восхода
И, влюбленные в море, живем ожиданьем земли.

Помнишь детские сны о походах Великой Армады,
Абордажи, бои, паруса — и под ложечкой ком?..
Все сбылось: "Становись! Становись!" — раздаются команды,
Это требует море — скорей становись моряком!

Наверху, впереди — злее ветры, багровее зори, —
Правда, сверху видней, впереди же — исход и земля.
Вы матросские робы, кровавые ваши мозоли
Не забудьте, ребята, когда-то надев кителя!

По сигналу "Пошел!" оживают продрогшие реи,
Горизонт опрокинулся, мачты упали ничком.
Становись, становись, становись человеком скорее, —
Это значит на море — скорей становись моряком!

Поднимаемся к небу по вантам, как будто по вехам,—
Там и ветер живой — он кричит, а не шепчет тайком:
Становись, становись, становись, становись человеком! —
Это значит на море — скорей становись моряком!

Чтоб отсутствием долгим вас близкие не попрекали,
Не грубейте душой и не будьте покорны судьбе, —
Оставайтесь, ребята, людьми, становясь моряками;
Становясь капитаном — храните матроса в себе!

1976

ШТОРМ

Мы говорим не "штормы", а "шторма́" —
Слова выходят коротки и смачны:
"Ветра́" — не "ветры" — сводят нас с ума,
Из палуб выкорчевывая мачты.

Мы на приметы наложили вето —
Мы чтим чутье компа́сов и носов.
Упругие тугие мышцы ветра
Натягивают кожу парусов.

На чаше звездных — подлинных — Весов
Седой Нептун судьбу решает нашу,
И стая псов, голодных Гончих Псов,
Надсадно воя, гонит нас на Чашу.

Мы — призрак легендарного корвета,
Качаемся в созвездии Весов.
И словно заострились струи ветра —
И вспарывают кожу парусов.

По курсу — тень другого корабля,
Он шел — и в штормы хода не снижая.
Глядите — вон болтается петля
На рее, по повешенным скучая!

С ним Провиденье поступило круто:
Лишь вечный штиль — и прерван ход часов, —
Попутный ветер словно бес попутал —
Он больше не находит парусов.

Нам кажется, мы слышим чей-то зов —
Таинственные четкие сигналы...
Не жажда славы, гонок и призов
Бросает нас на гребни и на скалы.

Изведать то, чего не ведал сроду, —
Глазами, ртом и кожей пить простор!..
Кто в океане видит только воду —
Тот на земле не замечает гор.

Пой, ураган, нам злые песни в уши,
Под череп проникай и в мысли лезь,
Лей звездный дождь, вселяя в наши души
Землей и морем вечную болезнь!

1976

ГИМН МОРЮ И ГОРАМ

Заказана погода нам Удачею самой,
Довольно футов нам под киль обещано,
И небо поделилось с океаном синевой —
Две синевы у горизонта скрещены.

Не правда ли, морской хмельной невиданный простор
Сродни горам в безумье, буйстве, кротости:
Седые гривы волн чисты, как снег на пиках гор,
И впадины меж ними — словно пропасти!

Служение стихиям не терпит суеты,
К двум полюсам ведет меридиан.
Благословенны вечные хребты,
Благословен Великий океан!

Нам сам Великий случай — брат, Везенье — сестра,
Хотя — на всякий случай — мы встревожены.
На суше пожелали нам ни пуха ни пера,
Созвездья к нам прекрасно расположены.

Мы все — впередсмотрящие, все начали с азов,
И если у кого-то невезение —
Меняем курс, идем на SOS, как там, в горах, — на зов,
На помощь, прерывая восхождение.

Служение стихиям не терпит суеты,
К двум полюсам ведет меридиан.

Благословенны вечные хребты,
Благословен Великий океан!

Потери подсчитаем мы, когда пройдет гроза, —
Не сединой, а солью убеленные, —
Скупая океанская огромная слеза
Умоет наши лица просветленные...

Взята вершина — клотики вонзились в небеса!
С небес на землю — только на мгновение:
Едва закончив рейс, мы поднимаем паруса —
И снова начинаем восхождение.

Служение стихиям не терпит суеты,
К двум полюсам ведет меридиан,
Благословенны вечные хребты,
Благословен Великий океан!

1976

МОРЕПЛАВАТЕЛЬ-ОДИНОЧКА

Вот послал господь родителям сыночка:
Люльку в лодку переделать велел, —
Мореплаватель родился одиночка —
Сам укачивал себя, сам болел...

Не по году он мужал — по денечку,
И уже из колыбели дерзал:
К мореплаванью готовясь в одиночку,
Из пеленок паруса вырезал.

...Прямо по но́су — глядите! — то ли бочка,
То ли яхта, то ли плот, то ли — нет:
Мореплаватель, простите, одиночка
Посылает нам мудреный привет!

Ой ребята, не к добру проволочка!
Сплюньте трижды все, кто на корабле:
Мореплаватель на море одиночка —
Вроде черного кота на земле!

"Вы откуда — отвечайте нам, и точка, —
Не могли же вы свалиться с небес?!
Мы считали, что какой-то одиночка
В треугольнике Бермудском исчез..."

"Это утка, это бред — все до строчки! —
И простите, если резок и груб, —
Я там плавал, извините, в одиночку:
Он совсем не треугольник, а куб!

Были бедствия — посуда на кусочки!
Била Бетси — ураган — все подряд, —
Мореплаватели нынче — одиночки —
Из летающих тарелок едят!.."

Вот добавил он в планктон кипяточку...
Как орудует: хоть мал, да удал!
Глядь — и ест деликатесы в одиночку, —
А из нас — таких никто не едал.

И поведал он, что пьет он по глоточку,
Чтоб ни капле не пропасть в бороде, —
Мореплаватель, простите, в одиночку
Философию развел на воде.

"Не искусственную ли оболочку
Вы вокруг себя, мой друг, возвели?
Мореплаванью, простите, в одиночку
Наше общество предпочли?"

Он ответил: "Вы попали прямо в точку!
Жаль, на суше не пожать вам руки.
В море плавая подолгу в одиночку,
Я по вас затосковал, моряки!"

Мы, услыша что-нибудь, сразу — в строчку,
Мы, завидя что-нибудь, — в негатив!
Мореплавателя сняли, одиночку,
В фотографию его превратив.

Ах, побольше б нам немного юморочку! —
Поскучнели, отрешась от земли, —
Мореплавателя — брата — одиночку
Мы хотя бы как смогли развлекли!

Так поменьше им преград и отсрочек,
И задорин на пути, и сучков!
Жаль, что редко их встречаешь — одиночек, —
Славных малых и таких чудаков!

1976

ВООРУЖЕН И ОЧЕНЬ ОПАСЕН

СТУДИЯ ИМ. ГОРЬКОГО, 1976

Это — шестидесятые годы прошлого века, ковбойская тема. Только что начали добывать нефть...

РАССКАЖИ, ДОРОГОЙ

Расскажи, дорогой,
Что случилось с тобой?
Расскажи, дорогой, не таясь!
Может, все потерял,
Проиграл, прошвырял?
Может, ангел-хранитель не спас?

Или просто устал?
Или поздно стрелял?
Или спутал, бедняга, где верх и где низ?
В рай хотел? Это — верх.
Ах, чудак человек!
Что поделать теперь? Улыбнись!

Сколько славных парней,
загоняя коней,
Рвутся в мир, где не будет ни злобы, ни лжи!
Неужели, чудак,
ты собрался туда?
Что с тобой, дорогой, — расскажи!

Может быть, дорогой,
Ты скакал за судьбой?
Умолял: "Подожди! Оглянись!"
Оглянулась она —
И стара, и страшна, —
Наплевать на нее — улыбнись!

А беду, черт возьми,
Ты запей, задыми —
И еще раз попробуй садись на коня!
Хоть на миг, на чуть-чуть
Ты ее позабудь, —
Обними, если хочешь, меня!

Сколько славных парней,
загоняя коней,
Рвутся в мир, где не будет ни злобы, ни лжи!
Неужели, чудак,
ты собрался туда?
Что с тобой, дорогой, — расскажи!

Притомился — приляг!
Вся земля — для бродяг.
Целый век у тебя впереди.
А прервется твой век —
Там, в земле, человек
Потеснится — давай заходи!

Отдохни — не спеши!
Сбрось всю тяжесть с души —
За удачею лучше идти налегке!
Все богатство души
Нынче стоит гроши —
Меньше глины и грязи в реке.

Сколько славных парней,
загоняя коней,
Рвутся в мир, где ни злобы, ни лжи — лишь покой!
Если, милый чудак,
доберешься туда —
Не забудь обо мне, дорогой!

1976

НЕ ГРУСТИ

Не грусти! —
Забудь за дверью грусть.
Заплати! —
А я развлечь берусь.
Потерпи, — уйду ненадолго,
Допою — и сразу вернусь.

Попробуйте забыться,
Не думать о дурном!
Оставьте злые лица
Направо за углом!

Оставьте боли и заботы
своему врагу!
Я в этом охотно
помогу.

Когда вы слишком чинны —
Мы вянем от тоски:

Усталые мужчины —
Плохие... шутники!

Не выпьют лишнего ни йоты,
мало куражу,
Пока я им что-то
не скажу.

Пей вино!
Ах, ты не пьешь вина?
Все равно! —
Я за двоих пьяна.
Так и быть — я завтра забуду,
Что была в тебя влюблена.

Забыли вы морщины
Разгладить на лице —
Они на вас, мужчины, —
Как фрак на мертвеце!

Про наши нежные расчеты
дома — ни гугу!
Я в этом охотно
помогу.

Грешны вы иль невинны —
Какие пустяки!
Усталые мужчины —
Такие... чудаки!

Не скажут лишнего ни йоты,
мало куражу,
Пока я им что-то
не скажу.

Ах, жара!
Какая здесь жара!
Всё — игра,
Вся наша жизнь — игра...
Но в игре бывает удача
И — счастливые номера!

Нет золотой долины —
Всё проигрыш и прах.

А выигрыш, мужчины, —
В отдельных номерах!

Играйте, но не для наживы,
а на весь кураж, —
И номер счастливый
будет ваш!

На нас не пелерины —
Мы бабочки в пыльце, —
Порхаем — а мужчины
Меняются в лице.

Порхайте с нами беззаботно,
словно на лугу!
А я вам охотно
помогу!

1976

ВООРУЖЕН И ОЧЕНЬ ОПАСЕН

Запоминайте!
Приметы — это суета, —
Стреляйте в черного кота,
Но сплюнуть трижды никогда
Не забывайте!

И не дрожите!
Молясь, вы можете всегда
Уйти от Страшного суда, —
А вот от пули, господа,
Не убежите!

Кто там крадется вдоль стены —
Всегда в тени и со спины?
Его шаги едва слышны —
Остерегитесь!
Он врал, что истина в вине,
Кто доверял ему вполне —
Уже упал с ножом в спине, —
Поберегитесь!

За маской не узнать лица,
В глазах — по девять грамм свинца,
Расчет его точен и ясен.
Он не полезет на рожон,
Он до зубов вооружен
И очень, очень опасен!

Не доверяйте
Ему ни тайн своих, ни снов,
Не говорите лишних слов —
Под пули зря своих голов
Не подставляйте!

Гниль и болото
Произвели его на свет;
Неважно, прав ты или нет —
Он в ход пускает пистолет
С пол-оборота.

Он жаден, зол, хитер, труслив,
Когда он пьет — тогда слезлив,
Циничен он и не брезглив:
"Когда и — сколько?"
Сегодня я, а завтра ты, —
Нас уберут без суеты.
Зрачки его черны, пусты —
Как дула кольта.

За маской не узнать лица,
В глазах — по девять грамм свинца,
Расчет его точен и ясен.
Он не полезет на рожон,
Он до зубов вооружен
И очень, очень опасен!

1976

ЖИВУЧИЙ ПАРЕНЬ

Живет живучий парень Барри
Не вылезая из седла,
По горло он богат долгами,
Но если спросишь, как дела, —

Поглаживая пистолет,
Сквозь зубы процеди́т небрежно:
"Пока еще законов нет,
То только на него надежда!"

Он кручен-верчен, бит о камни,
Но все в порядке с головой.
Ведь он — живучий парень, Барри:
Глоток воды — и вновь живой!

Он, если нападут на след,
Коня по гриве треплет нежно:
"Погоня, брат. Законов нет —
И только на тебя надежда!"

Ваш дом горит — черно от гари,
И тщетны вопли к небесам:
При чем тут бог — зовите Барри,
Который счеты сводит сам!

Сухим выходит он из бед,
Хоть не всегда суха одежда.
Пока в законах проку нет —
У всех лишь на него надежда!

Да, на́ руку он скор с врагами,
А другу — словно талисман.
Таков живучий парень Барри —
Полна душа и пуст карман!

Он вовремя найдет ответ,
Коль свару заведет невежда, —
Пока в стране законов нет,
То только на себя надежда!

1976

* * *

Живу я в лучшем из миров —
Не нужно хижины мне!
Земля — постель, а небо — кров,
Мне стены — лес, могила — ров, —
Мурашки по спине.

Но мне хорошо!

Мне славно жить в стране —
Во рву, на самом дне —
В приятной тишине.

Лучи палят — не надо дров, —
Любой — ко мне заходи!
Вот только жаль — не чинят кров,
А в этом лучшем из миров
Бывают и дожди.

Но мне хорошо!

Не веришь — заходи,
Садись и не зуди, —
Гляди не разбуди!

И все прекрасно — всё по мне, —
Хвала богам от меня!
Еще есть дырка на ремне,
Я мог бы ездить на коне —
Да только нет коня.

Но мне хорошо!

Все беды — болтовня.
Я, струнами звеня,
Пою подряд три дня —
Послушайте меня!

1976

* * *

Это вовсе не френч канкан,
не френч —
Вас решили в волшебный фонтан
увлечь, —
Все течет, изменяется, бьет —
не плачь! —
Кто в фонтане купается — тот
богач.

Что, приятель, в таком раздрызге,
Отупел, с нищетой смирясь!
Окунайся в черные брызги,
Окунайся в черную грязь!

Копошатся в ней, копошатся —
Наплевать, что мокрей мокриц, —
Все надеются оказаться
В золотом — как сказочный принц.

Не для всяких открыт фонтан — о нет, —
А для всяких сегодня канкан — балет.
Куплен этот фонтан с потрохами
весь,
Ну а брызги летят между вами
здесь.

А ворота у входа в фонтан —
как пасть, —
Осторожнее: можно в капкан
попасть!
Если дыры в кармане — какой
расчет?!
Ты утонешь в фонтане — другой
всплывет.

1976

ВТОРАЯ ПОПЫТКА ВИКТОРА КРОХИНА

«ЛЕНФИЛЬМ», 1977

Детские воспоминания — очень сильные.
Я помню с двух лет — невероятно просто —
все события. Я помню, например,
как я провожал отца на фронт. С Рижского
вокзала. Досконально, просто до одной
секунды — как меня привели в поезд, как я сел,
сказал: "Вот мы тут поедем..." И вдруг
я смотрю — он уже машет платком мне, —
и уехал...

БАЛЛАДА О ДЕТСТВЕ

Час зачатья я помню неточно, —
Значит, память моя — однобока, —
Но зачат я был ночью, порочно
И явился на свет не до срока.

Я рождался не в муках, не в злобе, —
Девять месяцев — это не лет!
Первый срок отбывал я в утробе, —
Ничего там хорошего нет.

Спасибо вам, святители,
Что плюнули да дунули,
Что вдруг мои родители
Зачать меня задумали —

В те времена укромные,
Теперь — почти былинные,
Когда срока огромные
Брели в этапы длинные.

Их брали в ночь зачатия,
А многих — даже ранее, —
А вот живет же братия —
Моя честна компания!

Ходу, думушки резвые, ходу!
Сло́ва, строченьки милые, сло́ва!..
В первый раз получил я свободу
По указу от тридцать восьмого.

Знать бы мне, кто так долго мурыжил, —
Отыгрался бы на подлеце!
Но родился, и жил я, и выжил, —
Дом на Первой Мещанской — в конце.

Там за стеной, за стеночкою,
За перегородочкой
Соседушка с соседочкою
Баловались водочкой.

Все жили вровень, скромно так, —
Система коридорная,

На тридцать восемь комнаток —
Всего одна уборная.

Здесь на́ зуб зуб не попадал,
Не грела телогреечка,
Здесь я доподлинно узнал,
Почем она — копеечка.

...Не боялась сирены соседка,
И привыкла к ней мать понемногу,
И плевал я — здоровый трехлетка —
На воздушную эту тревогу!

Да не все то, что сверху, — от бога, —
И народ "зажигалки" тушил;
И как малая фронту подмога —
Мой песок и дырявый кувшин.

И било солнце в три луча,
Сквозь дыры крыш просеяно,
На Евдоким Кирилыча
И Гисю Моисеевну.

Она ему: "Как сыновья?"
"Да без вести пропавшие!
Эх, Гиська, мы одна семья —
Вы тоже пострадавшие!

Вы тоже — пострадавшие,
А значит — обрусевшие:
Мои — без ве́сти павшие,
Твои — безвинно севшие".

...Я ушел от пеленок и сосок,
Поживал — не забыт, не заброшен,
И дразнили меня : "Недоносок", —
Хоть и был я нормально доношен.

Маскировку пытался срывать я:
Пленных гонят — чего ж мы дрожим?!
Возвращались отцы наши, братья
По домам — по своим да чужим...

У тети Зины кофточка
С драконами да змеями, —
То у Попова Вовчика
Отец пришел с трофеями.

Трофейная Япония,
Трофейная Германия...
Пришла страна Лимония,
Сплошная Чемодания!

Взял у отца на станции
Погоны, словно цацки, я, —
А из эвакуации
Толпой валили штатские.

Осмотрелись они, оклемались,
Похмелились — потом протрезвели.
И отплакали те, кто дождались,
Недождавшиеся — отревели.

Стал метро рыть отец Витькин с Генкой, —
Мы спросили — зачем? — он в ответ:
"Коридоры кончаются стенкой,
А тоннели — выводят на свет!"

Пророчество папашино
Не слушал Витька с корешем —
Из коридора нашего
В тюремный коридор ушел.

Да он всегда был спорщиком,
Припрут к стене — откажется ...
Прошел он коридорчиком —
И кончил "стенкой", кажется.

Но у отцов — свои умы,
А что до нас касательно —
На жизнь засматривались мы
Уже самостоятельно.

Все — от нас до почти годовалых —
"Толковищу" вели до кровянки, —
А в подвалах и полуподвалах
Ребятишкам хотелось под танки.

Не досталось им даже по пуле, —
В "ремеслухе" — живи да тужи:
Ни дерзнуть, ни рискнуть, — но рискнули
Из напильников делать ножи.

Они воткнутся в легкие,
От никотина черные,
По рукоятки легкие
Трехцветные наборные...

Вели дела обменные
Сопливые острожники —
На стройке немцы пленные
На хлеб меняли ножики.

Сперва играли в "фантики",
В "пристенок" с крохоборами, —
И вот ушли романтики
Из подворотен во́рами.

...Спекулянтка была номер перший —
Ни соседей, ни бога не труся,
Жизнь закончила миллионершей —
Пересветова тетя Маруся.

У Маруси за стенкой говели, —
И она там втихую пила...
А упала она — возле двери, —
Некрасиво так, зло умерла.

Нажива — как наркотика, —
Не выдержала этого
Богатенькая тетенька
Маруся Пересветова.

Но было все обыденно:
Заглянет кто — расстроится.
Особенно обидело
Богатство — метростроевца.

Он дом сломал, а нам сказал:
"У вас носы не вытерты,
А я, за что я воевал?!" —
И разные эпитеты.

...Было время — и были подвалы,
Было дело — и цены снижали,
И текли куда надо каналы,
И в конце куда надо впадали.

Дети бывших старшин да майоров
До ледовых широт поднялись,
Потому что из тех коридоров,
Им казалось, сподручнее — вниз.

1975

ЗАБУДЬТЕ СЛОВО СМЕРТЬ

ОДЕССКАЯ СТУДИЯ, 1979

...Леша Зубов написал прекрасную оркестровку этой музыки, мы ее записали с оркестром — а потом оказалось, что в фильме ее нету...

Зак. 15

ПОЖАРЫ

Пожары над страной все выше, жарче, веселей,
Их отблески плясали в два притопа три прихлопа, —
Но вот Судьба и Время пересели на коней,
А там — в галоп, под пули в лоб, —
И мир ударило в озноб
От этого галопа.

Шальные пули злы, слепы и бестолковы,
А мы летели вскачь — они за нами влет, —
Расковывались кони — и горячие подковы
Летели в пыль — на счастье тем, кто их потом найдет

Увертливы поводья, словно угри,
И спутаны и волосы и мысли на бегу, —
А ветер дул — и расплетал нам кудри
И распрямлял извилины в мозгу.

Ни бегство от огня, ни страх погони — ни при чем,
А Время подскакало, и Фортуна улыбалась, —
И сабли седоков скрестились с солнечным лучом, —
Седок — поэт, а конь — Пегас.
Пожар померк, потом погас, —
А скачка разгоралась.

Еще не видел свет подобного аллюра —
Копыта били дробь, трезвонили капель.
Помешанная на крови слепая пуля-дура
Прозрела, поумнела вдруг — и чаще била в цель.

И кто кого — азартней перепляса,
И кто скорее — в этой скачке опоздавших нет, —
А ветер дул, с костей сдувая мясо
И радуя прохладою скелет.

Удача впереди и исцеление больным, —
Впервые скачет Время напрямую — не по кругу,
Обещанное *завтра* будет горьким и хмельным...
Легко скакать, врага видать,
И друга тоже — благодать!
Судьба летит по лугу!

Доверчивую Смерть вкруг пальца обернули —
Замешкалась она, забыв махнуть косой, —
Уже не догоняли нас и отставали пули...
Удастся ли умыться нам не кровью, а росой?!

Пел ветер все печальнее и глуше,
Навылет Время ранено, досталось и Судьбе.
Ветра и кони — и тела и души
Убитых — выносили на себе.

1978

МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

ОДЕССКАЯ СТУДИЯ (по заказу ТВ), 1979

Многие спрашивают, почему я не спел в этой картине, хотя имелась возможность спеть и дворовые песни, и какую-нибудь лирическую песню о работниках розыска. Ну, — как-то не случилось...

О КОНЦЕ ВОЙНЫ

Сбивают из досок столы во дворе, —
Пока не накрыли — стучат в домино...
Дни в мае длиннее ночей в декабре,
И тянется время — но все решено!

Уже довоенные лампы горят вполнакала,
Из окон на пленных глазела Москва свысока, —
А где-то солдатиков в сердце осколком толкало,
А где-то разведчикам надо добыть языка.

Вот уже обновляют знамена, и строят в колонны,
И булыжник на площади чист, как паркет на полу, —
А все же на запад идут и идут, и идут батальоны,
И над похоронкой заходятся бабы в тылу.

Не выпито всласть родниковой воды,
Не куплено впрок обручальных колец —
Всё смыло потоком великой беды,
Которой приходит конец наконец!

Со стекол содрали кресты из полосок бумаги,
И шторы долой — затемненье уже ни к чему, —
А где-нибудь — спирт раздают перед боем из фляги:
Он все выгоняет — и холод, и страх, и чуму.

Вот уже очищают от копоти свечек иконы,
А душа и уста — и молитвы творят, и стихи, —
Но с красным крестом всё идут и идут, и идут эшелоны,
А вроде по сводкам — потери не так велики.

Уже зацветают повсюду сады,
И землю прогрело и воду во рвах, —
И скоро награда за ратны труды —
Подушка из свежей травы в головах!

Уже не маячат над городом аэростаты,
Замолкли сирены, готовясь победу трубить, —
Но ротные все-таки выйти успеют в комбаты —
Которого всё еще запросто могут убить.

Вот уже зазвучали трофейные аккордеоны,
Вот и клятвы слышны — жить в согласье, любви,
без долгов, —
И все же на запад идут и идут, и идут эшелоны,
А нам показалось — почти не осталось врагов!..

1978

и
ис
о

ТОЧКА ОТСЧЕТА

«БЕЛАРУСЬФИЛЬМ», 1979 (1981)

Это новый фильм режиссера Виктора Турова, и опять в нем звучат три мои песни в моем исполнении и в исполнении моей жены — она их поет на русском языке.

БЕЛЫЙ ВАЛЬС

Какой был вальс! Накал движенья, звука, нервов!
Сердца стучали на три счета вместо двух.
К тому же дамы приглашали кавалеров
На белый вальс традиционный — и захватывало дух.

Ты сам, хотя танцуешь с горем пополам,
Давно решился пригласить ее одну, —
Но вечно надо отлучаться по делам —
Спешить на помощь, собираться на войну.

И вот, все ближе, все реальней становясь,
Она, к которой подойти намеревался,
Идет сама, чтоб пригласить тебя на вальс, —
И кровь в виски твои стучится в ритме вальса.

> Ты внешне спокоен средь шумного бала,
> Но тень за тобою тебя выдавала —
> Металась, ломалась, дрожала она
> в зыбком свете свечей.
> И бережно держа, и бешено кружа,
> Ты мог бы провести ее по лезвию ножа, —
> Не стой же ты руки сложа,
> сам не свой и — ничей!

> Если петь без души — вылетает из уст белый звук.
> Если строки ритмичны без рифмы,
> тогда говорят: белый стих.
> Если все цвета радуги снова сложить —
> будет свет, белый свет.
> Если все в мире вальсы сольются в один —
> будет вальс, белый вальс.

Был белый вальс — конец сомненья маловеров
И завершенье юных снов, забав, утех, —
Сегодня дамы приглашали кавалеров —
Не потому, не потому, что мало храбрости у тех.

Возведены на время бала в званье дам,
И кружит головы нам вальс, как в старину.
Партнерам скоро отлучаться по делам —
Спешить на помощь, собираться на войну.

Белее снега, белый вальс, кружись, кружись,
Чтоб снегопад подольше не прервался!
Она пришла, чтоб пригласить тебя на жизнь, —
И ты был бел — бледнее стен, белее вальса.

Ты внешне спокоен средь шумного бала,
Но тень за тобою тебя выдавала —
Металась, ломалась, дрожала она
в зыбком свете свечей.

И бережно держа, и бешено кружа,
Ты мог бы провести ее по лезвию ножа, —
Не стой же ты руки сложа,
сам не свой и — ничей!

Если петь без души — вылетает из уст белый звук.
Если строки ритмичны без рифмы,
тогда говорят: белый стих.
Если все цвета радуги снова сложить —
будет свет, белый свет.
Если все в мире вальсы сольются в один —
будет вальс, белый вальс!

Где б ни был бал — в лицее, в Доме офицеров,
В дворцовой зале, в школе — как тебе везло, —
В России дамы приглашали кавалеров
Во все века на белый вальс, и было все белым-бело.

Потупя взоры, не смотря по сторонам,
Через отчаянье, молчанье, тишину
Спешили женщины прийти на помощь к нам, —
Их бальный зал — величиной во всю страну.

Куда б ни бросило тебя, где б ни исчез, —
Припомни этот белый зал — и улыбнешься.
Век будут ждать тебя — и с моря и с небес —
И пригласят на белый вальс, когда вернешься.

Ты внешне спокоен средь шумного бала,
Но тень за тобою тебя выдавала —
Металась, ломалась, дрожала она
в зыбком свете свечей.

И бережно держа, и бешено кружа,
Ты мог бы провести ее по лезвию ножа, —
Не стой же ты руки сложа,
сам не свой и — ничей!

Если петь без души — вылетает из уст белый звук.
Если строки ритмичны без рифмы,
тогда говорят: белый стих.
Если все цвета радуги снова сложить —
будет свет, белый свет.
Если все в мире вальсы сольются в один —
будет вальс, белый вальс.

1978

* * *

Так случилось — мужчины ушли,
Побросали посевы до срока, —
Вот их больше не видно из окон —
Растворились в дорожной пыли.

Вытекают из колоса зерна —
Эти слезы несжатых полей,
И холодные ветры проворно
Потекли из щелей.

Мы вас ждем — торопите коней!
В добрый час, в добрый час, в добрый час!
Пусть попутные ветры не бьют, а ласкают вам спины...
А потом возвращайтесь скорей:
Ивы плачут по вас,
И без ваших улыбок бледнеют и сохнут рябины.

Мы в высоких живем теремах —
Входа нет никому в эти зданья:
Одиночество и ожиданье
Вместо вас поселились в домах.

Потеряла и свежесть и прелесть
Белизна ненадетых рубах,
Да и старые песни приелись
И навязли в зубах.

Мы вас ждем — торопите коней!
В добрый час, в добрый час, в добрый час!
Пусть попутные ветры не бьют, а ласкают вам спины...
А потом возвращайтесь скорей:
Ивы плачут по вас,
И без ваших улыбок бледнеют и со́хнут рябины.

Все единою болью болит,
И звучит с каждым днем непрестанней
Вековечный надрыв причитаний
Отголоском старинных молитв.

Мы вас встретим и пеших, и конных,
Утомленных, нецелых — любых, —
Только б не пустота похоронных,
Не предчувствие их!

Мы вас ждем — торопите коней!
В добрый час, в добрый час, в добрый час!
Пусть попутные ветры не бьют, а ласкают вам спины...
А потом возвращайтесь скорей,
Ибо плачут по вас,
И без ваших улыбок бледнеют и сохнут рябины.

1972

ПЕСНЯ О ДВУХ КРАСИВЫХ АВТОМОБИЛЯХ

Без запретов и следов,
Об асфальт сжигая шины,
Из кошмара городов
Рвутся за́ город машины, —
И громоздкие, как танки,
"Форды", "линкольны", "селены",
Элегантные "мустанги",
"Мерседесы", "ситроены".

Будто знают — игра стоит свеч, —
Это будет как кровная месть городам!
Поскорей — только б свечи не сжечь,
Карбюратор... и что у них есть еще там...

И не видно полотна —
Лимузины, лимузины...
Среди них — как два пятна —
Две красивые машины, —
Будто связанные тросом
(А где тонко, там и рвется).
Аксельраторам, подсосам
Больше дела не найдется.

Будто знают — игра стоит свеч, —
Только б вырваться — выплатят всё по счетам!
Ну а может, он скажет ей речь
На клаксоне... и что у них есть еще там...

Это скопище машин
На тебя таит обиду, —
Светло-серый лимузин,
Не теряй ее из виду!
Впереди, гляди, разъезд, —
Больше риска, больше веры!
Опоздаешь!.. Так и есть —
Ты промедлил, светло-серый!

Они знали — игра стоит свеч, —
А теперь — что ж сигналить рекламным щитам?!
Ну а может, гора ему с плеч, —
Иль с капота... и что у них есть еще там...

Нет, развилка — как беда:
Стрелки врозь — и вот не здесь ты!
Неужели никогда
Не сближают нас разъезды?
Этот — сходится, один! —
И, врубив седьмую скорость,
Светло-серый лимузин
Позабыл нажать на тормоз...

Что ж съезжаться — пустые мечты?
Или это есть кровная месть городам?..
Покатились колеса, мосты, —
И сердца... или что у них есть еще там...

1968

ЗАТЯЖНОЙ ПРЫЖОК

Хорошо, что за ревом не слышалось звука,
Что с позором своим был один на один:
Я замешкался возле открытого люка —
И забыл пристегнуть карабин.

Мне инструктор помог — и коленом пинок —
Перейти этой слабости грань:
За обычное наше "Смелее, сынок!"
Принял я его сонную брань.

И оборвали крик мой,
И обожгли мне щеки
Холодной острой бритвой
Восходящие потоки.
И звук обратно в печень мне
Вогнали вновь на вдохе
Веселые, беспечные
Воздушные потоки.

Я попал к ним в умелые, цепкие руки:
Мнут, швыряют меня — что хотят, то творят!
И с готовностью я сумасшедшие трюки
Выполняю шутя — все подряд.

Есть ли в этом паденье какой-то резон,
Я узнаю пото́м, а пока —
То валился в лицо мне земной горизонт,
То шарахались вниз облака.

И обрывали крик мой,
И выбривали щеки
Холодной острой бритвой
Восходящие потоки.
И кровь вгоняли в печень мне,
Упруги и жестоки,
Невидимые встречные
Воздушные потоки.

Но рванул я кольцо на одном вдохновенье,
Как рубаху от ворота или чеку.
Это было в случайном свободном паденье —
Восемнадцать недолгих секунд.

А теперь — некрасив я, горбат с двух сторон,
В каждом горбе — спасительный шелк.
Я на цель устремлен и влюблен, и влюблен
В затяжной, неслучайный прыжок!

И обрывают крик мой,
И выбривают щеки
Холодной острой бритвой
Восходящие потоки.
И проникают в печень мне
На выдохе и вдохе
Бездушные и вечные
Воздушные потоки.

Беспримерный прыжок из глубин стратосферы —
По сигналу "Пошел!" я шагнул в никуда, —
За невидимой тенью безликой химеры,
За свободным паденьем — айда!

Я пробьюсь сквозь воздушную ватную тьму,
Хоть условья паденья не те.
Но и падать свободно нельзя — потому,
Что мы падаем не в пустоте.

И обрывают крик мой,
И выбривают щеки
Холодной острой бритвой
Восходящие потоки.
На мне мешки заплечные,
Встречаю — руки в боки —
Прямые, безупречные
Воздушные потоки.

Ветер в уши сочится и шепчет скабрезно:
"Не тяни за кольцо — скоро легкость придет..."
До земли триста метров — сейчас будет поздно!
Ветер врет, обязательно врет!

Стропы рвут меня вверх, выстрел купола — стоп!
И — как не было этих минут.
Нет свободных падений с высот, но зато —
Есть свобода раскрыть парашют!

Мне охлаждают щеки
И открывают веки —
Исполнены потоки
Забот о человеке!
Глазею ввысь печально я —
Там звезды одиноки —
И пью горизонтальные
Воздушные потоки.

1973

НАШЕ ПРИЗВАНИЕ

«БЕЛАРУСЬФИЛЬМ»
(по заказу ТВ), 1981

Я вообще предпочитаю работать
со своими друзьями — это всегда легче,
и ты можешь надеяться на то, что песни выйдут
в том виде, в каком они были написаны.

ГИМН ШКОЛЕ

Из класса в класс мы вверх пойдем, как по ступеням,
И самым главным будет здесь рабочий класс,
И первым долгом мы, естественно, отменим
Эксплуатацию учителями нас!

Да здравствует новая школа!
Учитель уронит, а ты подними!
Здесь дети обоего пола
Огромными станут людьми!

Мы строим школу, чтобы грызть науку дерзко,
Мы всё разрушим изнутри и оживим,
Мы серость выбелим и выскоблим до блеска,
Всё теневое перекроем световым!

Так взрасти же нам школу, строитель, —
Для душ наших детских теплицу, парник, —
Где учатся — все, где учитель —
Сам в чем-то еще ученик!

1980

19 Зак. 157

ЗЕЛЕНЫЙ ФУРГОН

ОДЕССКАЯ СТУДИЯ,
замысел не осуществлён

...Я собирался делать свое кино:
сам режиссер, самому сниматься, самому писать
песни и их петь — в общем, все делать самому,
как в песне. Сделать кино как песню.

* * *

Проскакали всю страну
Да пристали кони — буде!
Я во синем во Дону
Намочил ладони, люди.

Кровушка спеклася
В сапоге от ран, —
Разрезай, Настасья,
Да бросай в бурьян!

Во какой вояка,
И "Георгий" — вот...
Но опять, однако,
Атаман зовет.

Хватит брюхо набивать!
Бают, да и сам я бачу,
Что спешит из рвани рать
Волю забирать казачью.

Снова кровь прольется?
Вот такая суть:
Воли из колодца
Им не зачерпнуть!

Плачут бабы звонко.
Ну, чего ревем!
Волюшка, Настёнка, —
Это ты да дом.

Вновь скакали по степу
Разом все под атаманом —
То конями на толпу,
То веревкой, то наганом.

Сколько кровь ни льется —
Пресный все лиман.
Нет, хочу — с колодца, —
Слышь-ка, атаман!

Знаю, легче пьется
На тугой карман,

Хорошо живется —
Если атаман.

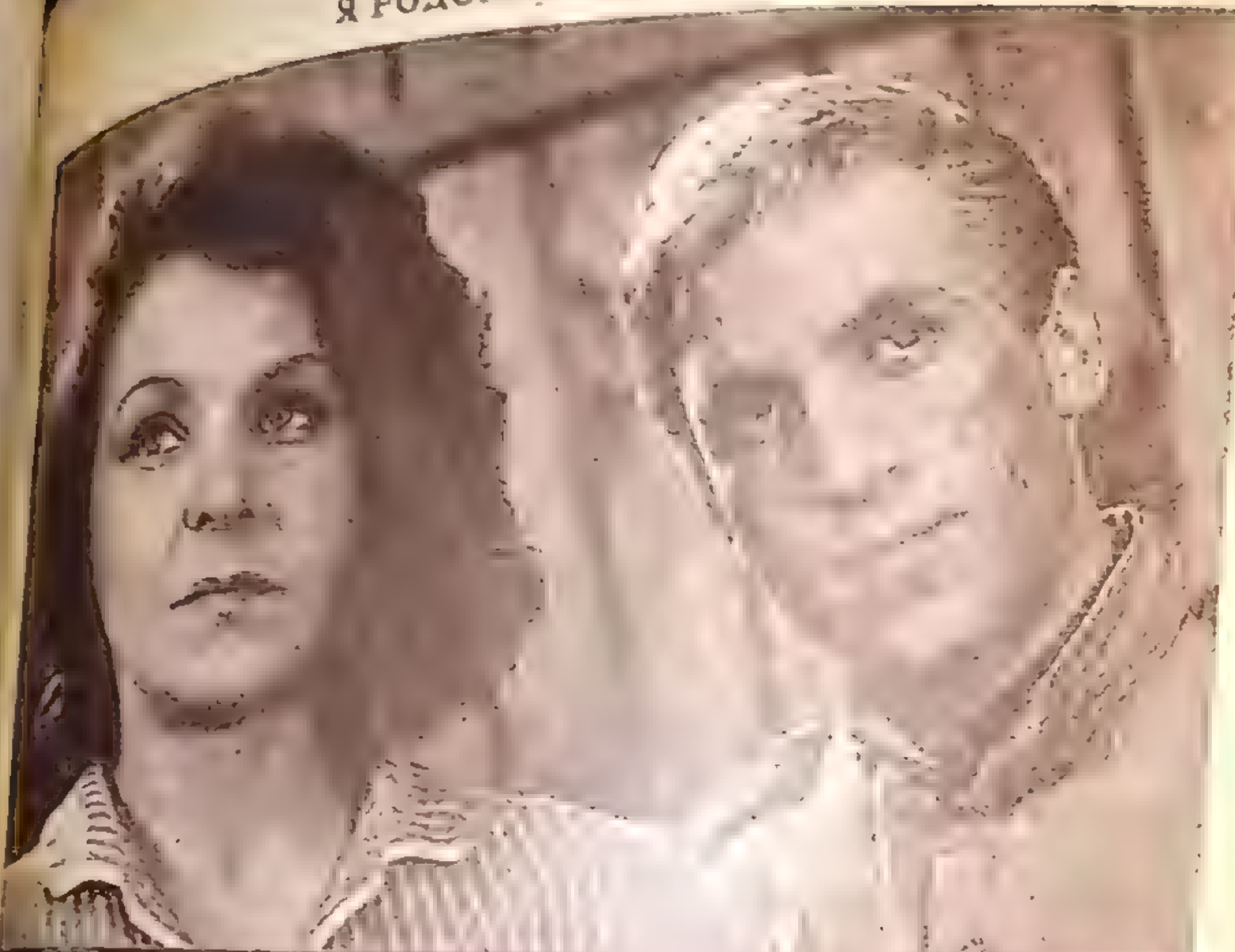
Есть у атамана зуй,
Ну а под зуём — кобыла...
Нет уж, Настенька, разуй,
Да часок чтоб тихо было!

"Зуй, где речь геройска
Против басурман?
Как тебе без войска?"
"Худо, атаман!"

А ведерко бьется
Вольно, вкривь и вкось.
Хлопцы, хлопцы, хлопцы, —
Выудил небось!

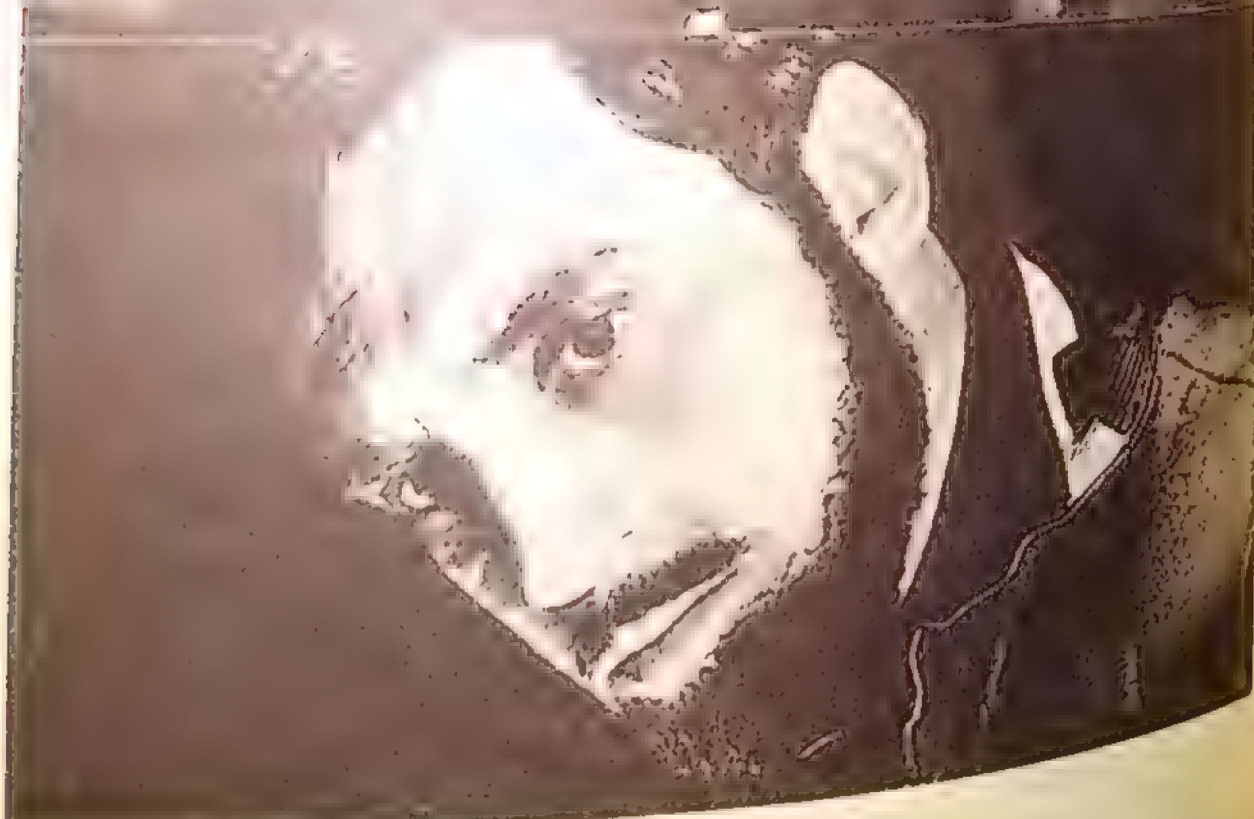
Справная обновка —
Век ее постыль:
Это не винтовка —
Это мой костыль!

1980

ИНТЕРВЕНЦИЯ

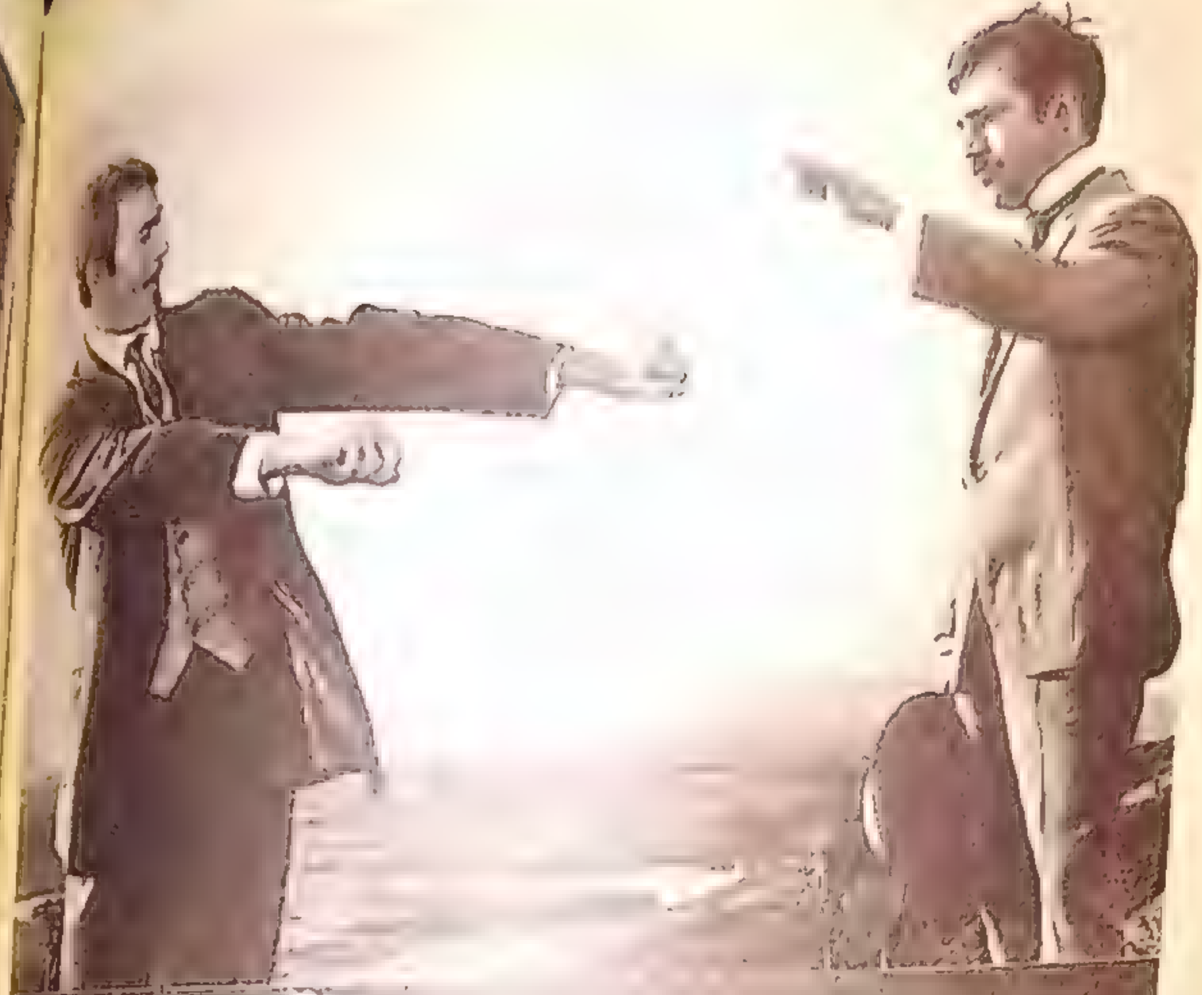

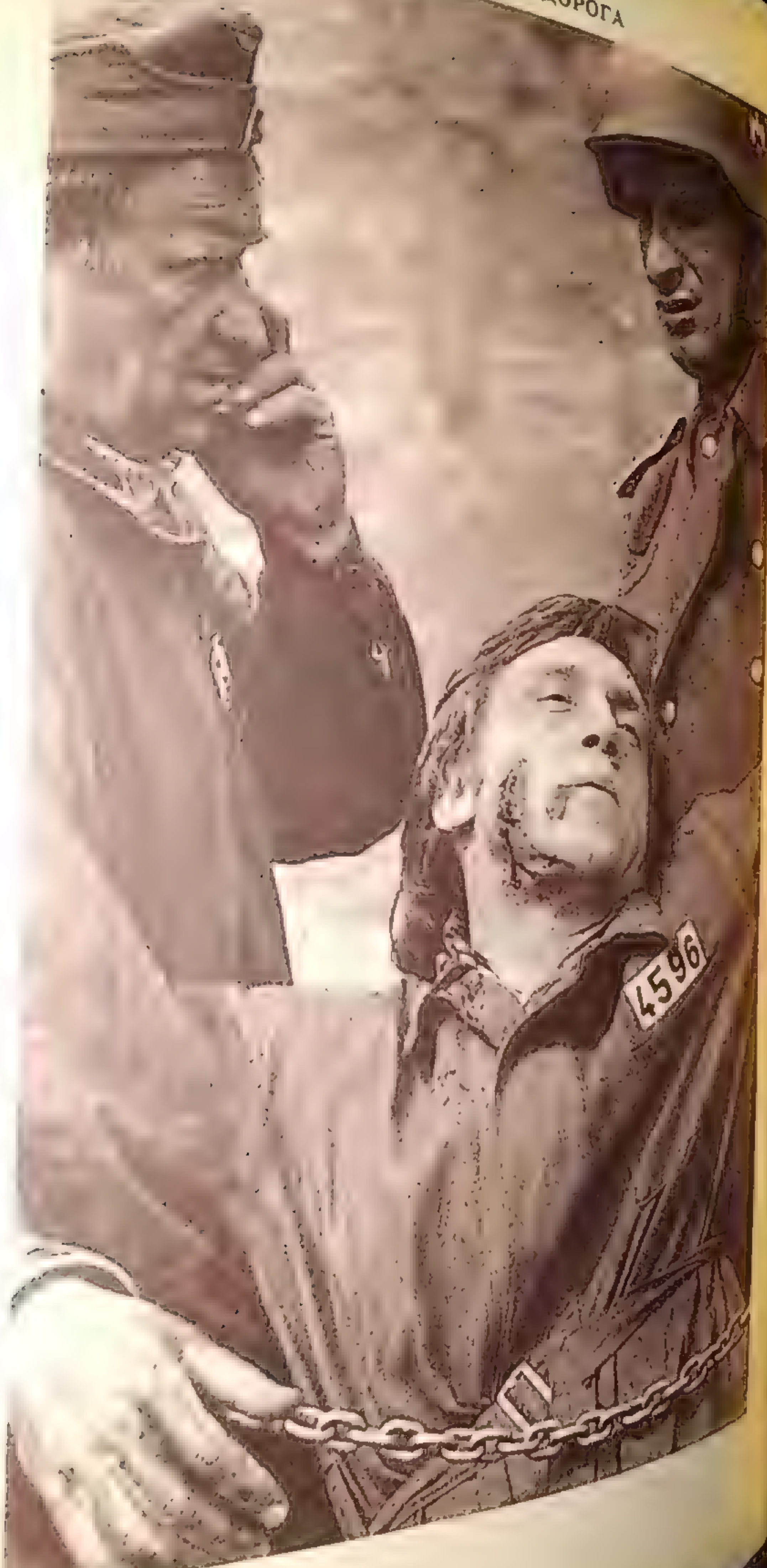

4596

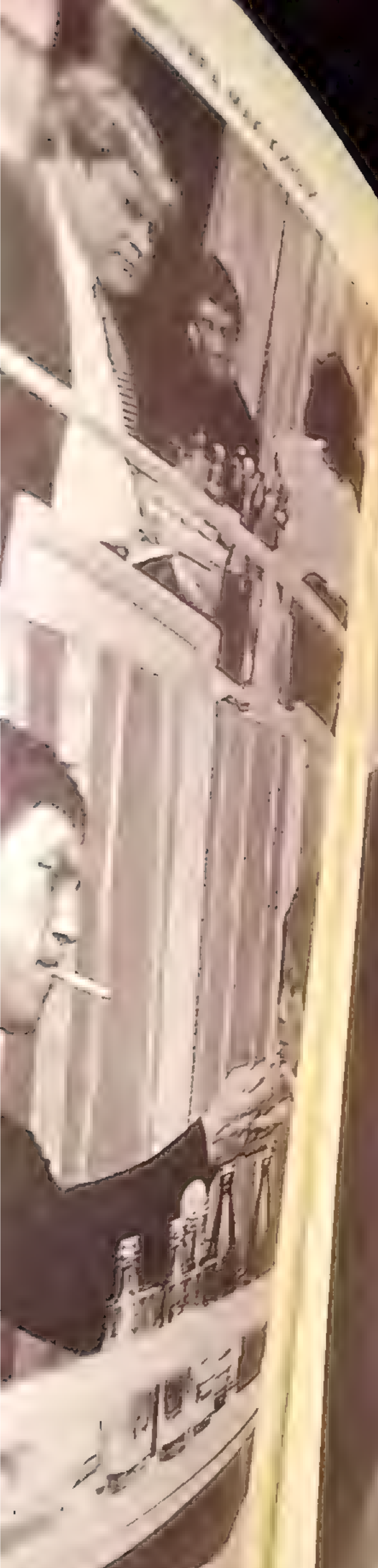

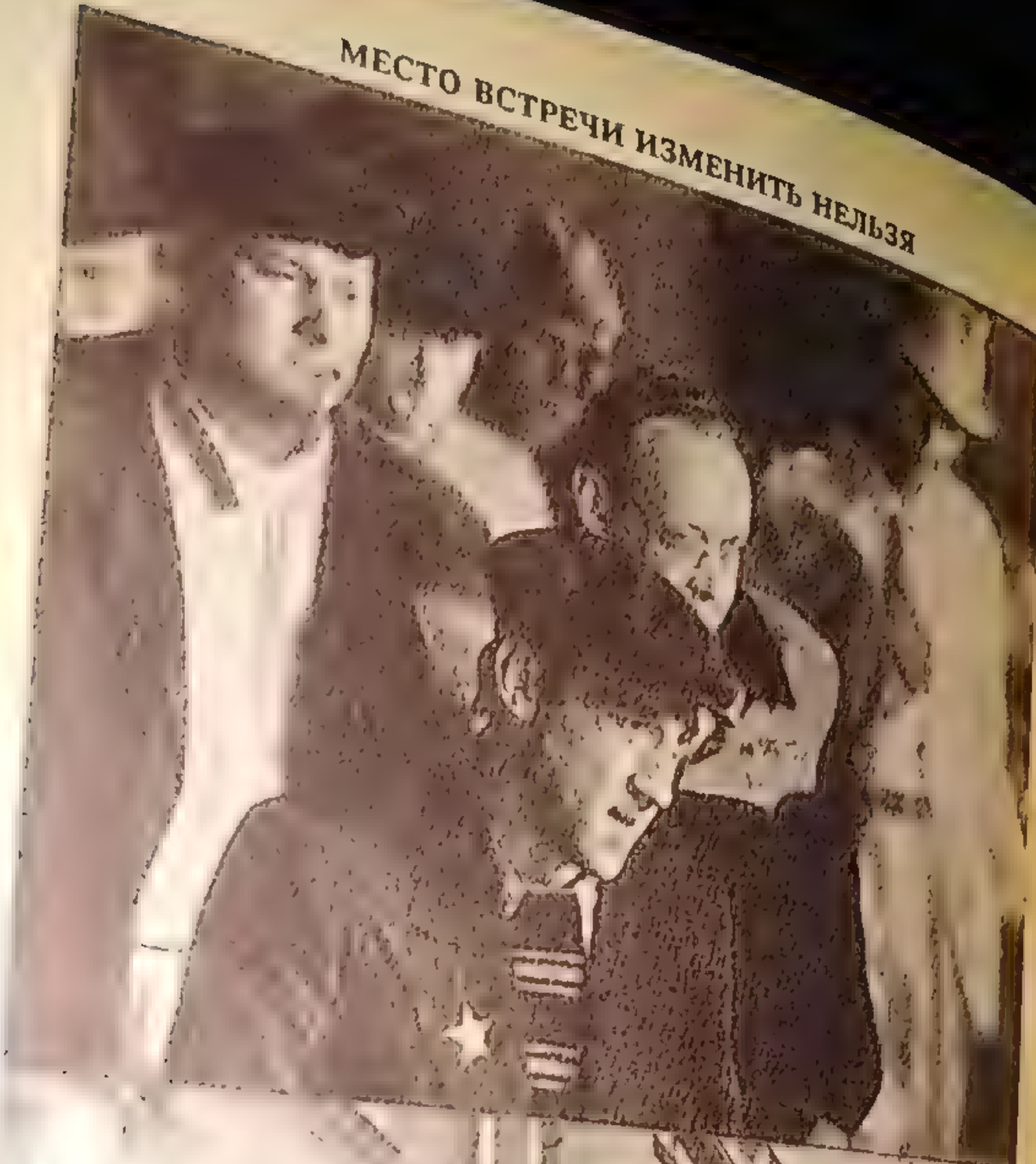

Примечания

Настоящее издание по сравнению с предыдущим ("Я куплет допою..." Песни для кино") существенно дополнено. Кроме того, оно учитывает ставшие доступными исследователям за последние три года авторские рукописи и фонограммы, неизвестные ранее и позволившие более точно определить окончательные редакции части опубликованных ранее текстов.

Песенные циклы расположены в хронологическом порядке создания фильмов (в скобках приведены даты их фактического выпуска на экраны).

Тексты публикуемых песен и стихотворений даны, как правило, в их окончательных редакциях, определенных по известным нам на 1 марта 1991 г. авторским рукописям и фонограммам 1964 — 1980 гг., а также другим источникам. В некоторых случаях, когда определение окончательного варианта текста затруднено, в настоящих примечаниях дана ссылка на источник публикации. Редакции песен, использованные в фильмах или предлагавшиеся автором для фильмов (если они не вошли в фильм), также оговорены.

Кроме того, в примечаниях приведены строфы стихотворений, не попавшие в окончательный вариант, но сохранившиеся в магнитозаписи. Строфы, выпавшие из текста еще на стадии создания рукописи, а также варианты отдельных строк не приводятся.

Определение датировки песен и текстологическая работа проводились на основе собрания материалов из архива Комиссии по творческому наследию В.С. Высоцкого при Всесоюзном совете клубов самодеятельной (авторской) песни.

В косых скобках приведены данные об источниках первых публикаций в советской центральной печати и в книгах.

В настоящих примечаниях даны ссылки на сборники стихотворений и песен В.Высоцкого (в порядке выхода изданий):

Нерв — Нерв. — М., Современник, 1981*;
ЧЧП — Четыре четверти пути. — М., Физкультура и спорт, 1988;
ПВВ — Поет Владимир Высоцкий. — М., Музыка, 1987;
ЯКВ — Я, конечно, вернусь... — М., Книга, 1988;
СиП — Стихи и песни. — М., Искусство, 1988;
Изб. — Избранное. — М., Сов.писатель, 1988;
НВБ — Не вышел из боя. — Воронеж, кн.изд-во, 1988*;
ЯКД — Я куплет допою... — [М. Тб.], Киноцентр, 1988;
С2Т — Сочинения в двух томах. — М., Худ. лит., 1990.

Прочие условные сокращения

авт. — авторский, авторская;
ВСГ — Всесоюзная студия грамзаписи;
м/п — машинописный;
муз. — музыка;
печ. — печатается;
сов. — советский, советская.

ПЕСНЯ О ГОСПИТАЛЕ (с.54). ... фильм не вошла. /Нерв, 31/.

ПЕСНЯ О ЗВЕЗДАХ (с.55). Написана для спектакля "Павшие и живые" Московского театра драмы и комедии на Таганке. В фильме использован фрагмент песни. /Нерв, 30/.

"В ХОЛОДА, В ХОЛОДА..." (с.55 ... Печ. по авт. фонограмме ВСГ 1972 ... /Нерв, 163/.

ВЫСОТА (с.56). В фильм вошли строфы 1 и 2. Иногда заканчивал... повторением строфы 1. /Сов.Росси[я], 1980, 19 окт./.

ШТРАФНЫЕ БАТАЛЬОНЫ (с.57 ... В фильм не вошла. /ЯКВ, 224/.

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ (с.58). Написана для спектакля "Павшие и живые" Московского театра драмы и комедии на Таганке, не вошла. Этой песней Высоцкий чаще всего начинал свои выступления перед аудиторией. Иногда исполнения песни посвящались памяти М.Бернеса — исполнителя песни в фильме. /Новые фильмы, 1967, февраль/.

"СКОЛЬКО ПАВШИХ БОЙЦОВ ПОЛЕГЛО ВДОЛЬ ДОРОГ..." (с.58 ... Печ. по авт. рукописи. В фильм не во[шла] ...

---

* Нумерация страниц дана по второму изданию.

ла. Авт. мелодия неизвестна. /Сов.Россия, 1987, 7 мая/.

"ЗДРАВСТВУЙТЕ, НАШИ ДОБРЫЕ ЗРИТЕЛИ..." (с.60). Печ. по единственной известной авт. фонограмме. В фильм вошел иной вариант песни — без строф 2 и 4, в следующем составе. После строфы 1:

Этого
В фильме, может, и не было,
Ну а как будет в будущем —
Это сложный вопрос,
И непросто решить его.

Далее — строфы 6, 5 и финал:

Трудно нам —
Мы в таком положении:
Ведь последнего жулика
Не встречал до сих пор
Ни один человек.
Помните,
Наши добрые зрители, —
Этот фильм — эксцентрический, —
Значит,
Это только игра, —
Начинаем — пора!

Происхождение этих строф нам неизвестно. Не исключено, что их авторство Высоцкому не принадлежит. /С2Т, 2 — 195/.

"ЗДЕСЬ СИДЕЛ ТЫ, ВАЛЕТ..." (с.61). Печ. по единственной известной авт. фонограмме. В фильм не вошла. /С2Т, 2 — 196/.

О ВКУСАХ НЕ СПОРЯТ (с.61). /Нерв, 107/.

"ВОТ ЧТО: ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА, ТОВАРИЩИ..." (с.62). Печ. по одной из двух известных авт. фонограмм. В фильм вошла без строф 4 — 6. На пластинке "М. Таривердиев. Музыка из к-ф "Последний жулик" /№ 33Д-00018311-2/ записана без строф 6 — 8 и названа "Финальная песня". /Студ. меридиан, 1989, № 12/.

ПЕСНЯ-СКАЗКА О СТАРОМ ДОМЕ НА НОВОМ АРБАТЕ (с.66). Написана для оперы М.Таривердиева "Кто там?" по сюжету В.Аксенова, не вошла. /Мол. эстрада, 1987, № 5/.

"ДОРОГА, ДОРОГА — СЧЕТА НЕТ ШАГАМ..." (с.67). Печ. по единственной известной авт. фонограмме данной редакции. В фильм вошла с муз. Е.Глебова. В ред. 1973 г. вошла в спектакль Ленинградского гос. театра им. Ленинского комсомола "Необычайные приключения на волжском пароходе", 1984. /Студ. меридиан, 1989, № 11/.

ПЕСНЯ ПАРНЯ У ОБЕЛИСКА КОСМОНАВТАМ (с.68). Печ. по беловому автографу. В фильм не вошла. В рукописи известна еще одна редакция этой песни ("Вот и настал этот час опять..."), не связанная с содержанием фильма. Какая из редакций более поздняя — установить пока не представляется возможным. Авт. мелодия неизвестна. /С2Т, 2 — 202/.

ПЕСНЯ О ДРУГЕ (с.70). /Новые фильмы, 1967, июль/.

"СВОИ ОБИДЫ КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК..." (с.71). Печ. по единственной известной авт. фонограмме из фильма. /ЯКД, 20/.

СКАЛОЛАЗКА (с.71). Печ. по авт. фонограмме ВСГ 1974 г. В фильм не вошла. /Турист, 1987, № 1/.

ЗДЕСЬ ВАМ НЕ РАВНИНА (с.72). /Конверт пластинки "Песни из кинофильма "Вертикаль", 1968/.

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ (с.73). /Турист, 1968, № 2/.

ПРОЩАНИЕ С ГОРАМИ (с.74). Часто исполнялась без двух последних строф. Фрагмент вошел в фильм "Пока стоят горы...", 1977. /Сов.экран, 1967, № 15/.

ПЕСНЯ-СКАЗКА О НЕЧИСТИ (с.77). В фильме использован фрагмент песни. /Нерв, 88/.

ДЕЛА (с.79). В фильме использованы строфы 4, 5, 6, 1. В данной редакции, кроме фильма, песня неоднократно исполнялась автором. Известно пять авт. фонограмм, последняя из которых датируется 1972 годом. В то же время существует поздняя, ⟨1973 г.,⟩ рукописная редакция текста — от имени женщины и с измененным финалом, которая впервые по черновому автографу опубликована в кн.: /Нерв, 221/.

СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ (с.81). В фильм не вошла. /В мире книг, 1986, № 11/.

ПЕСНЯ САНЬКИ (с.85). Печ. по сб.: /Песня-87. Выпуск 9. — Л., Сов. композитор, 1987/. Муз. С.Слонимского. В фильм не вошла.

"ПЕРЕДО МНОЙ ЛЮБОЙ ФАКИР — НУ ПРОСТО КАРЛИК..." (с.86). Редакция, предложенная автором в фильм, согласно м/п списку, восходящему к авт. рукописи, из архива режиссера фильма Г.Полоки, содержала строфы 1—3, перемежающиеся рефреном:

Здесь у нас —
Все для вас,
Ну а там —
Все будет нам.

В вар. фильма 1968 г. не входила. В вариант 1987 г. вошли строфы 1—3 без рефрена в авт. исполнении с хором./ЯКД, 36/.

ГРОМ ПРОГРЕМЕЛ (с.86). Высоцкому принадлежит авторство строф 2 и 4. На одном из м/п текстов песни против строф 1 и 3 — авт. пометки: "народное". В фильм вошла с муз. С.Слонимского. /ЯКД, 37/.

"ДО НАШЕЙ ЭРЫ СОБЛЮДАЛОСЬ ЧУВСТВО МЕРЫ..." (с.87). В фильм не вошла. /ЯКД, 38/.

ПЕСНЯ БРОДСКОГО (с.88). В фильм вошла с муз. С.Слонимского. /Песня-87. Выпуск 9. — Л., Сов. композитор, 1987/.

ПИСЬМО (с.91). Стилизация под военную песню. В фильм не вошла. /Сов.Россия, 1980, 19 окт./.

"КРАСИВЫХ ЛЮБЯТ ЧАЩЕ И ПРИЛЕЖНЕЙ..." (с.93). Печ. по единственной известной авт. фонограмме, на которой вследствие дефекта первые две строки не записаны. Эти строчки печ. по авт. рукописи. В фильм не вошла. /С2Т, 1 — 218/.

"ВОТ И РАЗОШЛИСЬ ПУТИ-ДОРОГИ ВДРУГ..." (с.93). Печ. по поздней авт.правке м/п списка. В фильм не вошла. /Труд, 1988,22 янв./.

"ДАВНО СМОЛКЛИ ЗАЛПЫ ОРУДИЙ..." (с.94). Печ. по поздней из двух известных авт. фонограмм. /Лит.Грузия, 1981, № 8/.

ДОМ ХРУСТАЛЬНЫЙ (с.97). /Дружба народов, 1986, № 10/.

ПЕСНЯ РЯБОГО (с.97). Впервые опубликована на обороте открытки из набора: /Владимир Высоцкий в кино и на телеэкране. — М., Всесоюзное бюро пропаганды киноискусства, 1987/.

"СКОЛЬКО ЧУДЕС ЗА ТУМАНАМИ КРОЕТСЯ..." (с.100). Не исключено, что написана для фильма "Хозяин тайги". В фильмы не вошла. /ЧЧП, 214/.

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР (с.101). Печ. по авт. фонограмме ВСГ 1974 г. Согласно авт. комментарию на одном из выступлений, песня написана о Московском театре драмы и комедии на Таганке. В фильм не вошла. /Аврора, 1987, № 8/.

ПЕСЕНКА НИ ПРО ЧТО, ИЛИ ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В АФРИКЕ (с.102). В фильм не вошла. Вошла в спектакль "Свой остров" Московского театра "Современник", 1971; а также в спектакль "Там, вдали" московского Литературно-драматического театра ВТО, 1976. /Нерв, 180/.

КУПЛЕТЫ БЕНГАЛЬСКОГО (с.105). Первоначальный вариант вместо строфы 5 имел строфу:

Пушкин — величайший на земле
поэт —
Бросил все и начал жить в Одессе,—
Проживи он здесь еще хоть пару
лет —
Кто б тогда услышал о Дантесе?!

мезон шанте (франц.) — кафешантан. /СиП, 175/.

ЦЫГАНСКАЯ ПЕСНЯ (с.106). В фильм вошла с муз. А.Билаша. /ЯКД, 43/.

БАЛЛАДА О ЦВЕТАХ, ДЕРЕВЬЯХ И МИЛЛИОНЕРАХ (с.107). Шансонетка. Печ. по единственной известной авт. фонограмме из фильма. Муз. А.Билаша. /ЯКД, 45/.

РОМАНС (с.108). В фильм вошла с муз. А.Билаша без строф 1 и 2. /ЯКД, 47/.

АИСТЫ (с.111). Из фильма "Война под крышами". /Нерв, 33/.

"У НАС ВЧЕРА С ПОЗАВЧЕРА..." (с.112). Написана для фильма "Война под крышами". В вар. фильма 1967 г. вошла без строфы 1. В вар. 1971 г. не вошла. /ЯКД, 52/.

ПЕСНЯ О НОВОМ ВРЕМЕНИ (с.113). Из фильма "Война под крышами". Фрагмент вошел в фильм "Короткие встречи". /Нерв, 32/.

ПЕСНЯ О ЗЕМЛЕ (с.114). Из фильма "Сыновья уходят в бой". /Нерв, 40/.

ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ (с.115). Из фильма "Сыновья уходят в бой". Вошла в фильм "Мерседес" уходит от погони". /Нерв, 29/.

СЫНОВЬЯ УХОДЯТ В БОЙ (с.116). Из фильма "Сыновья уходят в бой". /Нерв, 41/.

ТЕМНОТА (с.117). Написана для фильма "Сыновья уходят в бой",не вошла. /Изб., 135/.

"НУ ВОТ, ИСЧЕЗЛА ДРОЖЬ В РУКАХ..." (с.119). В фильм не вошла. Вошла в спектакль "Там, вдали " московского Литературно-драматического театра ВТО, 1976. Вошла в фильм "Ветер надежды" в переработанном (морском) варианте, имеющем следу-

ющие изменения. Строки 5 и 6 строфы 2:

Кто не доплыл и в волны лег —
Тем бог судья...

Строки 1 — 4 строфы 3:

Мой океан со всех сторон
Штормит, штормит,
Он тайну чьих-нибудь имен
На дне хранит.

Строка 8 строфы 3:

Глубин и слов!

Строка 5 строфы 4:

Я слышал — пела мне вода: [...]

/Нерв, 53; морской вар. — Сов. экран, 1979, № 1/.

К ВЕРШИНЕ (с.120). *Хергиани* Михаил Виссарионович (1935—1969) — заслуженный мастер спорта по альпинизму, многократный чемпион и призер чемпионатов СССР по альпинизму и скалолазанию; погиб при восхождении. В фильм не вошла. /Лит.газета, 1980, 8 окт./.

"ДОЛГО ЖЕ ШЕЛ ТЫ В КОНВЕРТЕ, ЛИСТОК..." (с.122). /Лит.газета, 1980, 8 окт./.

ЦУНАМИ (с.123). Печ. по единственной известной авт. фонограмме. В фильм не вошла. /ЧЧП, 216/

"БРОСЬТЕ СКУКУ, КАК КОРКУ АРБУЗНУЮ..." (с.125). В фильм не вошла. /Сов.Россия, 1987, 9 мая/

РОМАНС (с.125). Стилизация под старинный романс. Фрагмент вошел в спектакль Московского театра драмы и комедии на Таганке "Преступление и наказание", 1979. /Нерв, 173/.

ТАНГО (с.126). Печ. по единственной известной авт. рукописи. В фильме строфы 1 и 4 звучат в иной — видимо, более поздней — редакции. На строфу 1 наложен диалог действующих лиц, и разобрать текст не представляется возможным. Строфа 4 имеет вид:

Но счастье зыбко —
Опять ошибка, —
И наша дружба уже не горяча.
И снова стужа
Метелью кружит —
Твоя улыбка гаснет как свеча.

/С2Т, 2 — 223/.

МАРШ ШАХТЕРОВ (с.129). Печ. по фонограмме ВСГ 1972 г. — поздней из всех известных. В фильм не вошла. Первоначальный вар. между строфами 6 и 7 имел строфу:

Да, мы бываем с углем в барыше,
Но роем глубже: голод
ненасытен, —
Порой копаться в собственной
душе
Мы забываем, роясь в антраците.

А между строфами 7 и 8 — рефрен (строфа 3) и строфа:

Вгрызаясь в глубь веков хоть
на виток —
То взрыв, то лязг, — такое
безгитарье!
Вот череп вскрыл отбойный
молоток,
Задев кору большого полушарья.

В дальнейшем автор варьировал текст, исполняя песню то без строфы 7, то без строфы 8, но всегда при этом исключалась и строфа "Вгрызаясь в глубь веков..." с рефреном, что, по-видимому, и было целью сокращения текста. /Химия и жизнь, 1978, № 8/.

"ОПЛАВЛЯЮТСЯ СВЕЧИ..." (с.131). /Нерв, 101/.

"НЕУЖЕЛИ МЫ ЗАПЕРТЫ В ЗАМКНУТЫЙ КРУГ?.." (с.133). Печ. по авт. рукописи. /С2Т, 2 — 228/.

БЕЛОЕ БЕЗМОЛВИЕ (с.135). Печ. по авт. фонограмме ВСГ 1974 г. В фильм не вошла. Вошла в фильм "72 градуса ниже нуля", 1976. /Дружба народов, 1981, № 5/.

БАЛЛАДА О БРОШЕННОМ КОРАБЛЕ (с.136). В фильм не вошла. /Аврора, 1986, № 9/.

КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ (с.138). В фильм не вошла. Вошла в спектакль "Там, вдали" московского Литературно-драматического театра ВТО, 1976. /Нерв, 229/.

ДОРОЖНАЯ ИСТОРИЯ (с.141). В фильм не вошла. На публичных авт. выступлениях исполнялась сначала без трех первых строф, а затем — без строфы 2 и с измененным началом строфы 3:

Бродяжил — и пришел домой
Уже с годами за спиной...

/Нерв, 150/.

"В ДЕНЬ, КОГДА МЫ, ПОДДЕРЖКОЙ ЗЕМЛИ ЗАРУЧАСЬ..." (с.144). Печ. по единственной известной авт. фонограмме зимы 1973/74 гг. с поздними изменениями из авт. беловика песни, предложенной в 1974 г. для фильма "Контрабанда". Указанный беловик содержит сокращенный (без строф 4—6) текст. Сокращение и исправление строки 47, имевшей вид: "Он увидел, как траулер встал на винты...", по всей вероятности, вызваны темой фильма. В фильмы не вошла.

/Сов.Россия, 1987, 26 марта/.

"ВСЕМУ НА СВЕТЕ ВЫХОДЯТ СРОКИ..." (с.145). Печ. по единственной известной авт. фонограмме. В фильм не вошла. /День поэзии 1986. — М., Сов. писатель, 1986/.

ПИРАТСКАЯ (с.147). В фильм не вошла. Строфы 1—4 вошли в фильм "Ветер надежды". /ЯКД, 77/.

"КОГДА Я СПОТЫКАЮСЬ НА СТИХАХ..." (с.148). В фильм не вошла. В некоторых авт. фонограммах, в т.ч. во всех последних (1979 г.) первая строфа отсутствует. /Поет Эдуард Хиль. — М., Музыка, 1976/.

ТАНГО (с.151). В фильме, как и следующая песня, звучит в исполнении В.Высоцкого и актрисы Московского театра драмы и комедии на Таганке Н.Шацкой. /НВБ, 275/.

"СНАЧАЛА БЫЛО СЛОВО ПЕЧАЛИ И ТОСКИ..." (с.152). /Дружба народов, 1982, № 1/.

СКОМОРОХИ НА ЯРМАРКЕ (с.154). Печ. по поздней из двух известных авт. фонограмм. В фильм не вошла. В сокращенном варианте, содержащем строфы 1—3, 12, 10, 11, 18—23, вошла в телефильм "Туфли с золотыми пряжками", 1977. /Нерв, 76/.

СВАДЕБНАЯ (с.158). Печ. по беловому автографу. Единственная известная авт. фонограмма с первой строкой "Раззуди-ка ты плечи, звонарь..." содержит строфы 1—3. В фильм не вошла. Строфы 1—3, 6, 8 вошли в телефильм "Туфли с золотыми пряжками". /Нерв, 86/.

ВЫЕЗД СОЛОВЬЯ-РАЗБОЙНИКА (с.159). Печ. по беловому автографу. Более ранний вар. известен в авт. фонозаписи. Строфы 7—9 — от имени Соловья-разбойника, остальные — от имени его дружков. Строфы 3, 6, 7 в фильм не вошли. Строфы 4, 5, 3 вошли в телефильм "Туфли с золотыми пряжками". /Изб., 308/.

СЕРЕНАДА СОЛОВЬЯ-РАЗБОЙНИКА (с.160). Печ. по беловому автографу. Согласно авт. пометкам, заключительные двустишия строф 3, 7, 11 и начальные двустишия рефрена поет хор нечисти. В авт. фонозаписи известны лишь строфы 1—8. Строфы 2, 5, 9—13 в фильм не вошли. /Нерв, 84/.

"ЕСЛИ В ЭТОТ СКОРБНЫЙ ЧАС..." (с.162). Песня царя и сватов-адъютантов. Печ. по позднему из двух известных автографов. В связи с тем, что порядок расположения строф неясен, он определен публикатором. В фильм вошли строфы 1, 4, 3, 6. /Нерв, 82/.

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ (с.163). Печ. по беловым автографам. В фильм вошли строфы 10, 3, 2, 7. /Изб., 310/.

СОЛДАТ С ПОБЕДОЮ (с.165). Печ. по беловому автографу. Строфы 1 и 2 в фильм не вошли. /ЯКД, 100/.

КУПЛЕТЫ КАССИРА И КАЗНАЧЕЯ (с.166). Печ. по правленому беловому автографу. В фильм не вошли. В черновом автографе существует иная ред. с первой строкой "Мы не тратим из казны...", опубликованная в кн.: ЯКД, 101.

КУПЛЕТЫ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ (с.167). В публикуемом виде песня неоднократно исполнялась автором на выступлениях. Тем не менее в беловом автографе имеются еще четыре строфы:

— Русалке легко:
Я хвостом-плавником
Коснусь холодком под сердечко...
Но вот с современным утопленником
Теперь то и дело осечка.
Как-то утопленник стал
возражать —
Ох, наглоталась я илу!..
— Ах, перестали совсем уважать
Нашу нечистую силу!
— А я — Домовой,
Я домашний, я — свой,
Я в дом не могу появиться —
С утра и до ночи стоит дома вой:
Недавно вселилась певица.
Я ей — добром, а она —
оскорблять:
Мол, Домового на мыло...
— Видно, нам стала всем
изменять
Наша нечистая сила!

Строфы, написанные от имени Русалки, были оговорены в режиссерском задании. Строфы же, написанные от имени Домового, по-видимому, появились сверх задания. Финальные двустишия рефрена нечисть поет хором. Вся песня в фильм не вошла. /Нерв, 75/.

СОЛДАТ И ПРИВИДЕНИЕ (с.168). Печ. по единственной известной авт. фонограмме. Первые две строфы — от имени солдата, остальные — от имени привидения. В фильм не вошла. /Изб., 309/.

ПЕСНЯ МАРЬИ (с.169). Печ. по фо-

нограмме М.Влади, ВСГ, 1974 г. В фильм не вошла. /Нерв, 81/.

ИВАН ДА МАРЬЯ (с.170). Печ. по правленому беловому автографу. В фильм не вошла. Единственная известная авт. фонограмма содержит строфы 3 и 5. Этот фрагмент опубликован в кн.: Нерв, 82. /С2Т, 2 — 280/.

ЧАСТУШКИ (с.171). Печ. по беловому автографу. Строфы 1—15, 18 и заключительное двустишие строфы 17 поет Марья, строфу 16 и первое двустишие строфы 17 — поет Петя, 19 — стража, 20 — царь, 21 — народ. Строфы 3, 16—18, 20 и первое двустишие строфы 21 — вошли в фильм без изменений; строфы 1, 2, 19 — с некоторыми изменениями, — и те и другие — под именем А.Хмелика, автора сценария фильма. Единственная известная авт. фонограмма содержит строфы 1—6. Этот фрагмент опубликован в кн.: Нерв, 83. /С2Т, 2 — 281/.

РАССТРЕЛ ГОРНОГО ЭХА (с.175). В фильм не вошла. /Нерв, 26/.

ПЕСНЯ СОЛОДОВА (с.176). Печ. по авт. фонограмме из фильма. /Аврора, 1986, № 9/.

"ЕСЛИ ГДЕ-ТО В ГЛУХОЙ НЕСПОКОЙНОЙ НОЧИ..." (с.177). Строфы 1—4 печ. по единственной известной авт. фонограмме, а строфы 5, 6 — по авт. рукописи. В фильм не вошла. /Нерв, 228/.

ПЕСНЯ ВАНИ У МАРИИ (с.179). Стилизация под вагонную песню. Печ. по одной из двух известных авт. фонограмм. В фильм не вошли строфы 7—10. /Нерв, 39/.

ПЕСНЯ О ЧЕРНОМ И БЕЛОМ ЛЕБЕДЯХ (с.180). Стилизация под народную песню. Печ. по рукописному списку, восходящему к авт. рукописи, из архива режиссера фильма Г. Полоки. Муз. Э.Хагагортяна. В фильм вошла строфа 3. /Э.Хагагортян. Песни. — М., Музыка, 1983/.

ВЕЛИЧАЛЬНАЯ ОТЦУ (с.181). Печ. по рукописному списку из архива Г.Полоки. Муз. Э.Хагагортяна. В фильм вошла строфа 1. /Э.Хагагортян. Песни/.

ЧАСТУШКИ К СВАДЬБЕ (с.181). Печ. по беловому автографу. В фильм не вошла. /ЯКД, 119/.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ПЕСНЯ (с.182). Печ. по беловому автографу. У конечных строк строф 1 и 4 — авт. пометки: "Этой строки может не быть", адресованные режиссеру и композитору. Муз. Э.Хагагортяна. В фильм вошла без упомянутых строк. /Лит.Грузия, 1981, № 8/.

ЧАСТУШКИ (с.183). Печ. по авт. рукописи. Известна фонограмма авт. исполнения. Строфы 3, 4, 6—8, 10 в фильм не вошли. В фильм вошла строфа:

> Гармонист, гармонист!
> Сердце беспокоится.
> Разрешите, гармонист,
> С вами познакомиться! —

в переводе на украинский язык, по свидетельству Г.Полоки, также сочиненная Высоцким, но позднее — непосредственно на съемках. /ЯКД, 121/.

ГРУСТНАЯ ПЕСНЯ О ВАНЕЧКЕ (с.185). Печ. по беловому автографу. Муз. Э.Хагагортяна. В фильм не вошла. /Э.Хагагортян. Песни/.

ПЕСНЯ ВАНИ ПЕРЕД СТУДЕНТАМИ (с.186). Печ. по беловому автографу. В фильм не вошла. /Нерв, 138/.

О ЗНАКАХ ЗОДИАКА (с.188). Печ. по единственной известной авт. фонограмме из фильма. /Нерв, 65/.

ОЧИ ЧЕРНЫЕ. I. ПОГОНЯ (с.191). В фильме "Единственная" звучит в авт. исполнении без строф 2, 3, 6, — но с финальной строфой из II части и с явными следами редакторской правки. /Нерв, 184/.

II. СТАРЫЙ ДОМ (с.192). В 1976 г. предназначалась автором в фильм "Емельян Пугачев", в который Высоцкий пробовался на главную роль. /Театр, 1987, № 5/.

БАЛЛАДА О МАЛЕНЬКОМ ЧЕЛОВЕКЕ (с.196). Эта и шесть других из девяти написанных к фильму баллад (кроме "Баллады о Кокильоне" и "Прерванного полета") созданы по мотивам прозаических текстов М.Швейцера, содержащихся в режиссерском сценарии фильма. В фильм не вошла. /Изб., 321/.

БАЛЛАДА О КОКИЛЬОНЕ (с.199). Предложена автором в фильм самостоятельно. В фильм не вошла. /ЯКД, 138/.

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ (с.201). Предложена автором в фильм самостоятельно. В фильм не вошла. /Нерв, 200/.

МАРШ ФУТБОЛЬНОЙ КОМАНДЫ "МЕДВЕДЕЙ" (с.203). В фильм не вошла. /ЯКД, 144/.

БАЛЛАДА О МАНЕКЕНАХ (с.204). В фильм вошел сокращенный вар. с муз. А.Кальварского, содержащий строфы 1—5, 12, 16—18, 24, причем строфа 5 имела вид:

Не так мы, парень, глупы,
Чтоб наряжать живых, —
Мы обряжаем трупы
И кукол восковых.

/Изб., 324/.

ПЕСНЯ БИЛЛА СИГГЕРА (с.208). В фильм не вошла. При исполнениях на концертах имела различные сокращения. /ЯКД, 151/.

МИСТЕРИЯ ХИППИ (с.210). В фильм не вошла. /Изб., 327/.

БАЛЛАДА ОБ ОРУЖИИ (с.212). В фильм не вошла. В процессе работы над фильмом имела сокращенный вар., состоящий из строф 15, 16, 3, 4, 17, 18, 6, 7, 27, 28, 13, 14, 25, 30, 26, 32, 33, 31, 34—36. В первоначальных вар. после строф 7, 14, 21 мог быть рефрен:

На поиграй, а я перекурю —
Держи гитару!
И слушай, друг, — я дело говорю —
Не зря болтаю.

/Изб., 329/.

БАЛЛАДА ОБ УХОДЕ В РАЙ (с.216). В фильм вошел сокращенный вар. без строф 7, 9, 10. /Изб., 332/.

ПЕСНЯ О ВРЕМЕНИ (с.220). В фильм не вошла. /Нерв, 209/.

ПЕСНЯ О ВОЛЬНЫХ СТРЕЛКАХ (с.221). В фильм не вошла. /Нерв, 207/.

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ (с.222). В фильм не вошла. Текст первоначального вар. вместо строфы 3 содержал строфу:

Только чувству, словно кораблю,
Долго оставаться на плаву,
Прежде чем узнать, что "я люблю"—
То же, что "дышу" или "живу"!

/Сов.Россия, 1980, 19 окт./.

ПЕСНЯ О ДВУХ ПОГИБШИХ ЛЕБЕДЯХ (с.224). В фильм не вошла. /Нерв, 183/.

ПЕСНЯ О НЕНАВИСТИ (с.225). В фильм не вошла. /Изб., 353/.

БАЛЛАДА О БОРЬБЕ (с.226). В фонограммах последнего времени строфа 11 следует за строфой 12. В фильм не вошла. /Нерв, 205/.

КУПОЛА (с.230). *Шемякин* Михаил Михайлович — русский художник, в 1971 г. эмигрировал во Францию, с 1981 г. живет и работает в США. В фильм не вошла. /Нерв, 102/.

РАЗБОЙНИЧЬЯ (с.231). В фильм не вошла. /Аврора, 1986, № 9/.

НАЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ (с.234). /ЧЧП, 218/.

ОДНА НАУЧНАЯ ЗАГАДКА, ИЛИ ПОЧЕМУ АБОРИГЕНЫ СЪЕЛИ КУКА (с.235). Вошла в фильм в редакции 1976 г., состоящей из строф 3 (с первой строкой "Аборигены почему-то съели Кука!"), 4 (со второй строкой "Услышал, будто вкусный кок на судне Кука..."), 5, не вошедшей в окончательную редакцию строфы:

Ломаем голову веками — просто мука:
Зачем и как аборигены съели Кука?
Чем Кук приятней? И опять молчит наука...
Так иль иначе, но нету Кука! —

и строфы 8. /ПВВ, 49/.

"ВЫ В ОГНЕ ДА И В МОРЕ ВОВЕКИ НЕ СЫЩЕТЕ БРОДА..." (с.236). /Смена, 1987, № 13/.

ШТОРМ (с.237). /Нерв, 59/.

ГИМН МОРЮ И ГОРАМ (с.238). /Нерв, 58/.

МОРЕПЛАВАТЕЛЬ-ОДИНОЧКА (с.239). Печ. по м/п списку, восходящему к беловому автографу, из архива режиссера фильма С.Говорухина, содержащему, по-видимому, наиболее поздний вар. текста. В единственной известной авт. фонограмме, сделанной во время подготовки песен к записи для фильма, строфы 7, 9, 12, 13 отсутствуют. В фильм не вошла. /ЯКД, 198/.

РАССКАЖИ, ДОРОГОЙ (с.243). Печ. по монтажной записи фильма, восходящей, по всей вероятности, к беловому автографу./ЯКД, 202/.

НЕ ГРУСТИ (с.244). Печ. по монтажной записи фильма. В фильм вошла без строф 6—10. /ЯКД, 204/.

ВООРУЖЕН И ОЧЕНЬ ОПАСЕН (с.246). Печ. по монтажной записи фильма. /ЯКД, 207/.

ЖИВУЧИЙ ПАРЕНЬ (с.247). Печ. по беловому автографу. В фильм не вошла. Авт. мелодия неизвестна. /ЯКД, 209/.

"ЖИВУ Я В ЛУЧШЕМ ИЗ МИРОВ..." (с.248). Печ. по авт. рукописи. Предположительно, писалась для одного из персонажей фильма, не вошла. Авт. мелодия неизвестна. /Изб., 392/.

"ЭТО ВОВСЕ НЕ ФРЕНЧ КАН-

КАН..." (с.249). Печ. по авт. рукописи. *Френч канкан* — французский канкан, танец алжирского происхождения. В фильм не вошла. Авт. мелодия неизвестна. Возможно, строфы 2 и 3 по замыслу автора являлись рефреном. /С2Т, 2 — 318/.

БАЛЛАДА О ДЕТСТВЕ (с.252). Написана на фактическом материале и по детским впечатлениям. Согласно воспоминаниям матери поэта Н.М.Высоцкой, все герои песни — реальны, изменена лишь единственная фамилия (Трисветова на Пересветову). По воспоминаниям Э.Володарского, автора сценария фильма, Высоцкий не соглашался на купюры, и поэтому песня в фильм не вошла. В редакцию фильма 1987 г. вошел фрагмент песни. Часто исполнялась автором без строф 31—35. "*Нажива — как наркотика...*" — " в послевоенное время слово "наркотик" употреблялось в разговорной речи в женском роде" (Студ. меридиан, 1988, № 1). /Аврора, 1987. № 9/.

ПОЖАРЫ (с.258). В фильм не вошла. /Нерв, 105/.

О КОНЦЕ ВОЙНЫ (с.261). Печ. по правленому беловому автографу. По всей вероятности, написана для фильма "Место встречи изменить нельзя". На имеющейся рабочей фонограмме, записанной для фильма "Мерседес" уходит от погони", текст разделен на две части в различных сочетаниях строф — вальс и марш. В фильм не вошла. /Лит.Грузия, 1981, № 8/.

БЕЛЫЙ ВАЛЬС (с.264). В фильм не вошла. /Нерв, 44/.

"ТАК СЛУЧИЛОСЬ — МУЖЧИНЫ УШЛИ..." (с.266). /Нерв, 46/.

ПЕСНЯ О ДВУХ КРАСИВЫХ АВТОМОБИЛЯХ (с.267). /ЧЧП, 211/.

ЗАТЯЖНОЙ ПРЫЖОК (с.269). Печ. по авт. фонограмме ВСГ 1974 г. В раннем варианте между строфами 9 и 10 располагались строфы:

Я лечу — треугольники, ромбы,
квадраты
Проявляются в реки, озера, луга.
Только воздух густеет, твердеет,
проклятый, —
Он мне враг — парашютный слуга.
А машина уже на посадку идет,
В землю сплюнув в отчаянье мной.
Буду я на земле раньше, чем самолет,
Потому что прыжок — затяжной.
И обрывают крик мой,
И выбривают щеки —
Тупой холодной бритвой
Снуют по мне потоки.
На мне мешки заплечные,
Встречаю — руки в боки —
Шальные, быстротечные
Воздушные потоки.

А строки 5, 6 строфы 12 при этом имели вид:

Но жгут костры, как свечи, мне —
Я приземлюсь и в шоке, [...]

/Нерв, 160/.

ГИМН ШКОЛЕ (с.273). Печ. по списку режиссера фильма Г.Полоки, восходящему к авт.рукописи. В фильм, согласно устной договоренности с автором, вошла с измененным порядком строф: 3, 4, 1, 2. Муз. А.Эшпая. /ЯКД, 231/.

"ПРОСКАКАЛИ ВСЮ СТРАНУ..." (с.275). Печ. по авт. рукописи. *Зуй* — помощник атамана. Авт. мелодия неизвестна. /Изб., 476/

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Высоцкий

130 ПЕСЕН

ДЛЯ КИНО

Редакторы В. В. Забродин, Э. Н. Мендельсон
Художественный редактор Ю. П. Фролов
Технический редактор С. Н. Орлова
Корректор Е. В. Сулькина

Сдано в набор 14.03.91. Подписано в печать 07.06.91.
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 9,95.
Тираж 100 000 экз. Цена 6 р. Заказ 157.

СОЮЗ КИНЕМАТОГРАФИСТОВ СССР
Всесоюзное творческо-производственное объединение
«Киноцентр»
123376, Москва, ул. Дружинниковская, 15

Отпечатано с оригинал-макета в типографии № 1.
220041, г. Минск, Ленинский пр., 79.

ИЙ

ндельсон
Фролов
нова

ать 07.06.91.
нитура «Таймс».
зд. л. 9,95.
157.
ССР
ъединение
, 15
ии № 1.
9.

6 р.

Владимир Высоцкий

130 ПЕСЕН ДЛЯ КИНО

...Иногда песни совершенно не нужны в кино — звучат где-то на фоне или титрах, и никто не замечает, чего они там поют. Просто звучит ч т о - т о. Я противник этого: я сижу всю ночь, до семи утра работаю — в поту, в муках творчества, как говорится, подбираю слова, чтобы в песне была какая-то внятная, четкая мысль, какие-то острые проблемы, — а ничего не слышно. Ее пускают на титрах, да еще тихо — и зритель читает, кто там гример и кто ассистент режиссера или директора картины... Это тоже важно, но при чем здесь песня? Против этого я всегда возражаю, не даю свои песни портить или вообще не даю их в фильм. Я не очень-то даю их обижать. Меня — пожалуйста, песни — нет. С самого начала своей работы в кино я поставил условие, что мои песни будут иметь такую же цену в фильме — не денежную, а творческую цену, — как и изображение и все остальное.